

ДЖОНАТАН ФРАНЗЕН

CoRpus

ПО
ПРАВ
КИ

РОМАН

Джонатан Франзен

Поправки

«Corpus (АСТ)»

2001

Франзен Д.

Поправки / Д. Франзен — «Corpus (АСТ)», 2001

ISBN 978-5-94145-490-7

Роман «Поправки», вышедший в 2001 году, принес сорокадвухлетнему Джонатану Франзену всемирную известность и поставил его в один ряд с классиками американской литературы. Книга разошлась миллионными тиражами, получила Национальную книжную премию США и была переведена на 35 языков. История семьи со Среднего Запада, рассказанная с иронией и любовью, оказалась глубоко универсальной. Чета Ламбертов и трое их взрослых детей похожи на любую настоящую семью: они любят и ненавидят друг друга, портят и спасают друг другу жизнь – и никто, включая их самих, не может помешать им собраться вместе за рождественским столом, если этого хочет мама. Фоном для этой вечной коллизии служит Америка 90-х – с ее внешним благополучием и внутренней тревогой, в смутном предчувствии перемен.

ISBN 978-5-94145-490-7

© Франзен Д., 2001

© Corpus (АСТ), 2001

Содержание

Сент-Джуд	6
Неудача	12
Чем больше он думал об этом, тем больше злился он	86
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Джонатан Франзен

Поправки

Дэвиду Минсу и Женев Паттерсон

Jonathan Franzen

The Corrections

© Jonathan Franzen, 2001

© Л. Сумм, перевод на русский язык, 2005, 2013

© ООО «Издательство АСТ», 2013

Издательство CORPUS ®

18+

Сент-Джуд

Из прерии яростно наступает холодный осенний фронт. Кажется, вот-вот произойдет что-то ужасное. Солнце низко, свет тусклый, стынет звезда. Беспорядочные порывы ветра, один за другим. Деревья в тревоге, холодает, конец всему северному мирозданию. Детей в здешних дворах нет. На пожелтевших газонах длинные тени. Красные дубы и белые болотные дубы осыпают желудевым дождем крыши домов с выплаченной ипотекой. В пустых спальнях дрожат двойные рамы. Жужжит, икает сушилка для белья, простуженно гудит садовый пылесос, зреют в бумажном мешке местные яблоки, пахнет бензином, которым Альфред Ламберт, покрасив с утра плетеное садовое кресло, промывал кисть.

В этих стариковских пригородах Сент-Джуда три часа дня – время опасное. Альфред заворочался в большом синем кресле, где дремал после ланча. Он выспался, а местные новости будут передавать только в пять. Два пустых часа – коварная пазуха, рассадник инфекций. Альфред с трудом поднялся на ноги, постоял у стола для пинг-понга, гадая, куда подевалась Инид.

Тревожный звон разносился по всему дому, но никто, кроме Альфреда и Инид, его не слышал. Сигнал подавало нарастающее беспокойство. Словно громко дребезжала большая стальная чашка с электрическим язычком, которая выгоняла школьников на улицу во время пожарных тренировок. Звонок звенел уже так давно, что Ламберты перестали воспринимать тревожное предупреждение – ведь любой звук, надолго повиснув в воздухе, мало-помалу разлагается на составные части (так любое слово, на которое тарачишься, в итоге распадается на цепочки мертвых букв) – и теперь слышали только частые удары язычка о металлический резонатор, не слитный звон, а россыпь щелчков, сопровождаемых пронзительными обертонами; звонок звенел так давно, что уже попросту слился с фоном и становился внятн лишь в ранние утренние часы, когда один из супругов Ламберт просыпался, обливаясь потом, и соображал, что звонок трезвонит в голове невесты с каких пор, трезвонит столько месяцев кряду, что успел превратиться в метазвук, нарастание и затихание которого зависело не от силы ударных волн, а от большего или меньшего *осознания* этого звука. Осознание особенно обострялось, когда сама природа впадала в беспокойство. Тогда Инид и Альфред – она на коленях в столовой, выдвигая ящики, он в подвале, подозрительно приглядываясь к шаткому столу для пинг-понга, – чувствовали, что нервы вот-вот лопнут от тревоги.

Сейчас беспокойство вызывали купоны, лежавшие в ящике рядом с витиеватыми свечками осенних оттенков. Стопка купонов была перехвачена резинкой, и Инид вдруг сообразила, что срок действия большинства из них (а ведь дату, как правило, обводили красным) истек месяцы и даже годы назад, что сотня с лишним купонов, суливших в совокупности скидки более чем на шестьдесят долларов (сто двадцать в Чилтсвилском супермаркете, где скидки удваивали), обесценилась. Тилекс, шестьдесят центов скидки. Экседрин, целый доллар. Срок действия не просто истек – он давно отошел в прошлое. Сигнал тревоги звенел много лет.

Инид пихнула купоны обратно к свечкам и задвинула ящик. Вообще-то она искала заказное письмо, доставленное несколько дней назад. Альфред услышал, как почтальон постучал в дверь и заорал: «Инид! Инид!», да так громко, что не услышал ответного вопля: «Я открою, Ал!» Муж продолжал выкликать ее имя, неуклонно приближаясь, а поскольку письмо было из корпорации «Аксон» (Ист-Индастриал-Сerpентайн, 24, Швенксвил, Пенсильвания) и в ситуации с «Аксон» имелись нюансы, о которых ведала лишь Инид, а Альфреду лучше бы о них не знать, она быстренько спрятала письмо где-то неподалеку от входной двери. Альфред как раз выбрался из подвала, взревел, точно землеройная машина: «*Инид, кто-то стучит в дверь!*», и она буквально провизжала в ответ: «Почтальон! Почтальон!», а он только головой покачал, не разумея, что к чему.

Инид твердо знала, что в голове давно бы прояснилось, если б не надо было каждые пять минут проверять, чем занят Альфред. Как она ни старалась, ей не удавалось вдохнуть в мужа интерес к жизни. Если она уговаривала его снова заняться своими железками, он смотрел на нее, как на сумасшедшую. Если предлагала привести в порядок двор, он отвечал, что у него болят ноги. Если напоминала, что у всех знакомых есть хобби (Дейв Шумперт возился с цветным стеклом, Кёрби Рут строил изящные домики для сизых выюрков, Чак Мейснер ежедневно проверял курс своих акций), Альфред реагировал так, словно она норовила отвлечь его от главного труда всей жизни. От какого такого главного труда? Покраски мебели на веранде? С плетеным диваном он колупался со Дня труда¹. Помнится, когда прошлый раз брался за краски, он справился с этим диваном за два часа. Теперь же день за днем отправлялся в мастерскую, а когда через месяц Инид рискнула проинспектировать работу, выяснилось, что у дивана покрашены только ножки.

Альфред встретил ее неприветливо. Сказал, кисть пересохла, оттого работа и затянулась. И старую краску с прутьев сдирать – все равно что снимать кожу с брусники. Еще он ворчал на сверчков. Инид начала задыхаться – не от злости, разумеется, от запаха бензина, от душной сырости в мастерской (пахло мочой – чушь какая, откуда тут моча?!). Она поспешила наверх, поискать письмо из «Аксона».

Шесть дней в неделю почтовые отправления фунтами сыпались в щель парадной двери, а поскольку недопустимо, чтобы в холле громоздились какие-либо случайные предметы – жить полагалось так, словно в доме никто и не живет, – Инид постоянно вела нелегкую борьбу. Она не воображала себя партизаном, но больше всего это смахивало на партизанские действия. Днем она передислоцировала матчасть, иногда лишь на шаг опережая правительственные силы. Вечерами, устроившись под очаровательным, хотя и чересчур тусклым бра за чересчур маленьким кухонным столиком, она совершала вылазки: оплачивала счета, сводила баланс по чековым книжкам, пыталась расшифровать бумаги медицинского страхования и ломала себе голову над грозным третьим извещением из медицинской лаборатории, требовавшим незамедлительной уплаты 22 центов, хотя далее следовал итог \$ 0,00, то есть получалось, что она ничего не должна, к тому же в извещении не было никаких банковских реквизитов. Первое и второе извещение иной раз куда-то исчезали, а учитывая, в каких трудных условиях Инид вела военные действия, нечего удивляться, что она весьма смутно припоминала, куда эти извещения засунула. Наиболее вероятным местом представлялся стенной шкаф в гостиной, но правительственные силы в лице Альфреда, расположившись перед телевизором, слушали новости на такой громкости, которая даже ему мешала заснуть, да еще зачем-то включали все лампы в гостиной, а открывать при нем дверцы шкафа было рискованно, того гляди кучей вывалятся каталоги, журналы «Красивый дом» и разрозненные отчеты «Меррил Линч»², и гнев Альфреда будет ужасен. Возможно, извещений в шкафу вовсе и нет, поскольку правительственные силы время от времени совершали налеты на склады Инид, грозя «вышвырнуть вон» все бумаги, если она их не разберет, а у нее столько сил уходило на предотвращение подобных рейдов, что на разборку документов уже не хватало энергии, а в постоянных вынужденных миграциях и депортациях были утрачены последние следы порядка, так что в каком-нибудь пластиковом нордстромовском пакете с полуоторванной ручкой, запихнутом за горку пожелтевших кружев, скапливалась вся жалкая мешанина бесприютного беженского существования: к примеру, разрозненные номера «Домоводства», черно-белые снимки Инид сороковых годов, выцветшие рецепты на высококислотной бумаге (непременный ингредиент – увядший латук), текущие счета за газ и телефон, подробное первое извещение из медицинской лаборатории, в котором пациентов просили впредь не обращать внимания на счета, не превышающие пятидесяти цен-

¹ День труда – отмечается в первый понедельник сентября.

² «Меррил Линч» – крупнейшая брокерская контора в США, ее отчеты заменяют биржевые сводки.

тов, бесплатная фотография Инид и Альфреда на круизном пароходе – оба в парео, попивают какой-то напиток из половинок кокосового ореха – и последние уцелевшие копии свидетельств о рождении двоих из детей.

Хотя официально противником Инид считался Альфред, на самом деле в партизана ее превратил дом, захвативший в плен обоих супругов. Обстановка сама по себе не допускала беспорядка. Стулья и столы от Этана Аллена. На переднем плане – «Спод энд Уотерфорд»³. Непременные фикусы, неременная норфолкская сосна. На стеклянном кофейном столике веером разложены номера «Архитектурного дайджеста». Туристические трофеи – китайская эмаль, венская музыкальная шкатулка, которую Инид из чувства долга и сострадания порой заводила и поднимала крышку. Звучал мотив «Странников в ночи»⁴.

К несчастью, у Инид не доставало характера, чтобы содержать в порядке такую махину, а у Альфреда не доставало выдержки. Обнаружив следы партизанских действий – скажем, едва не споткнувшись о нордстромовский пакет, валявшийся среди бела дня на подвальной лестнице, – Альфред раздражался яростными воплями, но то были вопли правительства, которое уже не правит. В последнее время Альфред повадился бессмысленно щелкать на своем калькуляторе колонки восьмизначных чисел: к примеру, пять раз высчитывал социальные отчисления от зарплаты уборщицы, получил четыре разных результата и наконец, изнемогая, принял тот итог (\$ 635,78), который случайно выскочил дважды (правильная цифра – \$ 70). Инид совершила ночной налет на хранившиеся у Альфреда папки и извлекла из них налоговые бланки, что могло бы существенно повысить эффективность ведения домашнего хозяйства, если б и бланки не угодили в нордстромовский пакет вместе со старыми номерами «Домоводства», которые коварно скрыли эти насущные документы, и очередное поражение привело к тому, что уборщица сама заполнила налоговые формы, а Инид попросту выписала ей чек. Альфред же только качал головой, не разумея, что к чему.

Почти все столы для пинг-понга, прижившиеся в подвалах коттеджей, со временем начинают служить другим, безнадежным играм. Выйдя на пенсию, Альфред приспособил восточный край стола для ведения бухгалтерии и корреспонденции. На западном конце примостился маленький цветной телевизор, – Альфред намеревался смотреть местные новости, восседавая в своем большом синем кресле. Но теперь телевизор был погребен под грудой «Домоводств», жестянок с леденцами и барочных, хотя и дешевых подсвечников, которые Инид все собиралась сдать в комиссионный магазин «Лучше новых двух». Только на столе для пинг-понга гражданская война бушевала в открытую. На восточном краю Альфредов калькулятор попал в окружение цветастых прихваток для кастрюль, сувенирных подставок для стаканов из «Эпкот-центра» и приспособления для очистки вишен от косточек, которое Инид за тридцать лет ни разу не пускала в ход; в свою очередь Альфред напал на западный фланг и, к полному недоумению Инид, в ключья разодрал венок из сосновых шишек, фундука и крашенных бразильских орехов.

К востоку от стола для пинг-понга располагалась мастерская, некогда – металлургическая лаборатория Альфреда. Теперь здесь поселились немые, тусклые сверчки, которые с перепугу, словно пригоршня брошенных камешков, разлетались по комнате в самых непредсказуемых направлениях или шмякались на пол под собственной тяжестью. От малейшего прикосновения они лопались, а на то, чтобы вытереть это месиво, уходило несколько салфеток. Инид и Альфред страдали от множества неудобств, которые считали огромными, выходящими за рамки нормы, а потому постыдными, и сверчки в этом списке значились едва ли не на первом месте.

Серая пыль злых чар и паутина магических наговоров плотно окутывали старый электрический горн, банки с экзотическим родиом, зловещим кадмием и стойким висмутом, само-

³ Мебель от Этана Аллена – ширпотреб; «Спод энд Уотерфорд» – высококачественные коллекционные предметы.

⁴ «Странники в ночи» – песня Фрэнка Синатры.

дельные бумажные этикетки, потемневшие от испарений из заткнутой стеклянной пробкой бутылки с царской водкой, блокнот, где над последней сделанной рукой Альфреда записью стояла дата пятнадцатилетней давности, еще до начала измен. Где-то на верстаке до сих пор валялся карандаш, оставленный Альфредом полтора десятилетия назад, простой, дружелюбный предмет, за многие годы забвения тоже пропитавшийся враждебностью. Асбестовые рукавицы висели на гвозде между двумя патентами в покособившихся от сырости рамках. Чехол бинокулярного микроскопа покрыт ошметками краски, осыпавшейся с потолка. Пыли здесь, в подвале, не было только на плетеном диване, банке с масляной краской «Антиржав» и нескольких кистях, а также на двух-трех больших банках из-под кофе. Несмотря на явное свидетельство органов обоняния, Инид предпочитала не верить, что супруг наполняет эти банки мочой, – с какой стати ему мочиться в банки из-под кофе, вместо того чтобы пройти десять шагов до уборной?

К западу от стола для пинг-понга размещалось большое синее кресло. Слишком даже большое, вроде губернаторского. Кресло было кожаное, но пахло, точно салон «лексуса», точно современная влагонепроницаемая медицинская мебель, с которой можно влажной тряпкой смахнуть запах смерти и освободить место для следующего пациента, и пусть тот умрет со всеми удобствами.

Это кресло – единственная крупная покупка, сделанная Альфредом без согласования с Инид. Когда он ездил в Китай на переговоры с тамошними железнодорожниками, Инид сопровождала его, и супруги вместе побывали на ковровой фабрике, вместе выбрали ковер для гостиной. Они не привыкли тратить деньги на себя, а потому выбрали один из недорогих, с простым синим узором из «Книги перемен» на бежевом фоне. Несколько лет спустя, уволившись с железной дороги «Мидленд Пасифик», Альфред решил заменить старое, пахнущее коровником кресло из черной кожи, в котором он смотрел телевизор и дремал. Ему понадобилось что-то покомфортабельнее. Мало того, посвятив всю жизнь удовлетворению чужих потребностей, он искал теперь не просто удобную мебель, но возводил монумент своей мечте о покое. И вот Альфред один отправился в мебельный магазин (из дорогих, не предоставлявший скидок) и выбрал Вечное Кресло. Настоящее кресло главного инженера, такое огромное, что в нем потерялся бы и человек покрупнее Альфреда, кресло, способное выносить высокие нагрузки. А поскольку цвет его покупки более или менее соответствовал узору китайского ковра, у Инид не оставалось выбора: Альфредово приобретение разместилось в гостиной.

Однако вскоре у Альфреда начали дрожать руки, и на обширное бежевое поле проливался кофе без кофеина, неслухи внуки давили ногами ягоды и цветные мелки, и Инид заподозрила, что покупка этого ковра была роковой ошибкой. Одной из многих, какие она совершила в жизни, желая сэкономить деньги. Теперь ей казалось, что лучше бы вовсе не покупать ковер, чем соглашаться на этот. В конце концов, когда дневная дремота Альфреда переросла в заколдованный сон, Инид осмелела. Много лет назад мать оставила ей крошечное наследство. С тех пор на капитал росли проценты, кой-какие акции поднялись в цене, так что у Инид завелся собственный доход. Итак, гостиная станет зелено-желтой. Инид заказала ткани. Явился обойщик, и Альфред, временно переселенный в столовую, очнулся от дремоты, угодив в суший кошмар.

– Ты снова затеяла ремонт?!

– Деньги мои, – отрезала Инид. – Как хочу, так и трачу.

– А как насчет моих денег? Разве я не работал?

В прошлом этот аргумент завершал спор – он был, так сказать, легитимной основой Альфредовой тирании, – но на сей раз вышло иначе.

– Ковру уже десять лет, и кофейные пятна с него не отчистить, – вынесла приговор Инид.

Альфред простер руку к своему синему креслу. Обойщик закутал мебель в пластик, и кресло выглядело как объект, предназначенный к отправке на багажную станцию. Альфреда

трясло от возмущения, он не верил своим ушам: как Инид могла забыть про этот довод, сокрушающий все ее планы, про это неустранимое препятствие?! Вся его жизнь, семь десятилетий неволи, словно бы воплотилась в этом кресле – оно прослужило уже шесть лет, но все еще выглядело как новенькое. Торжествующая ухмылка расплзлась по лицу Альфреда, он был уверен в неотразимости своей грозной логики.

– А как насчет кресла? – спросил он. – Как насчет моего кресла?

Инид покосилась на кресло. На ее лице проступила печаль – только печаль, ничего более.

– Мне оно никогда не нравилось.

Она поразила Альфреда в самое сердце. Кресло было единственным его личным притязанием на будущее. Прилив жалости к креслу, солидарности с ним, изумленной скорби при мысли о свершившемся предательстве сбил Альфреда с ног – он снял с кресла пластиковую пленку, рухнул в его объятия и погрузился в глубокий сон.

(Вот так можно распознать заколдованное царство – человек проваливается в сонное оцепенение.)

От ковра и кресла было необходимо избавиться. С ковром Инид разделалась без труда: поместила в местной газете бесплатное объявление и уловила в свои сети трепетную птичку, женщину в том возрасте, когда еще совершают подобные ошибки. Покупательница смятым комком извлекла из кошелька пятидесятидолларовые купюры, отмусолила нужную сумму, дрожащими пальцами расправляя каждую банкноту.

А кресло? Кресло – памятник и символ, неотделимый от Альфреда. Его можно было лишь переместить внутри дома, поэтому оно отправилось в подвал, и Альфред за ним следом. В доме Ламбертов, как повсюду в Сент-Джуде, как повсюду в стране, жизнь уходила в подполье.

Ага, Альфред наверху, выдвигает и задвигает ящики. Он всегда нервничает перед поездкой к детям. Визиты к детям, похоже, единственный интерес в его теперешней жизни.

За безупречно чистыми окнами столовой царил хаос. Неистовый ветер, злобные тени. Инид всюду искала письмо из корпорации «Аксон», но так и не нашла.

Альфред стоял посреди спальни, гадая, кто и зачем открыл ящики его шкафа – может, он сам? Но предпочел свалить вину за свое замешательство на Инид. За то, что она все это устроила: именно она и могла открыть ящики.

– Ал! Что ты тут делаешь?

Он обернулся к двери, начал было фразу: «Я...» – и тотчас осекся, ведь, когда его заставляли врасплох, каждое предложение делалось непредсказуемым и опасным, словно путь через лес; как только опушка оставалась за спиной, он обнаруживал, что крошки, которыми он отметил дорогу, склевали птицы, проворные безгласные существа, неразличимые в темноте, но прожорливо роившиеся вокруг в таком количестве, что казалось, это и есть тьма, как будто тьма вовсе не однородна, не простое отсутствие света, а кишение темных корпускул. Когда-то прилежный подросток Альфред наткнулся в «Сокровищнице английской поэзии» Мак-Кея на выражение «тьма крошечная», по ошибке прочитал «крошечная» и с тех пор неизменно представлял себе сумрак как мельтешение малюсеньких частичек, как зернистость высокочувствительной пленки, которую используют для съемок при слабом освещении, как своего рода зловещий распад, – отсюда и паника человека, заплутавшего в лесу, где тьма была тенью стаи скворцов, заслонившей закат, или полчищами черных муравьев, густо облепивших тушку опоссума, и тьма эта не просто существовала, но *пожирала* ориентиры, которые Альфред оставлял для себя, страшая заблудиться; однако ж едва он замечал, что сбился с пути, как время вмиг замедлялось и в зазорах между словами разверзались дотоле неведомые вечности, вернее сказать, он проваливался в зазор между словами и мог лишь неподвижно стоять, глядя, как время течет дальше, уже без него; вот и сейчас легкомысленное мальчишеское «я» Альфреда умчалось напролом через лес и исчезло из виду, а взрослый Ал так и замер в странно-равно-

душном ожидании: вдруг перепуганный мальчик, не знающий, куда он попал и в каком месте вошел в эти словесные дебри, сумеет все-таки случайно выбраться на опушку, где его ждет не подозревающая о лесах Инид.

– Вещи свои собираю, – донесся до Альфреда собственный голос. Вроде бы все правильно. Существительное, притяжательное местоимение, глагол. На полу – чемодан, разумное доказательство. Он ничем себя не выдал.

Но Инид заговорила снова. Врач предупреждал, что Альфред слегка недослышит. Стоит, хмурится, плохо ее понимает.

– Сегодня четверг, – погромче повторила она. – Мы уезжаем только в субботу.

– В субботу! – эхом откликнулся Альфред.

Жена хорошенько отчитала его, и на время крошечное птичье крошево отступило, но снаружи ветер задул солнце и стало очень холодно.

Неудача

Нетвердой походкой они шли через длинный вестибюль. Инид старалась щадить больное бедро, Альфред нелепо болтал руками, непослушные ноги шлепали по аэропортовскому ковру, оба смотрели в пол прямо перед собой, отмеривая на пугающем пространстве отрезки по три шага. У каждого через плечо сумка «Нордик плежелайнз». Всякий, кто замечал, как поспешно эти двое отводят глаза от пробегающих мимо темноволосых ньюйоркцев, всякий, кому бросалась в глаза мягкая фетровая шляпа Альфреда, маячившая над толпой, или желтые шерстяные брюки, которые обтягивали выпирающее бедро Инид, сразу же понимал, что эти старики со Среднего Запада боятся всего вокруг. Но в глазах Чипа Ламберта, ожидавшего их за линией контроля, они были палачами.

Чип оборонительно скрестил локти на груди, одной рукой теребя в ухе стальную сережку-заклепку. Как бы напрочь не выдрать ее из уха – но даже самой острой боли, какой могли бы отозваться ушные нервы, будет недостаточно, чтобы привести его в чувство. Стоя у металлодетекторов, Чип наблюдал, как девушка с голубыми волосами обгоняет его родителей, девушка с голубыми волосами, студенточка, очень даже соблазнительная незнакомка с пирсингом на губах и бровях. Внезапно ему подумалось: если бы он мог быстренько трахнуть эту девицу, то набрался бы решимости для встречи с родителями, а если бы мог трахать ее каждую минуту, то продержался бы до самого конца их визита. Чип был мужчина высокого роста, накачанный на тренажерах, но возле глаз уже залегла сеточка морщин, маслянисто-желтые волосы поредел; если девушка и обратила на него внимание, то, скорее всего, подумала, что для кожаного костюма он староват. Незнакомка быстро прошла мимо, Чип резче дернул за серьгу, заглушая боль от расставания с этим видением – навеки, – и заставил себя сосредоточиться на отце: лицо Альфреда просияло, в толпе чужаков он наконец-то углядел сына. Отчаянным броском утопающего Альфред ринулся к Чипу, схватил его за руку, будто за спасительную веревку.

– Ну вот! – пробормотал он. – Ну вот!

Следом за Альфредом подковыляла Инид.

– Чип! – воскликнула она. – Что ты сделал с ушами?!

– Папа, мама, – сквозь зубы буркнул Чип, надеясь, что девушка с голубыми волосами уже далеко и ничего не услышит. – Рад вас видеть.

В голове у него мелькнула бунтарская мысль насчет сумок «Нордик плежелайнз» на плечах у родителей: наверно, «Нордик плежелайнз» рассылает такие сумки всем заказавшим круиз, цинично эксплуатируя дешевую ходячую рекламу, либо преследуя чисто практическую задачу – пометить участников круиза и тем упростить высадку-посадку, либо делая это из лучших побуждений – сплотить пассажиров в единую команду; впрочем, возможно, Инид и Альфред специально сохранили свои сумки от прежней поездки с «Нордик плежелайнз» и в очередной раз взяли их с собой из ложно понятой лояльности; так или иначе, Чипа возмутило, с какой готовностью его родители превращаются в носителей корпоративной пропаганды, но уже секунду спустя он повесил обе сумки на свои плечи и вместе с ними взвалил на себя непосильное бремя – созерцать аэропорт «Ла Гуардиа», город Нью-Йорк, а заодно и собственную жизнь, одежду, тело родительскими разочарованными глазами.

Словно впервые, Чип увидел грязный линолеум, водителей – вылитых наемных убийц, – потрясавших картонками, на которых были написаны чужие имена, провода, спиралью свисавшие из дыры в потолке. Рядом отчетливо слышалось непечатное ругательство. Снаружи, за большим окном багажного зала, два бангладешца толкали неисправное такси под аккомпанемент дождя и агрессивных гудков.

– В четыре мы должны быть на причале, – известила Чипа Инид. – Думаю, папа рассчитывал посмотреть твой кабинет в «Уолл-стрит джорнал». Ал! – возвысила она голос. – Ал?!

Даже при теперешней сутулости Альфред сохранял былое величие. Густые белые волосы лоснились, словно шкура полярного медведя, широкие плечи – Чип помнил, как энергично двигались длинные мускулы, когда отец порол кого-то из сыновей, чаще всего самого Чипа, – по-прежнему распирали серый твид спортивной куртки.

– Ал, ты ведь говорил, что хочешь посмотреть, где работает Чип? – прокричала Инид.

Ал покачал головой:

– Времени не хватит.

Багажный транспортер крутился вхолостую.

– Ты принял таблетку? – спросила Инид.

– Да, – ответил Ал. Закрыв глаза и несколько раз медленно повторил: – Я принял таблетку. Я принял таблетку. Я принял таблетку.

– Доктор Хеджпет выписал ему новое лекарство, – пояснила Инид, обращаясь к Чипу.

Втайне Чип был уверен, что отец не выражал ни малейшего желания посетить редакцию. По правде говоря, к «Уоллстрит джорнал» Чип отношения не имел: издание, в котором он печатался (без гонорара), именовалось «Уоррен-стрит джорнал. Ежемесячник трансгрессивного искусства». Кроме того, Чип недавно закончил киносценарий и вот уже почти два года работал (на неполной ставке) корректором в юридической фирме «Брэг Нутер и Спей», с тех пор как вследствие серьезного проступка при соучастии некой студентки лишился должности профессора-ассистента на кафедре текстуальных артефактов в Д-ском университете в Коннектикуте; проступок, граничивший с подсудным делом – родители, разумеется, слыхом об этом не слыхали, – положил конец долгой череде достижений, которыми его мать могла похвалиться в родном Сент-Джуде; родителям Чип сказал, что оставил преподавание, поскольку вознамерился писать, а когда сравнительно недавно матери понадобились подробности, он упомянул «Уоррен-стрит джорнал», но Инид слышалось более известное название, и она тут же растремилась об успехе сына своим приятельницам – Эстер Рут, Беа Мейснер и Мери Бет Шумперт, – а Чип, хотя не раз имел возможность поправить мать во время ежемесячных телефонных разговоров, напротив, всячески поощрял ее заблуждение, и в результате ситуация усложнилась: с одной стороны, «Уолл-стрит джорнал» получали в Сент-Джуде, но мать словом не обмолвилась, что ищет и не находит имени Чипа на страницах журнала (а стало быть, какая-то часть ее существа превосходно сознавала, что сын там не работает), с другой же стороны, автор таких опусов, как «Креативный адюльтер» и «Во славу притонов», всячески старался, чтобы мать сохранила именно те иллюзии, которые «Уоррен-стрит джорнал» считал своим долгом подрывать. Вдобавок ему уже сравнялось тридцать девять, и в том, как складывалась его жизнь, конечно же были виноваты родители. Поэтому Чип искренне обрадовался, когда мать оставила наконец опасную тему.

– Тремор заметно уменьшился, – продолжала Инид, понижая голос, чтобы Альфред не расслышал. – Единственный побочный эффект – возможные галлюцинации.

– Ничего себе! Серьезный эффект, – забеспокоился Чип.

– Доктор Хеджпет говорит, у него очень легкая форма, практически полностью поддающаяся лекарственному контролю.

Альфред не сводил глаз с темной пещеры, из которой вот-вот выползет багаж; бледные пассажиры цепочкой выстраивались у ленты транспортера. Линолеум испещрен путанными цепочками следов, серых от грязи, образовавшейся из-за дождя. Освещение цвета морской болезни.

– Нью-Йорк! – буркнул Альфред.

Глянув на Чиповы брюки, Инид нахмурилась.

– Они ведь не из кожи, правда?

– Из кожи.

– Как же ты их стираешь?

– Это кожа, мама. Ее моют, как собственное тело.

– Мы должны быть на причале в четыре, и ни минутой позже, – напомнила Инид.

Пещера отрыгнула несколько чемоданов.

– Помоги мне, Чип, – позвал отец.

Вскоре Чип вышел на ветер и дождь, покачиваясь под тяжестью всех четырех родительских сумок. Альфред по инерции шаркал вперед, боясь остановиться: начать движение вновь ему будет не под силу. Инид чуть приотсталла, ее донимала боль в бедре. Она прибавила в весе, а в росте, пожалуй, уменьшилась с тех пор, как Чип видел ее последний раз. Она всегда была красивой женщиной, но Чип воспринимал ее прежде всего как авторитет и, даже глядя на мать в упор, не сумел бы описать ее внешность.

– Это что – ковкая сталь? – поинтересовался Альфред, потихоньку продвигаясь в очереди на такси.

– Да. – Чип потерял мочку уха.

– На вид точь-в-точь старая четвертьдюймовая заклепка.

– Ага.

– Как это делают? Плющат? Молотом куют?

– Молотом, – ответил Чип.

Альфред поморщился и со свистом втянул воздух.

– Мы едем в круиз «Краски роскошной осени», – зашептала Инид, когда все трое уселись в желтое такси и машина помчалась через Куинз. – Плывем до Квебека, а на обратном пути все время будем любоваться листопадом. Папочке очень понравился наш последний круиз. Правда, Ал? Ты ведь получил удовольствие от того круиза?!

По кирпичным оградкам домов, тянувшихся вдоль Ист-Ривер, яростно молотил дождь. Чип предпочел бы погожий день, солнечный пейзаж, голубую воду и чтобы ничего не надо было прятать. В это утро дорога напрочь лишилась всех красок, кроме расплывчатых красных тормозных огней.

– Один из крупнейших городов мира! – взволнованно произнес Альфред.

– Как ты себя чувствуешь, папа? – спросил, наконец, Чип.

– Чуть лучше – и я окажусь в раю, чуть хуже – в аду.

– Мы в таком восторге от твоей новой работы, – вставила Инид.

– Одна из крупнейших газет в стране, – подхватил Альфред. – «Уолл-стрит джорнал»!

– Чувствуете: рыбой пахнет? Океан рядом, – сказал Чип.

– Нет, это от тебя. – Инид нагнулась и ткнула лицом в его кожаный рукав. – Твоя куртка очень пахнет рыбой.

Он высвободился.

– Мама! Ну пожалуйста!

Беда в том, что Чипу не доставало уверенности в себе. Прошли те денечки, когда он мог позволить себе *эпатировать буржуа*. Если не считать квартиры на Манхэттене да хорошенькой подружки, Джулии Врейс, не осталось почти ничего, чем он мог бы убедить себя, что является дееспособной особью мужского пола, – никаких достижений, сопоставимых с заслугами брата Гари, банкира, отца троих детей, или сестры Дениз, которая в тридцать два года была замом шеф-повара в новом филиладельфийском ресторане, престижном и процветающем. Чип надеялся, что успеет до приезда родителей продать киносценарий, но закончил черновик только к полуночи во вторник, а потом отработал три четырнадцатичасовые смены в «Брэгг Нутер и Спей» – понадобились наличные, чтобы уплатить за август и успокоить владельца квартиры (Чип взял ее в субаренду) насчет квартплаты за сентябрь и октябрь, вдобавок требовалось закупить продукты для ланча, сделать уборку, и лишь нынче под утро он, наконец,

проглотил давно припасенную таблетку ксанакса⁵. Без малого неделю Чип не видел Джулию и даже не разговаривал с ней. Множество нервных посланий, оставленных на ее автоответчике за последние двое суток, – он приглашал ее пообедать вместе с родителями и Дениз у него на квартире в субботу около полудня и просил по возможности не упоминать при стариках, что она замужем за другим человеком, – Джулия оставила без ответа, молчала и по телефону, и по электронной почте, а это и человека более хладнокровного, нежели Чип, могло навести на весьма тревожные мысли.

На Манхэттене дождь лил как из ведра, вода потоком струилась по фасадам домов, пенясь в растрехах водостоков. Подъехав к своему дому на Девятой Восточной улице, Чип принял из рук Инид деньги, через окошечко передал их таксисту, шофер в тюрбане поблагодарил, и тут только Чип сообразил, что чаевые слишком малы. Он вытащил из бумажника две однодолларовые бумажки и помахал ими у плеча водителя.

– Довольно, довольно, – запищала Инид, перехватив его руку. – Он уже сказал «спасибо».

Но деньги уже ушли. Альфред пытался открыть дверцу, дергая рукоятку стеклоподъемника.

– Не эту, папа! – Чип перегнулся через него и распахнул дверцу.

– Сколько же ты ему дал? – спросила Инид у Чипа; они стояли под козырьком подъезда, дожидаясь, пока таксист выгрузит из багажника вещи.

– Около пятнадцати процентов, – ответил Чип.

– По-моему, ближе к двадцати, – заявила Инид.

– Давай поспорим, прямо сейчас.

– Двадцать процентов – многовато, – прогремел Альфред. – Это неразумно.

– Желаю вам всем хорошего дня, – попрощался водитель, похоже, без иронии.

– Чаевые дают за обслуживание, за любезность, – не унималась Инид. – Если обслуживание и обращение особенно хороши, я готова дать пятнадцать процентов. Но если ты раздаешь чаевые автоматически...

– Всю свою жизнь я страдал от депрессии, – слышалось Чипу, или Альфред в самом деле это сказал?

– Что-что? – переспросил он.

– Годы Депрессии все изменили. Изменили стоимость доллара.

– А, так речь об экономической депрессии.

– В таком случае невозможно выразить в деньгах, когда обслуживают действительно хорошо или, наоборот, очень плохо, – продолжала Инид.

– Доллар – тоже деньги, и немалые, – подхватил Альфред.

– Пятнадцать процентов – только за исключительную, да-да, исключительную любезность.

– Хотел бы я знать, почему мы непременно должны обсуждать эту тему, – сказал Чип матери, – именно эту, а не какую-нибудь другую.

– Нам обоим ужасно хочется посмотреть, где ты работаешь, – ответила Инид.

Швейцар по имени Зороастр выбежал навстречу, чтобы помочь с багажом, и проводил Ламбертов в норовистый местный лифт.

– На днях я столкнулась в банке с твоим старым другом Дином Дриблетом, – сказала Инид. – Всякий раз, как встречаю Дина, он непременно спрашивает про тебя. На него произвело впечатление, что ты теперь пишешь.

– Дин Дриблет – всего-навсего одноклассник, а не друг, – заметил Чип.

– Его жена только что родила четвертого. Я тебе рассказывала, они построили огромный дом, за городом, в Парадайз-Вэлли. Ты насчитал у них восемь спален, да, Ал?

⁵ Ксанакс – лекарство от невроза, предназначенное для пожилых пациентов.

Альфред не мигая уставился на жену. Чип нажал кнопку «закрыть двери».

– В июне мы с отцом были у них на новоселье, – сообщила Инид. – Грандиозно! Они заказали еду из ресторана, целые горы креветок. Горы креветок, прямо в панцирях. В жизни не видела ничего подобного!

– Горы креветок! – фыркнул Чип.

Двери лифта наконец закрылись.

– И дом прекрасный, – гнула свое Инид. – По меньшей мере шесть спален, и, похоже, они их все заполняют. Дела у Дина идут невероятно успешно. Сперва он создал компанию по уходу за газонами – когда понял, что похоронный бизнес не для него, ну, ты же знаешь, Дейл Дриблет, его отчим, владеет агентством «Часовня Дриблета», ты же знаешь, а теперь повсюду висят его рекламные щиты, он создал организацию здравоохранения. Я читала в газете, это самая быстрорастущая ОЗ в Сент-Джуде, называется «ДиДиКэр», как и его компания по уходу за газонами, и тоже рекламируется на щитах. Он настоящий предприниматель, вот что я тебе скажу.

– Ме-е-едленный лифт, – протянул Альфред.

– Дом довоенный, – напряженным голосом пояснил Чип. – Чрезвычайно престижный.

– Знаешь, что он собирается подарить матери на день рождения? Для нее это будет сюрприз, но тебе-то можно рассказать. Он везет ее в Париж, на восемь дней. Два билета первого класса, восемь суток в «Ритце»! Такой вот Дин человек, для него семья – всё. Представляешь? Сделать матери такой подарок! Ал, ты ведь говорил, что один только дом наверняка обошелся им в миллион долларов? Ал?!

– Дом большой, но построен кое-как, – с неожиданной энергией возразил Альфред. – Стены тонкие, как бумага.

– Все новые дома так строят, – вступилась Инид.

– Ты спрашивала, какое впечатление произвел на меня их дом. По-моему, это показуха. И креветки – тоже показуха. Никакого вкуса.

– Мороженые, наверно, – предположила Инид.

– Люди с легкостью покупаются на такие штуки, – продолжал Альфред. – Месяцами только и разговоров, что о горах креветок. Сам посуди, – обратился он к Чипу, словно к непредвзятому наблюдателю, – твоя мать до сих пор о них рассуждает.

На миг Чипу показалось, будто отец превратился в незнакомого симпатичного старика, но он знал, что в глубине души Альфред все тот же тиран, горластый и склонный к рукоприкладству. Четыре года назад, когда Чип последний раз навещал родителей в Сент-Джуде, он прихватил с собой тогдашнюю свою подружку Руфи, юную марксистку из северной Англии, и эта крашеная блондинка сперва нанесла целый ряд оскорблений лучшим чувствам Инид (закурила в доме, громко расхохоталась при виде любимых хозяйкой акварелей с видами Букингемского дворца, вышла к обеду без лифчика и отказалась попробовать даже ложечку салата из водяного ореха, зеленого горошка и кубиков чеддера под густым майонезным соусом, который Инид готовила по праздникам), а после подкалывала и провоцировала Альфреда, покуда отца не прорвало: «черные» погубят эту страну, «черные» не способны сосуществовать с белыми, они рассчитывают, что о них будет заботиться правительство, они не умеют вкалывать до седьмого пота, чего у них напрочь нет, так это дисциплины, а кончится все это резней, уличной резней, и ему наплевать, что Руфи о нем думает, она тут гостья – в его доме, в его стране – и не вправе критиковать то, чего не понимает; а Чип, предупредивший Руфи, что его родители – самые консервативные американцы в Америке, исподтишка улыбался ей, как бы говоря: «Ну, всё, как я обещал!» Не прошло и трех недель, как Руфи бросила его, сообщив мимоходом, что он гораздо больше похож на своего отца, чем думает.

– Ал, – сказала Инид, как только лифт остановился, – ты должен признать, что праздник был очень, очень милый и что со стороны Дина было очень мило пригласить нас.

Альфред словно и не слышал.

Возле двери в квартиру торчал прозрачный пластиковый зонтик, в котором Чип с облегчением признал имущество Джулии Врейс. Он выволакивал из лифта родительские пожитки, когда дверь квартиры распахнулась и перед ним предстала Джулия собственной персоной.

– О! О! – возбужденно затараторила она. – Как вы рано!

Часы Чипа показывали 11.35. Фигуру Джулии скрывал бесформенный лавандово-лиловый плащ, в руках она держала большой магазинный пакет. Сырой воздух распушил длинные волосы цвета горького шоколада. Тоном человека, заигрывающего с каким-то крупным животным, она поздоровалась с Альфредом и Инид, с каждым по отдельности. Альфред и Инид пролаяли свои имена и протянули Джулии руки, отесняя ее обратно в квартиру, где Инид засыпала ее вопросами, в которых Чип, тащивший следом багаж, отчетливо различал намеки и подтексты.

– Вы живете в городе? *(Ты, часом, не сожительствоуешь с нашим сыночком, а?)* – расспрашивала Инид. – Работаете тоже в городе? *(Зарабатываешь деньги? Или ты из чуждой нам богатенькой семьи новоанглийских снобов?)* – И выросли здесь? *(Или ты приехала сюда из-за Аппалачей, из тех мест, где люди добры и близки к земле и где нет евреев?)* О, так ваша семья до сих пор живет в Огайо? *(А может, твои родители последовали предосудительной моде и развелись?)* У вас есть братья и сестры? *(Надеюсь, ты не единственный избалованный ребенок и не католичка с миллионом братьев и сестер?)*

После того как Джулия прошла вступительный тест, Инид переключила свое внимание на квартиру. Мучаясь от неуверенности в себе, Чип постарался придать жилью презентабельный вид. Купил пятновыводитель и вытравил с красного кресла следы спермы, разобрал бастион винных пробок, который возводил в нише над камином со скоростью полудюжины мерло и пино-гриджио в неделю, снял со стены в ванной увеличенные фотографии мужских и женских гениталий – гордость своей художественной коллекции, – заменив их тремя дипломами, которые Инид давным-давно для него окантовала.

Нынче утром, полагая, что и так уже поступился слишком многим, Чип подправил свой имидж, вырядившись для встречи с родителями в кожаные шмотки.

– Вся комната размером с ванную Дина Дриблета, – объявила Инид. – Правда, Ал?

Альфред вывернул свои дрожащие руки и внимательно изучал их тыльную сторону.

– В жизни не видала такой огромной ванной.

– Инид, ты бестактна, – оборвал ее муж.

Чип мог бы сообразить, что и реплика Альфреда не отличалась деликатностью, поскольку подразумевала, что отец соглашается с замечанием матери насчет квартиры, только считает неуместным говорить об этом вслух. Однако Чип не мог сосредоточиться ни на чем, кроме ручки фена, выглядывавшей из пакета Джулии. До сих пор она держала этот фен в ванной Чипа. Очевидно, Джулия собралась уходить.

– У Дина с Триш есть джакузи, и душевая кабинка, и ванна, все отдельно, – захлебывалась Инид. – Даже раковина у каждого своя.

– Извини, Чип, – сказала Джулия.

Жестом он попросил ее подождать.

– Как только Дениз приедет, сядем за стол, – предупредил он родителей. – Простой домашний ланч. Располагайтесь поудобнее.

– Рада была познакомиться, – сказала Джулия Инид и Альфреду. И, понизив голос, добавила, обращаясь к Чипу: – Дениз скоро приедет. Все будет хорошо.

Она открыла дверь.

– Мама, папа, – пробормотал Чип, – одну минуточку.

Он вышел вслед за Джулией и захлопнул за собой дверь.

– Ты не слишком удачно выбрала время. Совсем неудачно, право же.

Тряхнув головой, Джулия откинула волосы назад.

– А я рада, что впервые в жизни сумела соблюсти в отношениях с мужчиной собственные интересы.

– Отлично. Большой шаг вперед. – Чип вымученно улыбнулся. – Но как насчет сценария? Иден его читает?

– Думаю, прочтет за выходные.

– А ты?

– Я прочла. – Джулия отвела взгляд. – Почти весь.

– Идея в том, – пояснил Чип, – чтобы вначале было это «препятствие», которое зритель должен преодолеть. Отвлекающий момент в самом начале – классический прием модернизма. Зато к концу вовсе нарастает напряжение.

Джулия, не отвечая, повернулась к лифту.

– Ты уже дочитала до конца? – спросил Чип.

– Ох, Чип! – с горечью вырвалось у нее. – Твой сценарий начинается с лекции о проблемах фаллоса в елизаветинской драме – на шесть страниц!

Он это знал. Уже которую неделю Чип почти каждую ночь просыпался задолго до рассвета, чувствуя, как сводит спазмами желудок; он судорожно скрипел зубами, отгоняя граничившее с кошмаром сомнение: уместен ли в первом акте сценария кассового фильма длинный академический монолог, посвященный елизаветинской драме? Порой Чипу требовались целые часы, чтобы, встав с постели, побродив по комнате, выпив мерло или пино-гриджио, вернуть себе уверенность в том, что этот глубоко теоретический начальный монолог не только не является роковой ошибкой, а напротив, обеспечивает его работе товарный вид; но теперь, глядя на Джулию, он видел, что ошибался.

От души соглашаясь с ее критикой, Чип приоткрыл дверь квартиры и крикнул родителям:

– Еще минуточку, мама, папа! Одну минуточку! – Но, захлопнув дверь, он вновь припомнил прежние аргументы. – Понимаешь, этот монолог предваряет все развитие сюжета. В зародыше там присутствует буквально каждая тема – пол, власть, личностная идентификация... Дело в том... погоди, Джулия! Куда ты?

Покорно повесив голову, словно надеясь, что так он не догадается о ее намерении уйти, Джулия отвернулась от лифта, подошла к нему.

– Дело в том, – повторил он, – что девушка сидит в аудитории, в первом ряду, и слушает лекцию. Это ключевой образ. Он ведет дискурс...

– И потом, эти твои рассуждения насчет ее груди, – перебила Джулия, – слишком уж их много, явный перебор.

Это тоже была правда, хотя жестокая и несправедливая с точки зрения автора, который никогда бы не собрался с духом написать сценарий, если б не заманчивая возможность без конца обращаться в мыслях к юным персям своей героини.

– Может, ты и права, – сказал он, – хотя отчасти физиологизм дан намеренно. Ведь в том-то и ирония, понимаешь, что ее привлекает его ум, тогда как его привлекает в ней...

– Но для женщины читать об этом все равно что рассматривать прилавок с птицей, – упрямо возразила Джулия. – Грудка, грудка, грудка, бедро, ножка.

– Кой-какие подробности я могу убрать, – тихо сказал Чип. – И вступительную лекцию могу сократить. Я просто хотел, чтобы вначале было препятствие...

– Ну да, чтобы зритель его преодолел. Остроумная идея.

– Пожалуйста, останься на ланч. Джулия, очень тебя прошу.

Дверь лифта открылась.

– По-моему, для женщины это обидно.

– Но речь не о тебе. Сценарий не имеет к тебе никакого отношения!

– Замечательно! Стало быть, грудь не моя!

– Господи! Погоди минуточку. – Чип вернулся к двери в свою квартиру, распахнул ее и оторопел, лицом к лицу столкнувшись с отцом. Крупные руки Альфреда отчаянно дрожали.

– Папа, еще минуточку!

– Чип! – произнес Альфред. – Попроси ее остаться. Скажи, что мы просим ее остаться!

Кивнув, Чип закрыл дверь перед носом у старика, но за те считанные секунды, что он стоял к Джулии спиной, она успела войти в лифт и уехать. Он нажал кнопку вызова – бесполезно, выбежал на лестницу и помчался вниз по ступенькам. *После цикла блестящих лекций, прославляющих необузданную погоню за удовольствиями как стратегию, подрывающую бюрократию рационального разума, БИЛЛА КВЕЙНТЕНСА, молодого привлекательного профессора кафедры текстуральных артефактов, соблазняет красивая поклонница, студентка МОНА. Их неистовый роман только-только начинается, когда брошенная жена Билла, ХИЛЛАРИ, застаёт влюбленных «на месте преступления». В напряженной конфронтации, символизирующей столкновение терапевтической и трансгрессивной концепций, Билл и Хиллари сражаются за душу юной Моны, которая лежит между ними обнаженная на смятых простынях. Хиллари удается покорить Мону своей крипторепрессивной риторикой, и Мона публично разоблачает Билла. Билл теряет работу, но вскоре обнаруживает в электронной почте послания, свидетельствующие, что Хиллари подкупила Мону, чтобы та разрушила его карьеру. Билл везет своему адвокату дискету с уликами, но его машину смывает с дороги бушующая река Д., дискета выплывает из затонувшей машины, бесконечный, неукротимый поток уносит ее в бушующий океан эроса / хаоса; эту аварию считают самоубийством с использованием транспортного средства, а в финальной сцене Хиллари получает на кафедре место Билла, и мы видим, как она читает лекцию об опасностях необузданной погони за удовольствиями в аудитории, где в первом ряду сидит ее демоническая любовница-лесбиянка Мона.* Так выглядела односторонняя заявка, которую Чип составил на основе закупленных оптом пособий для начинающего сценариста и однажды зимним утром отправил факсом проживающей на Манхэттене продюсерше Иден Прокуро. Не прошло и пяти минут, как зазвонил телефон и молодой равнодушный женский голос предупредил: «С вами будет говорить Иден Прокуро». И тут же подключилась сама Иден Прокуро, заверещала: «Мне это нравится, нравится, нравится, нравится, нравится!» С той поры минуло полтора года, заявка на одну страницу разрослась до 124 страниц сценария под названием «Академический пурпур», и теперь Джулия Врейс, шоколадноволосая обладательница того самого равнодушного секретарского голоса, уходила от него, а он, спеша вниз по лестнице в надежде перехватить ее, перемахивая разом через две-три ступеньки, хватаясь на площадках за балясины перил и рывком изменяя траекторию движения, думал только об одном, видел перед собой только одно – фатальные упоминания груди на 124 страницах фотографически отпечатавшейся в памяти рукописи:

с. 3: припухшие губы, высокая округлая **грудь**, узкие бедра и

с. 3: на кашемировом свитере, ласкающем ее **грудь**

с. 4: быстро вперед, ее совершенная девичья **грудь** с готовностью

с. 8: (созерцающая ее **грудь**)

с. 9: (созерцающая ее **грудь**)

с. 9: (растерянно переводит взгляд на ее совершенную **грудь**)

с. 11: (созерцающая ее **грудь**)

с. 12: (мысленно лаская ее совершенную **грудь**)

с. 13: (созерцающая ее **грудь**)

с. 15: (неотрывно созерцающая ее совершенную девичью **грудь**)

с. 23: (объятие, ее совершенная **грудь**, вздымаясь, прижимается к его

с. 24: обуздывающий бюстгальтер, выпуская на волю ее мятежную

грудь.)

- с. 28: лизнуть блестящую от пота **грудь**.)
- с. 29: фаллически вздыбленный сосок ее мокрой от пота **грудь**
- с. 29: Мне нравится твоя **грудь**.
- с. 30: обожаю твои тяжелые, медовые **грудь**.
- с. 33: (**грудь** Хиллари, две гестаповские пули, вероятно
- с. 36: колющий взгляд, готовый выпустить воздух из ее **грудь**
- с. 44: упоительная **грудь**, прикрытая пуританским махровым халатом и
- с. 45: стыдливо прижимая к **грудь** полотенце.)
- с. 76: ее невинные **грудки** скрывались теперь под армейским
- с. 83: я тоскую по твоему телу, я тоскую по твоей совершенной **грудь**, я
- с. 117: фары утонувшей машины светятся, точно млечно-белые **грудь**

И наверно таких строк было еще больше! Разве он все упомянет?! И это при том, что первыми, главными читателями станут две женщины! Чипу уже казалось, что Джулия и бросает-то его оттого, что в «Академическом пурпуре» непомерно часто упоминаются груди, а начало завалено. Сумей он внести кой-какие исправления в экземпляр, переданный Джулии, а главное, в тот экземпляр, который старательно распечатал для Иден Прокуро на лазерном принтере, на дорогой матовой бумаге, у него была бы надежда не только поправить свои финансы, но и когда-нибудь снова выпустить на волю и ласкать невинные млечно-белые груди самой Джулии, ведь в последние месяцы именно это занятие, которому он предавался почти ежедневно на исходе утра, оставалось одним из немногих, даривших неудачнику хоть какое-то утешение.

Выскочив с лестницы в холл, Чип обнаружил, что лифт уже дожидается очередной жертвы. В распахнутую входную дверь он увидел, как отъезжает такси. Зороастр подтирал на шахматном полу холла дождевые лужицы.

– До свиданья, мистер Чип, – насмешливо протянул он (очевидно, не в первый раз) вдогонку выбежавшему на улицу Чипу.

Крупные капли дождя стучали по асфальту, наполняя воздух холодной, свежей и чистой влагой. Сквозь завесу воды, падавшей с козырька подъезда, Чип видел, как такси с Джулией притормозило на светофоре. У противоположного тротуара остановилось, выпуская пассажира, другое такси, и Чип прикинул, что мог бы сесть в машину и попросить водителя ехать за Джулией. Идея соблазнительная, но есть сложности.

Во-первых, пустившись догонять Джулию, он повторит худшее из того набора правонарушений, за которые ректорат университета Д-ского университета в истерически ханжеском послании некогда грозил ему гражданским и уголовным судом. В число инкриминированных Чипу преступлений входили мошенничество, несоблюдение условий контракта, похищение, сексуальное домогательство, предусмотренное разделом IX Устава, снабжение несовершеннолетнего учащегося алкогольными напитками, приобретение и распространение подконтрольного препарата, но по-настоящему напугало Чипа обвинение в преследовании – в «непристойных», «угрожающих» и «злонамеренных» звонках, а также в насильственном вторжении в частную жизнь молоденькой девушки. Он до сих пор не оправился от страха.

Вторая сложность, сугубо практическая, заключалась в том, что в кошельке у Чипа было всего четыре доллара и менее десяти – на банковском счету, кредит по карточкам, в сущности, исчерпан, а до вечера понедельника новых договоров на вычитку не дадут. Поскольку же на последнем свидании, шесть дней назад, Джулия усиленно жаловалась, что Чип-де «вечно» предпочитает сидеть дома и есть макароны, «вечно» лезет к ней с поцелуями и требует секса (иногда ей кажется – так она сказала, – что секс заменяет ему наркотики и, наверно, единственная причина, по которой он не подсел на крэк или героин, состоит в том, что секс ему достается даром, а он в последнее время стал сущим жмотом, еще Джулия сказала, что сама сейчас принимает лекарства и временами не может отделаться от впечатления, будто принимает таблетки за них обоих, но это вдвойне несправедливо, ведь тем самым все аптечные расходы ложатся

на нее, а таблетки слегка притупляют обычный интерес к сексу, вдобавок Чип, будь его воля, даже в кино перестал бы ее водить, так бы и кувыркались в постели все выходные напролет, опустив занавески на окнах и питаясь в промежутках подогретыми макаронами). Чип имел все основания подозревать, что продолжение разговора с Джулией ему придется оплатить как минимум дорожным ланчем из зажаренных на мескитных углях осенних овощей и бутылкой сансера, а где взять на это деньги?

Вот почему он застыл на месте, ничего не предпринимая, меж тем как красный свет светофора сменился зеленым и такси вместе с Джулией скрылось из виду. Дождь хлестал по мостовой белыми, гнойными на вид струями. На противоположной стороне дороги вышла из другого такси длинноногая женщина в облегающих джинсах и роскошных черных сапогах.

Последней каплей в это полное несправедливостей утро стало для Чипа то обстоятельство, что длинноногая женщина оказалась его младшей сестренкой Дениз – единственной на свете привлекательной молодой особой, на которую он не мог и не собирался ни смотреть с вождением, ни вообразить себя с ней в постели.

Дениз несла черный зонт, букет цветов и перевязанную шпагатом коробку с пирожными. Кое-как перебравшись по лужам и потокам через дорогу, она остановилась рядом с Чипом под козырьком подъезда.

– Послушай, – с нервной улыбкой сказал Чип, не глядя на сестру. – У меня к тебе большая просьба: поддержи тут оборону, а я разыщу Иден, заберу у нее сценарий. Мне нужно срочно внести очень важные поправки.

Дениз сунула ему зонт, словно слуге или кэбби-ключконосу, смахнула с джинсов воду и грязь. От матери Дениз унаследовала темные волосы и бледный цвет лица, от отца – вызывающее трепет выражение арбитра в вопросах морали. Это она велела Чипу пригласить родителей и угостить их ланчем. Говорила она диктаторским тоном – точь-в-точь Всемирный банк, излагающий свои условия погрязшему в долгах латиноамериканскому государству, ибо Чип, увы, и вправду задолжал сестре. Он был должен ей ни много ни мало десять тысяч долларов плюс пять с половиной тысяч плюс четыре тысячи и плюс еще тысяча.

– Понимаешь, – продолжал он, – Иден собирается сегодня прочесть сценарий, и с финансовой точки зрения совершенно ясно, насколько важно, чтобы мы...

– Ты не можешь сейчас уйти, – оборвала его Дениз.

– Всего часок, – настаивал Чип. – Максимум полтора.

– Джулия здесь?

– Нет, она ушла. Поздоровалась с ними и ушла.

– Это разрыв?

– Не знаю. Она принимает лекарства, а я не верю в эти...

– Погоди. Погоди. Ты к Иден собрался или вдогонку за Джулией?

Чип подергал сережку в левом ухе.

– На девяносто процентов – к Иден.

– Чип!

– Нет, ты послушай! Она произносит слово «здоровье» так, словно речь идет об абсолютных и вечных ценностях.

– Джулия?

– Три месяца кряду глотает таблетки, совсем отупела от них и эту тупость именует душевным здоровьем! С таким же успехом можно называть слепоту зрением. «Теперь, когда я ослепла, я вижу, что и смотреть-то не на что!»

Дениз вздохнула, опустила руку с букетом.

– К чему ты ведешь? Хочешь догнать ее и отнять лекарства?

– Я веду к тому, что структура всей нашей цивилизации насквозь извращена, – объявил Чип. – Бюрократия присвоила себе право определять некие состояния разума как «болезнен-

ные». Нежелание тратить деньги – симптом недуга, нуждающегося в дорогостоящем медикаментозном лечении, а это лечение подрывает либидо, то есть вкус к единственному в мире бесплатному удовольствию, и тем самым человек вынужден тратить *еще больше* денег на сурrogаты. Душевное здоровье как таковое определяется способностью индивида участвовать в экономике потребления. Покупая лекарства, покупаешь потребность покупать. А я, лично я, проигрываю битву с коммерциализованной, медикаментированной, тоталитарной эпохой – проигрываю сию минуту.

Прикрыв один глаз, второй Дениз открыла очень широко. Раскрытый глаз – словно почти черная капля бальзамического уксуса на белом фарфоре.

– Допустим, я соглашусь, что все это – весьма животрепещущие проблемы, – сказала она. – В таком случае, может, ты перестанешь рассуждать на эту тему и мы войдем в дом?

Чип покачал головой.

– В холодильнике паровой лосось. Щавель со сметаной. Салат из зеленых бобов и фундука. Еще есть вино, французский батон и сливочное масло. Отличное свежее масло из Вермонта.

– Ты хоть заметил, что папа болен?

– Всего часочек. Максимум полтора.

– Я тебя спрашиваю: ты заметил, что папа болен?

Чип как наяву увидел отца: дрожащая, умоляющая фигура в дверном проеме. Отгоняя это видение, он попытался вызвать другое: секс с Джулией, секс с синеволосой незнакомкой, с Руфи, с кем угодно, но мерещилось ему лишь скопище яростных, как фурии, грудей, почему-то без тел.

– Чем скорее я доберусь до Иден и внесу поправки, тем скорее вернусь, – пообещал он. – Если ты хочешь мне помочь...

По улице ехало свободное такси. Чип допустил ошибку, глянув в ту сторону, и Дениз истолковала его взгляд превратно.

– Денег я тебе дать не могу.

Он дернулся, словно она плюнула ему в лицо.

– Господи, Дениз!..

– Рада бы, но не могу.

– Я не просил у тебя денег!

– Ведь чем все это кончается?

Чип повернулся на каблуках, шагнул в потоки дождя и двинулся к площади Университи-плейс, злобно улыбаясь самому себе. По щиколотку в серой булькающей воде, растекшейся по всему тротуару. В кулаке он сжимал, не раскрывая, зонтик Дениз и думал: как несправедливо, что он насквозь промокнет, ведь это же не его вина!

До недавних пор, особо не задумываясь над этим вопросом, Чип верил, что в Америке вполне можно преуспеть, не зарабатывая больших денег. Учился он всегда хорошо, но сызмала обнаружил явную непригодность ко всем формам экономической деятельности, за исключением покупок (покупать Чип умел), и потому выбрал академическую карьеру.

Поскольку Альфред однажды весьма кротко, но внушительно заметил, что не видит никакого смысла в литературной теории, а Инид в своих вычурных посланиях (они приходили дважды в месяц, словно периодическое издание, и заменяли ей дорогостоящие междугородные разговоры) заклинала Чипа оставить «непрактичную» аспирантуру в области гуманитарных наук («Гляжу на награды, полученные тобой на научных конкурсах, – писала она, – и думаю, как много способный молодой человек вроде тебя мог бы дать обществу, став врачом, ведь мы с твоим отцом всегда надеялись, что воспитаем детей, которые думают не только о себе, но и о других»), у Чипа хватало резонов работать изо всех сил, чтобы доказать неправоту родителей.

Он вылезал из постели гораздо раньше товарищей по колледжу, которые, до дурноты накурившись «Голуаз», отсыпались до полудня, а то и до часу, и добивался все новых премий, грантов, академических приглашений, копил валюту университетского мира.

Первые пятнадцать лет взрослой жизни Чип сталкивался с поражениями лишь косвенно: Тори Тиммелман – эта пылкая приверженка феминизма была его подружкой в колледже и еще долгие годы после выпуска – так негодовала на патриархальную систему присуждения ученых степеней и ее фаллометрические критерии, что отказалась (или не смогла) закончить диссертацию. Чип с малолетства слушал разглагольствования отца насчет мужской и женской работы и необходимости соблюдать различие между ними, потому-то, стремясь внести поправку, и оставался с Тори чуть не десять лет. В маленькой квартирке, где жили они с Тори, Чип взял на себя всю стирку, и большую часть готовки, и уход за котом, и уборку. Он читал для Тори дополнительную литературу, обсуждал и переделывал вместе с ней главы диссертации, ведь священная ярость крепко держала Тори за горло, не давая писать. Только когда Д-ский университет предложил Чипу пятилетний контракт с возможностью продления, а Тори, так и не защитившись, получила приглашение на два года (без дальнейших перспектив) в один из сельскохозяйственных колледжей Техаса, Чип, полностью исчерпав ресурсы «мужской вины», смог расстаться с подружкой.

В Д. он явился многообещающим, успешно публиковавшимся тридцатитрехлетним ученым; декан Джим Левитон почти гарантировал ему постоянную ставку. К концу семестра Чип уже спал с молодой преподавательницей истории Руфи Хамилтон, играл с Левитоном в теннис и благодаря ему Левитон впервые за двадцать лет выиграл чемпионат факультета в парных играх.

Д-ский университет, обладавший прекрасной репутацией, но не слишком богатый, зависел от студентов, чьи родители могли полностью оплатить обучение своих чад. Чтобы привлечь именно таких питомцев, университет вложил 30 миллионов долларов в развлекательный центр, три кафе-эспрессо и парочку громадных общежитий, смахивавших отнюдь не на студенческие общаги, а на те дорогие отели, где отпрыски богатых семей станут в будущем заказывать себе номера. Всюду кожаные диваны и компьютеры, чтобы абитуриент или явившийся с визитом родитель в любом помещении сразу же получил доступ к монитору – даже в столовой и в спортивной раздевалке.

Молодые преподаватели жили в старых развалюхах. Чипу еще повезло: он занял двухуровневую квартирку в сыром блочном здании на Тилтон-Ледж-лейн, на западной окраине кампуса. Задний двор выходил на речушку, известную университетской администрации под именем Кайперс-крик, а всем остальным – просто как Свалка. На другом ее берегу располагался заболоченный пустырь (собственность Ведомства исправительных учреждений штата Коннектикут), превращенный в кладбище автомобилей. Двадцать лет университет подавал иски в суды штата и федеральный суд, чтобы уберечь это болото от «экологической катастрофы»: его собирались осушить и построить на этом месте тюрьму общего режима.

Пока отношения с Руфи не испортились, Чип раз в месяц или чуть реже приглашал на ужин коллег, соседей, а порой и студентов из числа особо одаренных, удивляя их лангустами, бараньим жарким, олениной с можжевельными ягодами и забавными старомодными десертами, вроде шоколадного фондю. Порой за полночь, сидя во главе стола, где пустые бутылки из-под калифорнийского вина громоздились наподобие манхэттенских небоскребов, Чип обретал такую уверенность в себе, что мог и пооткровенничать, пошутить на свой счет, рассказать какую-нибудь историю о своем детстве на Среднем Западе. О том, что отец не только работал целыми днями на железной дороге «Мидленд Пасифик», читал детям вслух, приводил в порядок двор и своими руками ремонтировал дом, а также ежевечерне разделялся с целым портфелем деловой переписки, но еще и оборудовал в подвале дома настоящую металлургическую лабораторию и засиживался там допоздна, подвергая странные сплавы воздей-

ствию химикатов и электрического тока. Или о том, как примерно в тринадцать лет его, Чипа, сердце покорили маслянистые щелочные металлы, которые отец хранил в керосине, скромные кристаллы кобальта, тяжелые округлые капли ртути, ледяная уксусная кислота и притертые стеклянные пробки и обок отцовской лаборатории он оборудовал свою, детскую. Родители были счастливы, что у мальчика проснулся интерес к наукам, и с их поддержкой Чип вложил всю свою юную душу в мечту завоевать приз на окружной научной выставке. Рассказывал Чип и о том, как откопал в городской библиотеке статью по физиологии растений, достаточно простую и вместе с тем достаточно туманную, чтобы сойти за произведение гениального восьмиклассника, соорудил из фанеры ящики для проращивания овса, тщательно сфотографировал всходы, а потом надолго о них забыл. Когда же настала пора взвесить сеянцы и определить результаты воздействия на них гиббереллиновой кислоты и неустановленного химического фактора, овес успел превратиться в высохшую черную слизь. Тем не менее Чип довел работу до конца, выстроив на бумаге график «правильных» результатов эксперимента, задним числом составил таблицу веса сеянцев, хитроумно позаботившись о разбросе (в допустимых пределах) исходных данных и выведя из этих фиктивных посылок «правильные» результаты. Он завоевал на научной ярмарке первое место, снискал посеребренную «Крылатую Победу» и восхищение отца. А годом позже, рассказывал Чип, как раз когда отец получил первый из двух своих национальных патентов (несмотря на принципиальные разногласия с Альфредом, Чип не забывал внушить гостям, что старик на свой лад человек великий), сам он прикидывался, будто изучает популяции перелетных птиц в парке неподалеку от наркоманских лавчонок, книжного магазина и дома одного приятеля, где имелись настольный футбол и бильярд. В этом парке мальчик обнаружил яму с залежами низкопробной порнографии, а в подвальной лаборатории (в отличие от отца он не провел там ни одного настоящего эксперимента, не ощутил и слабого трепета научной любознательности), над разбухшими от сырости страницами этих журналов, то и дело насухо обтирал головку восставшего члена, даже не подозревая, что таким манером лишь подавляет оргазм (гостей Чипа, в большинстве наторевших в квир-теории⁶, эта деталь особенно потешала), а в награду за ложь, онанизм и лень ему вторично вручили «Крылатую Победу».

В мареве сигаретного дыма, развлекая своих конгениальных коллег, Чип думал: родители изначально понятия не имели, кто он такой и какой жизненный путь ему предстоит избрать. Так безмятежно протекли два с половиной года в Д-ском университете, пока День благодарения в Сент-Джуде не обернулся катастрофой. Руфи его бросила, появилась студентка-первокурсница, заполнившая оставленный молодой историчкой вакуум.

Мелисса Пакетт была самой одаренной участницей вводного теоретического семинара «Потребление текста», который Чип вел в третью свою весну в Д. Другие студенты избегали садиться рядом с этой театрально-царственной особой, отчасти потому, что не любили ее, отчасти потому, что она неизменно выбирала стол в первом ряду, под самым носом у Чипа. Широкоплечая, с длинной шеей, не то чтобы красивая, скорее, неотразимо-роскошная. Совершенно прямые волосы оттенком напоминали вишневое дерево или свежее машинное масло. Мелисса носила одежду, купленную в комиссионке и отнюдь ей не льстившую: свободный мужской костюм из клетчатой синтетики, пестрое платье-трапецию, серые рабочие комбинезоны с вышитым над верхним левым кармашком именем «Ранди».

Мелисса терпеть не могла дураков. На втором занятии, когда вежливый паренек с косичками-дредрами, по имени Чад (в каждом семинаре в Д. имелся по крайней мере один такой вежливый паренек с дредрами), из кожи вон лез, пытаясь пересказать теории Торстейна «Веберна»⁷,

⁶ *Квир-теория* анализирует текст и другие культурные явления с точки зрения проявляющихся в них половых отклонений.

⁷ *Веблен Торстейн* (1857–1928) – американский социолог и экономист.

Мелисса принялась заговорщически подмигивать Чипу. Закатывала глаза, беззвучно шептала «Веблен», дергала себя за волосы, так что Чип больше следил за ее переживаниями, нежели за ответом Чада.

– Извини, Чад, – в конце концов не выдержала она. – Ты имеешь в виду Веблена?

– Веберн. Веблерн. Я так и говорю.

– Ты говоришь «Веберн», а надо: «Веблен».

– Веблерн. Хорошо. Большое спасибо, Мелисса.

Откинув назад волосы, Мелисса вновь обернулась к Чипу – она осуществила свою миссию. Ей было плевать на грозные взгляды, какими ее мерили друзья и сторонники Чада. Однако Чип переместился в другой угол аудитории, подальше от Мелиссы, и попросил парня продолжить доклад.

Вечером у входа в студенческий кинотеатр (он размещался в корпусе имени Хилларда Рота) Мелисса решительно протиснулась через толпу и обрушила на Чипа сообщение: она-де без ума от Вальтера Беньямина⁸. Чипу показалось, что Мелисса стоит чересчур близко к нему. Несколько дней спустя она стояла чересчур близко к нему на приеме в честь Марджори Гарбер⁹. Она галопом промчалась по лужайке «Люсент текнолоджиз»¹⁰ (еще недавно попросту «Южной лужайке»), чтобы вручить Чипу еженедельный реферат, предусмотренный семинаром. Она материализовалась рядом с ним на парковке, погребенной под футовым слоем снега, и, энергично работая варежками, помогла почистить машину. Меховыми сапогами протоптала для него тропинку и упорно соскребала лед с ветрового стекла, пока Чип не придержал ее руку и не отобрал скребок.

Чип был сопредседателем комиссии, которая разрабатывала устав, четко определявший новую политику в отношениях между преподавателями и студентами. Этот устав отнюдь не воспрещал студенту прийти на помощь преподавателю и очистить его машину от снега. Бояться было нечего, благо Чип был уверен в своей моральной устойчивости. И все же вскоре он начал прятаться, едва за приметив издали Мелиссу, а то опять кинется к нему и встанет чересчур близко. Поймав себя на мысли о том, естественного ли цвета у Мелиссы волосы, Чип решительно выбросил эту проблему из головы. И так и не спросил Мелиссу, кто оставил у дверей его кабинета розы в Валентинов день и шоколадную фигурку Майкла Джексона на Пасху.

На занятиях он вызывал Мелиссу несколько реже, чем других студентов, зато всячески поощрял ее недруга Чада. Комментируя трудные пассажи Маркузе или Бодрийяра¹¹, Чип не глядя чувствовал, как Мелисса одобрительно кивает. На других участников семинара она почти не обращала внимания, разве что обернется к ним, внезапно вспыхнув гневом, отстаивая свое мнение, или холодно поправит кого-нибудь; сокурсники в свою очередь откровенно зевали, когда Мелисса поднимала руку.

Как-то теплым вечером в пятницу – семестр уже шел к концу – Чип вернулся домой, закупив на неделю продуктов, и обнаружил, что кто-то «поработал» над его дверью. Из четырех фонарей на Тилтон-Ледж три перегорели, а администрация явно дожидалась, пока погаснет и четвертый, прежде чем потратиться на новые лампы. В сумраке Чип разглядел цветы и листья – тюльпаны и плющ, – натканные в старую сетчатую дверь.

– Что это такое?! – возмутился он. – Мелисса, вы что, в тюрьму захотели?

Он еще много чего наговорил, прежде чем осознал, что растерзанными тюльпанами и плющом усеяно все крыльцо, что хулиганство все еще продолжается и он тут не один. Куст остролиста возле дома зашевелился, и оттуда выбралась хихикающая парочка.

⁸ Бенъямин Вальтер (1892–1940) – немецкий эссеист, литературно-художественный критик.

⁹ Гарбер Марджори – современная американская писательница.

¹⁰ «Люсент текнолоджиз» – компания-производитель сетевого обеспечения, известная торговая марка.

¹¹ Маркузе Герберт (1898–1979) – немецко-американский философ и социолог, критик современной культуры; Бодрийяр Жан (1929–2007) – социальный критик, много писавший на тему «реальности» и «мнимости» в культуре.

– Прошу прощения! – воскликнула Мелисса. – Вы тут сами с собой разговариваете?

Чип надеялся, что она не слышала его слов, но куст был всего лишь в футах трех от двери. Чип занес в дом покупки, включил свет, обернулся: рядом с Мелиссой стоял Чад с косичками-дредрами.

– Добрый вечер, профессор Ламберт, – очень вежливо произнес Чад. Он вырядился в один из Мелиссиных комбинезонов, а она – в футболку с призывом «Свободу Мумии!»¹², скорее всего собственность Чада. Одной рукой Мелисса обнимала Чада за шею, прижималась к нему бедром. Раскрасневшаяся, потная, возбужденная и, похоже, навеселе.

– Мы решили украсить вашу дверь, – пояснила она.

– Вообще-то зрелище жутковатое, – сказал Чад, оглядев дверь при свете фонаря. Поникшие тюльпаны торчали в разные стороны, шершавые стебли плюща в комьях грязи. – Насчет «украсить» пожалуй что перебор.

– Да тут ничего не видно, – возразила Мелисса. – Почему света нету?

– Потому что нету, – ответил Чип. – Гетто в лесу – вот где живут ваши преподаватели.

– Слышь, а плющ-то какой хилый.

– Откуда взялись тюльпаны? – поинтересовался Чип.

– С университетской лужайки.

– Слышь, я даже не понял, с какой стати мы это затеяли. – Чад повернулся так, чтобы Мелиссе было удобнее чмокнуть его в нос. По-видимому, ему это нисколько не мешало, хоть он и отклонял голову. – Идея вроде как была твоя, а не моя?

– Плата за обучение покрывает стоимость тюльпанов, – фыркнула Мелисса, норовя грудью прижаться к Чаду. С той минуты как Чип включил лампу у входа, она ни разу не глянула в его сторону.

– Стало быть, Гензель и Гретель шли-шли и набрали на мою дверь?

– Мы приберем, – посулил Чад.

– Не надо, – сказал Чип. – Увидимся во вторник. – Он вошел в дом, закрыл дверь и поставил агрессивную музыку времен своего студенчества.

К последнему семинару погода переменилась, пришла жара. Солнце палило вовсю, воздух был насыщен пылью, в недавно переименованном дендрарии «Виакон» пышно цвели все покрытосеменные. Прикосновения воздуха казались Чипу неприятно-интимными, как теплая струя воды в бассейне. Он успел задернуть шторы и включить видеомэгнитофон, когда Мелисса и Чад вошли, прошагали через всю аудиторию и уселись в дальнем углу. Чип попросил студентов сесть прямо, ведь они же активные критики, а не расслабленные потребители, и все выпрямились ровно настолько, чтобы уважить его просьбу, не вполне ей подчиняясь. Мелисса, прежде единственный здесь активный критик с прямой спиной, нынче совсем сползла под стол, уронив руку на колени Чаду.

Чтобы проверить, в какой мере студенты наторели в критике текста, в азы которой он их посвящал, Чип продемонстрировал им ролик рекламной кампании «Давай, девчонка!». Эту кампанию разработало агентство «Бит сайкологджи», то самое, которое создало «Ревялости» (реклама «Дж. электрик»), «Грязные игры» (джинсы фирмы «К.»), «Полная анархия!» («У. нетворк»), «Радикальный психоделический андеграунд» («E — .com») и «Любовь и труд» (для «М. фармасьютикал»). Ролик «Давай, девчонка!» выпустили на экран прошлой осенью, по одной серии в неделю, вместе с популярным сериалом про больницу. Выдержанный в стиле синема-варьете черно-белый ролик аналитики «Таймс» и «Уолл-стрит джорнал» провозгласили «революционным».

¹² «Свободу Мумии!» – лозунг сторонников освобождения радиожурналиста Абу-Джамала Мумии, одного из лидеров «Черных пантер».

Сюжет таков: маленькая контора, четыре сотрудницы – прелестная молодая афроамериканка, блондинка средних лет, испытывающая страх перед техникой, задорная умница и красавица Челси и седовласая благожелательная начальница – сплетничают, смеются, а в конце второго эпизода все вместе решают, как быть: Челси обрушила на них ужасное известие – год назад она нащупала у себя в груди какое-то уплотнение, но боится идти к врачу. В третьем эпизоде начальница и прелестная молодая афроамериканка ошеломляют блондинку-технофоба: с помощью разработанной корпорацией У «Глобал десктоп. Версия 5.0» они получают новейшую информацию о раке, находят для Челси группу поддержки и устраивают ее в лучшую местную больницу. Блондинка стремительно проникается любовью к компьютеру, но, восхищаясь современными технологиями, все же задает здравый вопрос: «Как Челси заплатит за все это?», на что начальница-херувим отвечает: «Я беру все расходы на себя». К середине пятого эпизода становится ясно – в этом и заключалась революционная новинка рекламной кампании, – что болезнь Челси неизлечима. Трогательные сцены: все мужественно шутят и крепко обнимаются. В заключительном эпизоде действие вновь переносится в офис: начальница сканирует фотографию умершей Челси, а блондинка, теперь уже до фанатизма увлеченная электроникой, умело пускает в ход «Глобал десктоп. Версия 5.0» от корпорации У, и перед нами, быстро сменяя друг друга, мелькают кадры: по всему миру женщины всех рас и возрастов улыбаются и утирают слезы, когда на экранах компьютеров, подключенных к системе «Глобал десктоп», возникает лицо Челси. Компьютерный фантом в оцифрованном видеоклипе вызывает: «Участвуйте в борьбе за исцеление!» Все заканчивается информацией (скромный печатный текст на экране), что корпорация У перечислила в Американский антираковый фонд более 10 миллионов долларов, приняв таким образом участие в борьбе за исцеление.

Рекламная кампания вроде «Давай, девчонка!», хитроумно навязывающая собственные ценности, вполне могла запутать первокурсников, еще не овладевших оружием критики – анализом и стойкостью. Чип и хотел, и слегка опасался узнать, как далеко продвинулись его студенты. Не считая Мелиссы, подававшей очень разумные и крепко написанные рефераты, все остальные как попугаи твердили заученные на занятиях фразы. С каждым годом новички, похоже, становились чуть менее восприимчивы к основам теории. С каждым годом миг озарения, миг достижения критической массы, наступал чуть позже. Конец семестра все приближался, а Чип по-прежнему не был уверен, что хоть один студент, кроме Мелиссы, вправду понял, как следует критиковать массовую культуру.

И погода ему отнюдь не помогала. Как только он поднял шторы, в аудиторию хлынул прямо-таки пляжный свет. Летняя истома льнула к обнаженным рукам и ногам юношей и девушек.

Миниатюрная молодая женщина по имени Хилтон, чем-то похожая на чихуахуа, объявила, что в самом деле «смело» и «интересно, право же, интересно», что Челси умерла от рака, а не выздоровела, как обычно бывает в рекламе.

Чип выдержал паузу в надежде услышать, что именно этот просчитанный «революционный» поворот сюжета и создал ролику неслыханную популярность. Обычно можно было рассчитывать, что такую реплику подаст из первого ряда Мелисса, но сегодня она пристроилась возле Чада и уронила голову на стол. Обычно Чип призывал сонь к порядку. Однако сейчас ему не хотелось окликать Мелиссу – как бы голос не дрогнул.

Выдав из себя улыбку, он сказал:

– На случай, если прошлую осень вы провели на другой планете, напоминаю: «Нилсен медиа рисёрч» пошла на «революционный» шаг и отдельно оценила рейтинг шестого эпизода. Впервые был проведен рейтинг рекламы. Поскольку же «Нилсен» включила ее в рейтинг, при новом показе в ноябре ей фактически была гарантирована широчайшая аудитория. Вспомните также, что «Нилсен» проводила рейтинг сразу после того, как газеты и радиопрограммы целую неделю шумели насчет «революционного» поворота сюжета со смертью Челси, а в интернете

распространялся слух, будто Челси – реальный человек и действительно умерла. Невероятно, но сотни тысяч зрителей поверили в это, ведь специалисты из «Бит-сайкологджи» сфабриковали и медицинскую карту Челси, и ее биографию и разместили их в Сети. Итак, я задаю Хилтон вопрос: насколько «смелым» является такой без промаха бьющий прием в рекламной кампании?

– Все же они рисковали, – сказала Хилтон. – Смерть – негатив, это могло сработать против них.

Чип снова ждал, чтобы кто-нибудь, все равно кто, принял его сторону в споре, и не дождался.

– Значит, стопроцентно циничная стратегия, если с ней сопряжен финансовый риск, становится актом творческой смелости? – спросил он.

Бригада газонокосильщиков переместилась на лужайку под окнами аудитории, окутывая все и вся ровным густым гулом. И солнце светило так ярко!

Чип не сдавался: разве правдоподобно, чтобы владелица небольшой фирмы тратила собственные деньги на лечение подчиненной?

Одна студентка заметила, что босс, у которого она работала прошлым летом, был очень щедрым и вообще прекрасным человеком.

Чад молча отпихивал щекочущие Мелиссины пальчики, а сам свободной рукой вел атаку на обнаженную кожу у нее над пупком.

– Чад? – обратился к нему Чип.

Чад (надо же!) на сей раз имел что сказать, и вопрос даже не пришлось повторять.

– В общем, это же одна конкретная фирма, – сказал он. – Может, другая начальница совсем не такая классная. Но эта – просто супер. Никто ведь не говорит, будто так повсюду, верно?

Чип попытался поднять вопрос об ответственности искусства за типичность, но и эта попытка «скончалась в пути».

– Ладно, подведем итоги. Мы считаем, что такая реклама полезна для культуры и для страны. Так?

В раскаленной солнцем комнате нерешительно закивали.

– Мелисса, – произнес Чип, – мы не слышали вашего мнения.

Мелисса оторвала голову от стола, оставила в покое Чада и, прищурившись, взглянула на Чипа.

– Да, – сказала она.

– Что – «да»?

– Эта реклама полезна для культуры и для страны.

Чип глубоко вздохнул от обиды.

– Отлично. Спасибо. Ваше мнение принято.

– Можно подумать, вас интересует мое мнение.

– Не понял.

– Можно подумать, вас интересует чье-либо мнение, если оно не совпадает с вашим.

– Речь не о мнениях, – возразил Чип. – Вы должны освоить критический аппарат для разбора текстуальных артефактов. Вот чему я пытаюсь вас научить.

– Мне так не кажется, – продолжала Мелисса. – Вы пытаетесь научить нас ненавидеть то, что ненавидите сами. Вы ведь ненавидите рекламу, верно? Прямо-таки исходите ненавистью, это же слышно в каждом вашем слове.

Остальные студенты жадно прислушивались. Роман Мелиссы с Чадом скорее понизил акции Чада, нежели повысил Мелиссины, но сейчас девушка напала на Чипа как равная, как рассерженный взрослый человек, а не как студентка, и аудитория наострила уши.

– Да, я ненавижу рекламу, – признал Чип, – но не в этом...

– В этом! – отрезала Мелисса.

– Почему вы ее ненавидите? – подхватил Чад.

– Да, скажите, почему вы ее ненавидите! – таякнула малютка Хилтон.

Чип покосился на стенные часы. Еще шесть минут до конца семинара и семестра. Он провел рукой по волосам, обвел взглядом аудиторию, словно надеясь найти союзника, но студенты уже учуяли запах крови.

– Против «У корпорейшн» в настоящее время ведутся три процесса о нарушении анти-монопольного законодательства, – начал он. – Прибыли корпорации за прошлый год превысили валовой национальный доход такого, например, государства, как Италия. А теперь, чтобы выжать денежки из единственной демографической группы, еще не охваченной их продукцией, они развернули рекламную кампанию, эксплуатирующую страх женщин перед раком груди и их сочувствие к жертвам болезни. Да, Мелисса?

– Это вовсе не цинично.

– А как еще, если не цинично?

– Этот ролик превозносит работающую женщину, – заявила Мелисса. – Помогает собрать деньги на поиски лекарства от рака. Учит нас регулярно обследовать грудь и обращаться за помощью, если понадобится. Дает нам возможность почувствовать, что мы тоже можем овладеть компьютерной технологией, что это не сугубо «мужское дело».

– Хорошо, – отозвался Чип, – но ведь проблема не в том, будем ли мы бороться с раком груди, а в том, какое отношение рак груди имеет к продаже офисного оборудования.

Чад отважно выступил на защиту Мелиссы.

– В этом вся суть рекламной кампании: доступ к информации может спасти вам жизнь.

– Значит, если «Пицца-хат» рядом с ломтиками острого перчика поместит небольшой слоган, призывающий мужчин проверять, нет ли уплотнения в яичках, то она может объявить себя участником отважной и славной борьбы против рака?

– Почему бы и нет? – сказал Чад.

– Неужели никто ничего не имеет против?

Никто ничего не имел. Мелисса ссутулилась, скрестив руки на груди, на лице у нее читалась мрачная ирония. Чипу казалось – быть может, несправедливо, – что за пять минут она уничтожила плоды целого семестра педагогической работы.

– Ладно, подумайте о том, что «Давай, девчонка!» и снимать бы не стали, если б корпорация У не имела товара на продажу. Учтите, что у менеджеров У одна задача: взвинтить до небес курс своих акций и в тридцать два года выйти на пенсию, а цель тех, кто владеет акциями (его брат Гари и невестка Кэролайн держали большой пакет акций корпорации У), построить себе дом больше прежнего, и купить джип побольше, и заграбастать еще большую долю ограниченных мировых ресурсов.

– Что плохого в том, что люди зарабатывают? – возмутилась Мелисса. – Почему делать деньги – по определению плохо?

– Бодрийяр возразил бы, что рекламная кампания вроде «Давай, девчонка!» преступна уже потому, что отделяет означающее от означаемого, – сказал Чип. – Образ плачущей женщины уже означает не только скорбь, он еще означает:

«Покупайте офисное оборудование». Он означает: «Наши боссы заботятся о нас».

На часах половина третьего. Чип умолк, ожидая звонка, знаменующего конец семестра.

– Прошу прощения, – сказала Мелисса, – но все это – полная чушь!

– Что – чушь? – переспросил Чип.

– Весь этот курс, – сказала она. – Каждую неделю – полная чушь! Критики один за другим заламывают руки: ах-ах, упадок критического сознания! Никто из них не в состоянии толком объяснить, в чем дело, но они точно знают: все ужас как плохо! «Корпоративный» – бранное слово для любого из них, а уж если кто получает от жизни удовольствие, богатеет – вовсе

кошмар! Только и твердят: конец того и смерть сего. Мол, люди, считающие себя свободными, «на самом деле» не свободны. А те, кто считал себя счастливыми, «на самом деле» вовсе не счастливы. Вдобавок, ах-ах, нет никакой возможности для радикальной критики общества, хотя что именно в обществе так уж фундаментально плохо и почему нам требуется такая радикальная критика, никто из них сказать не может. До чего типично, до чего характерно, что вы ненавидите рекламу! – заявила она Чипу в ту самую минуту, когда в корпусе имени Рота наконец-то зазвенел звонок. – У нас в стране постоянно улучшается ситуация для всех, для женщин, для цветных, для геев и лесбиянок, люди становятся все более открытыми и интегрируются в общество, а вас волнует только дурацкая, надуманная проблема соотношения означаемого и означающего! Единственное, в чем вы можете упрекнуть этот ролик, который приносит женщинам столько пользы, – а вам непременно надо в чем-то его упрекнуть, потому что все на свете обязательно должно быть плохо, – так только в том, что люди работают на корпорацию и богатеют, а это почему-то дурно. Да, черт побери, я знаю, что уже был звонок! – И она захлопнула свою тетрадь.

– Ладно, – вздохнул Чип. – Что ж, на этой ноте... Вы прошли обязательный курс по гуманитарным предметам. Желаю хорошо провести лето.

Он не сумел подавить нотку горечи в голосе и, склонившись над видеоплеером, принялся перематывать «Давай, девчонка!», якобы что-то налаживая и бесцельно щелкая кнопками. Затылком он чувствовал, как несколько студентов потоптались у него за спиной, может, хотели поблагодарить за усердие, с которым он их учил, сказать, что курс им понравился, но Чип не поднимал головы, пока аудитория не опустела. Тогда он пошел к себе на Тилтон-Ледж и напился.

Упреки Мелиссы задели его за живое. Раньше Чип не отдавал себе отчета в том, насколько всерьез он воспринял отцовский наказ делать «полезную для общества работу». Критика большой культуры, пусть даже критика ничего не могла изменить, всегда казалась ему достойным занятием. Но что, если болезнь вовсе не была болезнью, что, если великий материалистический уклад, то бишь техника, ненасытное потребление, прогресс медицины, в самом деле повышали качество жизни ранее угнетенных слоев, что, если только белых мужчин-гетеросексуалов вроде Чипа тошнило от этого уклада? В таком случае его критика лишалась даже теоретической ценности. Полная чушь, как выразилась Мелисса.

Упав духом, не имея сил сесть за новую книгу, которой он собирался посвятить лето, Чип купил дорожный билет до Лондона, оттуда автостопом добрался до Эдинбурга и заостился у шотландской специалистки по перформансу, которая прошлой зимой читала в Д. лекции и иллюстрировала их своими выступлениями. В конце концов приятель специалистки по перформансу заявил ему: «Пора в путь, парень». И Чип пустился в путь с рюкзаком, набитым томами Хайдеггера и Витгенштейна, которых не мог читать от одиночества и тоски. Ему претила мысль, что он не способен обходиться без женщины, однако после того, как Руфи его бросила, он ни с кем не спал. Чип был единственным за всю историю Д. преподавателем-мужчиной, читавшим теорию феминизма, и хорошо понимал, насколько важно для женщин не отождествлять «успех» с «наличием мужчины», а «поражение» с «отсутствием мужчины», однако он был одиноким нормальным мужчиной, а одинокий нормальный мужчина не располагает утешительной теорией маскулинизма, чтобы выпутаться из этого противоречия, источника женоненавистничества:

- чувствовать себя так, словно без женщины обойтись невозможно, – признак слабости;
- и тем не менее без женщины мужчина утрачивает уверенность в своей силе и особом статусе, каковая – к добру или худу – составляет основу его гендерной самоидентификации.

Иной раз по утрам, среди зеленых, спрыснутых дождем шотландских пейзажей, Чипу казалось, что он вот-вот вырвется из лап этого противоречия и вновь обретет самодостаточность и цель жизни, но в четыре часа дня он уже пил пиво на железнодорожной станции, закусывая чипсами с майонезом и подмигивая девицам из восточно-американских колледжей. Неуверенность в себе и неспособность воспроизвести акцент жителей Глазго, от которого у американочек подгибались коленки, мешали Чипу превратиться в записного соблазнителя. На его счету был один только гол: юная девица-хиппи из Орегона, с пятнами кетчупа на блузке. От ее волос шел до того густой запах, что большую часть той ночи Чипу пришлось дышать ртом.

По возвращении в Коннектикут эти неудачи казались уже скорее забавными, нежели жалкими, и Чип принялся подшучивать на свой счет перед друзьями-неудачниками. Вероятно, думал он, шотландскую тоску на него нагнала жирная пища. Тошнота подкатывала к горлу, стоило представить себе лоснящиеся края подрумяненной рыбки – как бишь она называлась? – сизоватые полукружья насыщенных липидами чипсов, запах кипящего масла и волосатой девчонки или даже просто услышать слова: «Ферт-оф-Форт»¹³.

На еженедельных фермерских ярмарках поблизости от Д. он покупал теперь экологически чистые томаты, белые баклажаны, тонкокожие золотистые сливы. Он ел руколу (старики фермеры называют ее сурепкой), такую забористую, что на глазах выступали слезы, словно при чтении отрывка из Торо¹⁴. Вернувшись к здоровому образу жизни, Чип вспомнил и о самодисциплине. Отлучил себя от алкоголя, крепче спал, меньше пил кофе, дважды в неделю посещал университетский гимнастический зал. Прочел-таки треклятого Хайдеггера и каждое утро делал приседания. Другие виды самосовершенствования легли в общую картину, словно кусочки мозаики, и какое-то время Чип блаженствовал на манер Торо, тем более что прохладная, способствующая прилежному труду погода возвратилась в долину Свалки. В перерыве теннисного матча Джим Левитон заверил Чипа, что утверждение его в должности постоянного профессора – сушая формальность и Вендла О'Фаллон, другой перспективный сотрудник литературоведческой кафедры, ему не конкурент. Осенью Чипу предстояло вести курс поэзии Возрождения и семинар по Шекспиру: ни то ни другое не требовало пересмотра прежних позиций. Препоясав чресла перед последним этапом восхождения на вершину под названием «Постоянная профессорская ставка», Чип тем не менее рад был услышать, что путешествие окажется несложным; в конечном счете без женщин его жизнь стала даже счастливее.

Однажды в пятницу, в сентябре, он сидел дома и готовил на ужин брокколи, тыкву и свежую треску, предвкушая вечер за проверкой экзаменационных рефератов, как вдруг мимо кухонного окна проследовала пара ног. Чип узнал эту танцующую походку: так ходит Мелисса. Она не могла пройти мимо изгороди, не пробежавшись по ней пальцами. Она била в коридорах чечетку и играла в «классики». Ходила задом наперед и боком, скакала, подпрыгивала.

В дверь Мелисса постучалась весьма решительно. Сквозь сетку Чип разглядел у нее в руках тарелку с покрытым розовой глазурью печеньем.

– Да! В чем дело? – сказал он.

Мелисса подняла тарелку на ладонях.

– Печенье к чаю. Я подумала, именно сейчас вам необходимо печенье.

По натуре не склонный к театральности, Чип не знал, как вести себя в подобных ситуациях.

– Зачем вы принесли мне печенье? – спросил он.

Мелисса опустила на колени и поставила тарелку на коврик среди обратившихся в прах ошметков плюща и тюльпанов.

¹³ *Ферт-оф-Форт* – залив в Шотландии.

¹⁴ *Торо* Генри Дэвид (1817–1862) – американский писатель, поборник «жизни в согласии с природой».

– Я оставляю печенье здесь. Можете делать с ним что угодно. Всего доброго! – Раскинув руки и пританцовывая, она сбежала по ступенькам и на цыпочках упорхнула по мощеной дорожке.

Чип возобновил поединок с тресковым филе, посреди которого вился красно-бурый хрящ, каковой он твердо решил удалить, только никак не мог за него уцепиться – пальцы скользили.

– Да пошла ты! – буркнул он, бросая нож в раковину.

Печенье истекало маслом, и глазурь тоже была сливочная. Вымыв руки и открыв бутылку шардоне, Чип съел четыре штуки, а рыбу так и убрал в холодильник. Корочки перепеченной тыквы здорово смахивали на резиновый ниппель. *Cent Ans de Cinéma Erotique*¹⁵, весьма поучительный фильм, несколько месяцев безропотно томившийся на полке, внезапно потребовал полного и незамедлительного внимания. Чип опустил шторы, пил вино и кончал снова и снова, а перед сном съел еще два печенья, в которых обнаружилась мята – легкий сливочный привкус мяты.

Наутро он уже в семь был на ногах и сделал четыреста приседаний. *Cent Ans de Cinéma Erotique* он искупал в помоях, сделав, как говорится, «непожароопасным». (Так он поступал с сигаретами и немало пачек перевел, пока избавился от вредной привычки.) «С какой стати нож валяется в раковине?» – Чип не узнавал собственного голоса.

В своем кабинете в корпусе имени Рота он засел за рефераты. На полях одной из работ написал: «Возможно, шекспировская Крессида повлияла на выбор тойотовской торговой марки, однако требуются более убедительные доводы, чтобы доказать, что тойотовская «Крессида» повлияла на шекспировский текст». Это замечание он смягчил восклицательным знаком. А препарируя безнадежно слабые работы, не ленился рисовать улыбающиеся рожицы.

«Правописание!» – укорил он студентку, на восьми страниц кряду писавшую «Тролий» вместо «Троил».

И масса смягчающих вопросительных знаков. Возле фразы «Тут Шекспир доказывает, что Фуко¹⁶ был абсолютно прав, говоря об исторической морали» Чип написал: «Переформатировать? Например: «Здесь шекспировский текст как бы предвосхищает Фуко (лучше: Ницше) ...»?

Спустя пять недель и десять, не то пятнадцать тысяч студенческих ошибок он все еще правил рефераты, когда ветреным вечером после Хеллоуина кто-то поскребся в дверь кабинета. Распахнув дверь, Чип обнаружил на дверной ручке сюрпризный мешок из дешевого магазина. Доставившая этот мешок Мелисса Пакетт спешно удалялась по коридору.

– Что это значит? – спросил он.

– Стараюсь помириться, – ответила она.

– Спасибо, конечно, – сказал он. – Но я не понимаю...

Мелисса вернулась. На ней был белый малярный комбинезон, теплая фуфайка с длинными рукавами и пронзительно-розовые носки.

– Играла в «кошелек или жизнь». Это примерно пятая часть моей добычи.

Мелисса подошла ближе, Чип попятился. Войдя следом за ним в кабинет, она покружила на цыпочках, читая названия на корешках книг. Чип прислонился к столу, оборонительно скрестил руки на груди.

– Я изучаю у Вендлы теорию феминизма, – сообщила Мелисса.

– Логично. Раз уж вы отвергли устаревшую патриархальную традицию теории критики...

¹⁵ «Сто лет эротического кино» (фр.).

¹⁶ Фуко Мишель (1926–1984) – французский философ, историк культуры и науки; автор известной работы «История сексуальности».

– Вот именно, – подхватила Мелисса. – Увы, ее семинар такой *жалкий*. Кто занимался в прошлом году у вас, говорят, было здорово, а у Вендлы мы сидим и рассуждаем о чувствах. Раз устаревшая теория толковала о рассудке, новая истинная теория, само собой, обязана говорить о сердце. Сомневаюсь, чтобы она прочла всю литературу, которую нам задает.

В приоткрытую дверь Чип видел дверь кабинета Вендлы О’Фаллон, обклеенную исключительно «позитивными» плакатами и лозунгами: Бетти Фридан¹⁷, год 1965; сияющие улыбками гватемальские крестьянки; ликующая звезда женского футбола; плакат с Вирджинией Вулф¹⁸, выпущенный английской пивной фирмой и украшенный надписью «Долой господствующую парадигму». Все это наводило на Чипа уныние, напоминая ему о бывшей подруге, Тори Тиммелман. А уж любовь к постерам вообще вызывала у него возмущение: мы что, подростки-недоучки?! Это детская?!

– Стало быть, – сказал Чип, – хоть вы и сочли мой семинар полной чушью, эта чушь по сравнению с ее была классом выше?

Мелисса покраснела.

– Конечно! Как преподаватель вы куда лучше. Я многому у вас научилась. Вот что я хотела вам сказать.

– Будем считать, сказали.

– Понимаете, мои родители в апреле разошлись. – Мелисса бросилась на Чипов казенный кожаный диван, приняла расслабленную позу, точно на кушетке психотерапевта. – Сперва мне здорово нравилось, что вы так резко выступаете против корпораций, а потом меня вдруг заело, заело по-настоящему. Взять, к примеру, моих родителей – у них полно денег, но они вовсе не плохие люди, хоть мой отец и живет сейчас с этой особой, с Вики, которая всего года на четыре старше меня. Он по-прежнему любит маму, я уверена. Когда я уехала из дома, их отношения чуточку поостыли, но я знаю: он ее любит.

– В колледже действует несколько видов психологической помощи, – скрестив руки на груди, напомнил Чип. – Как раз для студентов, переживающих подобные трудности.

– Спасибо. Вообще-то со мной все в порядке, если не считать, что напоследок я нагрубила вам в аудитории. – Зацепившись каблуками за подлокотники дивана, Мелисса сбросила туфли на пол. Чип заметил, что из-под комбинезона, по обе стороны нагрудника, проступили мягкие складки теплой фуфайки.

– Детство у меня было чудесное, – продолжала она. – Родители были моими лучшими друзьями. До седьмого класса я воспитывалась дома. Мама училась в медицинском колледже в Нью-Хейвене, а папа гастролировал с панк-оркестром «Номатикс». Когда мама впервые в жизни пошла на шоу панков, она вышла с концерта под руку с отцом и в результате очутилась в его номере в гостинице. Она бросила учебу, он – «Номатикс», и с тех пор они не разлучались. Так романтично. Мой отец получил кой-какие деньги из трастового фонда, и распорядились они ими просто гениально. На рынок тогда как раз вышли всякие новые компании, моя мама интересовалась биоинженерией и читала «Джей-эй-эм-эй»¹⁹, а Том – мой отец – разбирался в цифрах, так что они сумели успешно вложить деньги. Клэр – моя мама – сидела со мной дома, мы много общались, я освоила школьную программу, и мы всегда были вместе, все трое. Они были так... так влюблены друг в друга. По выходным всегда устраивали вечеринки. А потом нам пришлось в голову: мы же знаем всех и разбираемся в финансах, почему бы нам не организовать взаимный фонд? Мы так и сделали. И вы просто не поверите! Этот фонд до сих пор в верхней строке – «Уэстпортфолио биофонд-40». Потом, когда конкуренция возросла, мы основали еще несколько фондов. Ведь нужно предложить клиентам полный спектр услуг.

¹⁷ Фридан Бетти (1921–2006) – «родоначальница» второй волны американского феминизма.

¹⁸ Вулф Вирджиния (1882–1942) – знаменитая английская писательница модернистского направления.

¹⁹ «Джей-эй-эм-эй» (JAMA – Journal of the American Medical Association) – авторитетный медицинский журнал.

Так, во всяком случае, говорили Тому корпоративные вкладчики. Вот он и организовал эти другие фонды, но они, увы, оказались не очень-то прибыльными. Думаю, в этом и коренятся нелады между ним и Клэр, потому что ее фонд, «Биофонд-40», где она всем заправляет, по-прежнему в порядке. Теперь сердце у мамы разбито, она в депрессии, сидит дома, никуда не выходит. А Том хочет, чтобы я познакомилась с этой Вики, она-де «очень забавная» и катается на роликовых коньках. Но мы же все понимаем: папа и мама созданы друг для друга. Они идеально друг друга дополняют. И мне кажется, если б вы знали, как это клево – создать новую компанию, чтобы деньги текли рекой, и как все это романтично, вы бы не судили так, сплеча.

– Возможно, – кивнул Чип.

– В общем, по-моему, с вами можно поговорить. В целом я справляюсь, но мне все-таки нужна дружеская поддержка.

– Как насчет Чада? – спросил Чип.

– Он милый мальчик. В самый раз на три уик-энда. – Спустив ногу с дивана, Мелисса пристроила ступню на ногу Чипа, поближе к бедру. – По большому счету трудно представить себе более несовместимую пару, чем он и я.

Сквозь ткань джинсов Чип ощущал нарочитое шевеление ее пальчиков. Стол мешал ему изменить позу, освободиться из ловушки, пришлось ухватить Мелиссу за щиколотку и водворить ее ногу обратно на диван. Но розовая ступня тут же подцепила Чипа за локоть, притянула к себе. Все это выглядело игриво и невинно, однако дверь была открыта, в кабинете горел свет, шторы он не опускал, а в коридоре кто-то находился.

– Правила, – сказал он, высвобождаясь. – Существуют правила.

Мелисса скатилась с дивана, встала на ноги и подошла вплотную к Чипу.

– Глупые правила, – сказала она. – Если человек тебе небезразличен...

Чип отступил к двери. В коридоре возле помещения кафедры крошечная женщина в голубой униформе, с непроницаемым тольтекским лицом, включила пылесос.

– Правила положено соблюдать, – решительно сказал он.

– Значит, даже обнять вас нельзя?

– Совершенно верно.

– Как глупо. – Мелисса сунула ноги в туфли, подошла к Чипу, замершему у двери, чмокнула его в щеку возле уха. – Ну ладно, пока.

Он следил, как она танцующим шагом скользит по коридору и исчезает из виду. Хлопнула дверь на пожарную лестницу. Тщательно проанализировав каждое свое слово, Чип выставил себе высший балл за корректность. Но когда он вернулся на Тилтон-Ледж, где перегорел последний фонарь, его захлестнула тоска. Чтобы стереть ошутимое воспоминание о поцелуе Мелиссы и прикосновении теплой стопы, он позвонил в Нью-Йорк старому приятелю по колледжу и договорился встретиться завтра за ланчем. Вытащил *Cent Ans de Cinéma Erotique* из шкафа, куда именно на такой случай спрятал кассету после «купания» в раковине. Пленка поддавалась воспроизведению, но на экране сыпал снежок, когда же дошло до первой страстной сцены, в отеле, с распутной горничной, снежок перешел в буран, а потом экран и вовсе посинел. Видеоплеер издал тонкий, сухой кашель, словно говоря: «Воздуха, воздуха!» Пленка вылезла из кассеты, опутала внутренности плеера. Чип извлек кассету и несколько пригоршней пленки в придачу, и тут что-то окончательно сломалось – плеер выплюнул пластмассовую бобышку. Ладно, бывает и хуже, только вот поездка в Шотландию вконец разорила Чипа и купить новый видак было не на что.

Прогулка по Нью-Йорку в дождливый субботний день тоже не подняла ему настроение. Все тротуары в Нижнем Манхэттене были усеяны квадратными металлическими спиралями «противокражных» бирок. Клейкие бирки намертво прилепились к влажному тротуару, а когда, купив импортного сыра (наезжая в Нью-Йорк, он всегда покупал сыр, чтобы придать видимость целесообразности своей вылазке из Коннектикута, хотя, право же, грустновато каж-

дый раз покупать в одном и том же магазине все тот же молодой грюйерский и анберский, и это еще больше ожесточало Чипа против философии потребления как безуспешной попытки обеспечить всеобщее счастье) и встретившись за ланчем с университетским товарищем (тот недавно бросил преподавать антропологию, перешел на должность «психолога-маркетолога» в «Силиконовой Малине» и уговаривал Чипа очнуться наконец и последовать его примеру), Чип вернулся к машине, он обнаружил, что каждый из его упакованных в пластик сыров снабжен этой самой биркой и еще одна, вернее ее обрывок, прилипла к подошве левого ботинка.

Тилтон-Ледж была покрыта корочкой льда и тонула во мраке. В почтовом ящике Чип нашел конверт с коротким письмецом от Инид, жаловавшейся на моральное разложение Альфреда («Сидит в своем кресле целыми днями напролет!»), с приложением вырезанной из журнала «Филадельфия» пространной статьи о Дениз, полной непомерных восторгов по поводу ее ресторана «Маре скуро», да еще и с шикарным, на целую полосу, фото юной шеф-повариши. Дениз на снимке в джинсах и тонкой рубашке-безрукавке – мускулистые плечи и атласная грудь («Так молода и так хороша: Ламберт у себя на кухне» – гласил заголовок). «Вот сволочи, печатают фотографии женщин, чтобы повысить тираж», – с горечью подумал Чип. Еще несколько лет назад в посланиях Инид непременно присутствовал мрачный абзац насчет Дениз и ее неудачного брака, пестревший фразами вроде «Он слишком СТАР для нее» (дважды подчеркнуто), и еще один, переполненный восторгами и гордостью по поводу его работы в университете. Чип прекрасно знал, как умело Инид сталкивает лбами своих детей, да и к похвалам ее всегда примешивалась ложка дегтя, однако, право же, неприятно, когда умная, принципиальная молодая женщина (а Дениз он считал именно такой) использует свое тело для рекламы. Швырнув газетную вырезку в мусорное ведро, он развернул субботнюю половину воскресного выпуска «Таймс» и – да-да, он сам себе противоречит – принялся листать приложение в поисках рекламы нижнего белья или купальников, на которой мог бы отдохнуть усталый взор. Не найдя ни одной картинки, он обратился к разделу книжных рецензий, где на одиннадцатой странице вздохнул расхваливали автобиографичекый опус «Папочкина дочка» некой Вендлы О’Фаллон, книгу «смелую», «потрясающую», «чрезвычайно насыщенную». Имя Вендла О’Фаллон встречается не так уж часто, но Чип понятия не имел, что Вендла написала книгу, и не признал в ней автора «Папочкиной дочки», пока не дошел до заключительного абзаца: «О’Фаллон, преподаватель Д-ского университета...»

Он отложил газету и откупорил бутылку вина.

Теоретически и он, и Вендла могли претендовать на постоянную ставку по кафедре текстуальных артефактов, однако ставок не хватало. То, что Вендла, пренебрегая неписаным университетским правилом, согласно которому преподаватели должны жить здесь же, в городке, ездила на работу из Нью-Йорка, пропускала факультетские собрания и бралась за любые начальные курсы «для дураков», чрезвычайно ободряло Чипа. Имелись у него и другие преимущества – множество научных публикаций, высокие оценки студентов и поддержка Джима Левитона. Но сейчас даже два бокала вина не принесли ему успокоения.

Он наливал уже четвертый, когда зазвонил телефон. Это была Джеки, жена Левитона.

– Я только хотела сообщить, что с Джимом все обойдется, – сказала она.

– А что случилось? – спросил Чип.

– Он приходит в себя. Мы в «Сент-Мери».

– Что произошло?

– Чип, я спросила, сможет ли он играть в теннис, и знаешь что? Он кивнул! Я сказала, что иду звонить тебе, и он кивнул: да-да, он готов играть! С координацией движений у него все в порядке. Все в порядке! И сознание ясное, что очень важно. Какое счастье, Чип! Глаза у него живые. Это наш прежний Джим!

– Джеки, у него был удар?!

– Конечно, понадобится время на реабилитацию, – сказала Джеки. – Очевидно, с сегодняшнего дня он уйдет на пенсию, и что до меня, Чип, так это просто счастье. Понадобятся кое-какие перемены, но через три года – да что там, гораздо быстрее! – он снова будет здоров. В конечном итоге мы окажемся в выигрыше. У него такие ясные глаза, Чип! Все тот же прежний Джим!

Прислонясь лбом к кухонному окну, Чип повернул голову так, чтобы одним глазом упереться прямо в холодное влажное стекло. Он уже знал, как поступит.

– Наш старый добрый Джим! – твердила Джеки.

В следующий четверг Чип пригласил Мелиссу на ужин и занялся с ней сексом на красном плюшевом шезлонге. Это кресло приглянулось ему в ту пору, когда выкинуть восемьсот долларов на антиквариат еще не казалось финансовым самоубийством. Подушка кресла призывно-эротически выгибалась, толстые подлокотники раскинуты в стороны, спинка образовала удобный угол; плюшевая грудь и брюшко едва не лопались – того и гляди посыплются нашитые перекрестными рядами пуговицы. На миг оторвавшись от Мелиссы, Чип сходил выключить свет в кухне, а заодно заглянул в ванную. По возвращении он застал девушку распростертой на шезлонге, в одних брюках от клетчатого синтетического костюма. В полумраке она могла сойти за гладкокожего юношу с пухлой грудью. Чип, предпочитавший квир-теорию квир-практике, не выносил этот костюм и предпочел бы, чтобы Мелисса одевалась как-нибудь по-другому. Даже когда она скинула эти брюки, гендерная неопределенность не разрешилась окончательно, тем более что к телу льнул запах прели – проклятие синтетических тканей. Но из трусиков – они, на радость Чипу, были тонкими, прозрачными, тут уж никакой гендерной неопределенности – выглянул резвый пушистый кролик, заскакал весело, сам по себе, влажный, нежный, теплый зверек. Это было выше его сил. За две предыдущие ночи Чип не проспал и двух часов, голова плыла от вина, кишечник распирали газы (зачем он приготовил на ужин рагу с бобами?!), его беспокоило, заперта ли дверь и нет ли просвета между шторами: вдруг кто-нибудь из соседей нагрянет, толкнет дверь, а та откроется, или заглянет в щель между занавесками и увидит, как Чип вопиющим образом нарушает разделы I, II и VI устава, который сам же помогал составлять. Вся ночь для него прошла в таких вот тревогах, напряженных попытках сосредоточиться, с краткими промежутками скомканного, сдавленного восторга, но Мелисса вроде бы находила это увлекательным и романтическим. Час за часом с ее губ не сходила улыбка.

После второго, еще более мучительного свидания на Тилтон-Ледж Чип уговорил Мелиссу уехать вместе на недельку под День благодарения, подыскать коттедж на Кейп-Коде, спрятаться от посторонних глаз и суждений; а Мелисса в свою очередь, как только они под покровом ночи выехали из кампуса через восточные ворота (ими мало кто пользовался), предложила остановиться в Мидлтауне и купить наркотики у ее школьной подруги, которая училась в Уэсли. Чип ждал перед внушительным – никакие непогоды не страшны! – зданием Экологического колледжа, барабана по рулю «ниссана» с такой силой, что кончики пальцев заболели: главное – не вникать в то, что он творит. За спиной оставались груды непроверенных рефератов, предстояли экзамены, и Джима Левитона он ни разу не проведал. Коллеги, побывавшие у декана, рассказывали, что Джим потерял речь, бессильно выдвигает челюсть, шевелит губами, пытаясь выдавить хоть слово, и злится на всех. Эти известия окончательно отбили у Чипа охоту посещать Джима. Он теперь предпочитал избегать сильных эмоций. Сидел, барабанил по рулю и вконец отшиб пальцы, когда Мелисса вышла из подъезда Экологического колледжа. С ней в машину ворвался запах древесного дыма и замерзших цветочных клумб, аромат запоздалого осеннего романа. Она вложила в руку Чипу золотистый пакетик со старым логотипом «Мидленд Пасифик», только без надписи.

– Держи, – сказала она, захлопывая дверцу машины.

– Что это? Экстази?

– Нет. «Мексикан-А».

Неужели Чип отстал от современной культуры?! Не так давно он мог без запинки перечислить все наркотики.

– Что от него будет?

– Все и ничего, – ответила Мелисса, проглатывая одну таблетку. – Сам увидишь.

– Сколько я тебе должен?

– Нисколько.

Поначалу он и впрямь не ощутил никакого эффекта, но в индустриальном предместье Норуича (до Кейп-Кода оставалось часа два-три) Чип приглушил трип-хоп, который включила Мелисса, и заявил:

– Остановимся тут, надо трахнуть!

– Ага! – рассмеялась Мелисса.

– Прямо тут, на обочине.

– Нет, – все так же смеясь, возразила она, – давай снимем комнату.

Они завернули в бывший «Комфорт инн», который потерял франшизу и теперь именовался просто пансион «Комфорт вэли». Толстая ночная администраторша сообщила, что компьютер сломался, и записала их имена от руки, тяжело дыша, словно в ее организме что-то разладилось. Чип тем временем массировал Мелиссе животик и чуть было не запустил руку ей в брюки, но, слава богу, вовремя сообразил, что подобное поведение на публике неуместно и повлечет за собой неприятности. Та же логика удержала Чипа от порыва извлечь из штанов свой член и предъявить его пыхтящей потной администраторше. Той, конечно, любопытно было бы взглянуть.

Даже не прикрыв за собой дверь, он повалил Мелиссу на прожженный сигаретами коврик номера 23.

– Так-то лучше! – вздохнула Мелисса, пинком захлопнув дверь. Потом скинула брюки и прямо-таки взвыла от восторга. – Намного, намного лучше!

Все выходные Чип не одевался. Когда в номер доставили пиццу, Чип отворил дверь, и полотенце, которым он прикрыл бедра, соскользнуло прежде, чем посыльный успел отвернуться.

– Привет, дорогая, это я, – проворковала Мелисса в трубку сотового телефона, а Чип меж тем прилег позади нее и принялся за дело. В одной руке она сжимала телефон, время от времени приговаривая: – Угу, угу... конечно-конечно... Да, мама, тебе тяжело... Ты совершенно права, это нелегко... Конечно-конечно... угу-угу... конечно... Ох, это уж чересчур! – воскликнула она, и голос ее сорвался как раз в тот миг, когда Чип слегка приподнялся, отводя последнюю, сладостные четверть дюйма, прежде чем излиться в нее.

В понедельник и во вторник он диктовал Мелиссе курсовую по Кэрол Гиллиган²⁰, которую сама Мелисса писать не могла, – очень уж злилась на Вендлу О’Фаллон. Аргументы Гиллиган с фотографической четкостью всплывали в мозгу, теоретические построения давались небывало легко, и Чип пришел в такой восторг, что начал тереться возбужденным членом о Мелиссины волосы, водил его головкой вверх-вниз по клавиатуре компьютера, пока на жидкокристаллический экран не брызнули сверкающие капельки.

– Дорогой, не кончай на мой компьютер! – сказала Мелисса.

Тогда он принялся тыкаться ей в щеки и уши, щекотал подмышки и наконец пригвоздил ее к двери в ванную комнату. Она приветствовала его все той же сочно-вишневой улыбкой.

Каждый вечер, четыре дня подряд, примерно в час ужина Мелисса извлекала из своей сумки еще две золотистые упаковки. В среду Чип повел ее в кино, где они просидели лишних полтора сеанса, уплатив всего лишь за один дневной фильм. Вернувшись в «Комфорт вэлли», они поужинали оладьями; Мелисса позвонила матери и говорила так долго, что Чип уснул, не приняв таблетки.

В День благодарения он очнулся в сером сумраке своего не приглушенного наркотиком «я». Лежа в постели и прислушиваясь к редким по случаю праздника автомобилям на шоссе № 2, Чип не мог сообразить, что не так. Пристроившееся рядом тело внушало смутную тревогу. Ему хотелось повернуться набок, уткнуться лицом в спину Мелиссы, но, может быть, он ей уже надоел? Как она вытерпела все его приставания, сколько можно лапать и трогать, толкаться и тыкать?! Он же использовал ее, словно кусок мяса!

Стыд и недовольство собой захлестнули Чипа мгновенно – так стремительно падают цены на охваченной паникой бирже. Его прямо-таки выбросило из постели. Натянув трусы, он прихватил с собой Мелисину косметичку и заперся в ванной.

Одно-единственное жгучее желание обуревало Чипа – стереть, упразднить все, что он натворил. И тело его, каждая клеточка, точно знало, как унять это жгучее желание: нужно проглотить еще одну таблетку «Мексикана-А».

Чип тщательно обыскал косметичку. Кто бы мог подумать, что так быстро возникнет зависимость от наркотика, который даже не приносит удовольствия! Ведь накануне он и не вспоминал о пятой, последней дозе. Чип раскрывал тюбики с помадой, извлекал из розовых пластиковых оболочек двойные тампоны, тыкал заколкой для волос в баночку увлажняющего крема. Пусто.

С косметичкой в руках Чип вернулся в комнату, где было уже совсем светло, и шепотом окликнул Мелиссу. Не дождавшись ответа, он упал на колени и распотрошил холщовую дорожную сумку. Запустил пальцы в пустые чашечки бюстгалтеров. Помял свернутые мячиком носки. Проверил все потайные карманы и отделения сумки. Это новое надругательство над Мелиссой казалось особенно унижительным, все вокруг заволокло оранжевой пеленой стыда, ведь он словно бы ощупывал ее внутренние органы, чувствовал себя хирургом, который с гнусным сладострастием поглаживает юные легкие, обнажает почки, трогает идеально гладкую поджелудочную железу. Прелестные маленькие носочки, и мысль о носочках еще меньшего размера, которые Мелисса носила в недавнем детстве, и образ многообещающей, умненькой романтической студенточки, собирающей вещички, чтобы съездить на выходные с глубоко

²⁰ Гиллиган Кэрол – американская журналистка, теоретик феминистской этики.

почитаемым ею профессором, – каждая мысль, каждая сентиментальная ассоциация подливала масла в огонь его стыда, возвращала воспоминание об отнюдь не смешной, примитивной и грубой комедии, что совершилась между ними. Потные подскоки, влажная пляска и тряска.

Стыд достиг точки кипения, мозги вот-вот взорвутся. И все же Чипу хватило терпения еще раз обыскать одежду Мелиссы, не сводя при этом бдительного взгляда со спящей возлюбленной. Лишь перебрав по второму кругу ее вещи, прощупав каждый шов, он пришел к выводу, что «Мексикан-А» спрятан в наружном кармане сумки, надежно застегнутом на «молнию». Зубчик за зубчиком он осторожно раздвигал «молнию», скрежеща зубами от невыносимо пронзительного звука, и приоткрыл карман ровно настолько, чтобы в отверстие прошла рука (это проникновение вновь раздуло пламя воспоминаний; его огнем жгли все те вольности, которые он позволял себе по отношению к Мелиссе здесь, в номере 23, ненасытная похоть его рук, его пальцев – *о, как он теперь мечтал никогда, никогда не прикасаться к ней!*), и в этот миг на тумбочке возле кровати задребезжал сотовый телефон и девушка со стоном проснулась.

Выдернув руку из запретного места, Чип побежал в ванную и долго стоял под душем. Вернувшись, он застал Мелиссу уже одетой, она упаковывала сумку. Совершенно асексуальная, бесплотная в утреннем свете. Насвистывала веселую песенку.

– Дорогой, планы переменились, – сказала она. – Мой отец – он и в самом деле симпатяга – приезжает на денек в Уэстпорт. Я хочу повидаться с ним.

Если б и ему стыд был так же неведом, как ей! Но он не смел попросить у Мелиссы еще одну таблетку.

– А ужин? – спросил он.

– Прости. Но мне нужно ехать.

– Мало того, что ты каждый день по два часа болтаешь с ними по телефону!..

– Чип, прости! Речь идет о моих ближайших друзьях.

Чипа передернуло от одного упоминания о Томе Пакетте, рокере-дилетанте, наследнике трастового фонда, который бросил семью ради любительницы роликов. За последние несколько дней он невзлюбил и Клэр, ведь она только и делала, что бесконечно изливала дочери душу по телефону, а та почему-то слушала.

– Отлично, – буркнул он. – Отвезу тебя в Уэстпорт.

Мелисса мотнула головой – волосы рассыпались.

– Милый, не сердись!

– Не хочешь в Кейп, не надо. Отвезу тебя в Уэстпорт.

– Ладно. Тогда одевайся.

– Только знаешь что: эта твоя «дружба» с родителями, право же, не вполне нормальна.

Мелисса будто не слышала. Стоя перед зеркалом, подкрасила ресницы. Потом взялась за помаду. Чип так и стоял посреди комнаты, прикрываясь полотенцем и чувствуя себя каким-то бородавчатым уродом. Мелисса вправе испытывать к нему отвращение. Тем не менее Чип хотел прояснить все до конца.

– Ты поняла, что я сказал?!

– Чип, милый, – она сжала накрашенные губы, – одевайся.

– Мелисса, дети не должны проводить все время с родителями. Родители не должны быть твоими «ближайшими друзьями». Необходим мятеж, бунт. Только так формируется личность.

– Может быть, так формировалась твоя личность, – возразила она, – но ты отнюдь не образец счастливого взросления.

Он принял это с улыбкой.

– Я себе нравлюсь, – продолжала Мелисса. – Про тебя такого не скажешь.

– И твои родители вполне довольны собой, – подхватил он. – Вся ваша семейка страшно довольна собой.

Впервые ему удалось по-настоящему обозлить ее.

– Да, я себе нравлюсь! – заявила она. – Что тут плохого?

Он не мог объяснить, что тут плохого. Не мог объяснить, чем плохи ее самодовольные родители, ее самоуверенность, и страсть к театральным жестам, и апология капитализма, и отсутствие друзей среди сверстников. Чувство, настигшее Чипа в последний день занятий – это он все запутал, с миром все в порядке, и каждый вправе быть в нем счастливым, а все проблемы исходят от него, только от него самого, – нахлынуло вновь, да с такой силой, что колени подогнулись, и он опустился на кровать.

– Как у нас с наркотиком? – спросил он.

– Кончился.

– Ладно.

– Было шесть таблеток, ты принял пять.

– Что?!

– Очень жаль, что я не отдала тебе все шесть.

– А ты что принимала?

– Адвил, милый. – Ласковое обращение в ее устах звучало уже откровенной насмешкой. – Натерла.

– Я не просил тебя покупать наркотик, – огрызнулся он.

– Словами нет.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Очень весело нам было бы без него!

Чип не стал допытываться дальше. Опасался услышать, что без «Мексикана-А» он был бы никудашным, нервным любовником. Да, конечно, именно таким он и был, но тешил себя надеждой, что Мелисса ничего не заметила. Новый стыд добавился к прежнему, а наркотика, чтобы заглушить его, больше не было. Чип опустил голову, закрыл лицо руками. Стыд погрузился вглубь, ярость, вскипая, пузырьками поднималась вверх.

– Так ты отвезешь меня в Уэстпорт? – напомнила Мелисса.

Чип кивнул, но, должно быть, девушка не смотрела на него, потому что он услышал, как она листает телефонный справочник и говорит диспетчеру, что ей нужно такси до Нью-Лондона.

– Пансион «Комфорт вэлли», номер 23, – добавила она.

– Я отвезу тебя в Уэстпорт, – вслух произнес Чип.

– Не стоит, – откликнулась она, кладя трубку.

– Мелисса, отмени вызов. Я тебя отвезу.

Она раздвинула шторы, открыв вид на ограду, на прямые, как палки, клены и задний фасад завода по переработке вторсырья. С десятков снежинок потерянно порхали в воздухе. На востоке в разрыве туч проглядывало белое солнце. Чип поспешно оделся. Мелисса стояла к нему спиной. Если б не этот странный стыд, он бы подошел к окну, обнял ее, и она бы, наверно, повернулась к нему и все простила. Но собственные руки казались Чипу лапами хищника. Он боялся, что Мелисса в ужасе отпрянет, да и сам не был до конца уверен, что в темных глубинах души не жаждет наброситься на нее, жестоко наказать за то, что ей дано любить себя, а ему нет. Как же он ненавидел и как любил ее напевный голос, танцующую походку, безмятежное довольство собой! Она умела быть собой, а он нет. Чип сознавал, что погиб: она не нравилась ему, но расстаться с ней, потерять ее – непроглядный кошмар.

Мелисса набрала другой номер.

– Солнышко, – заговорила она в мобильник. – Я еду в Нью-Лондон, сяду на первый же поезд... Нет-нет, просто хочу повидаться... Точно-точно... Да-да, конечно... Целую-целую, скоро увидимся... Ага.

Снаружи послышался гудок машины.

– А вот и такси, – сказала она матери. – О'кей. Целую-целую. Пока.

Накинув куртку, Мелисса подхватила сумку и провальсировала по комнате. А у двери сообщила в пространство о своем уходе:

– До скорого! – И почти встретила взглядом с Чипом.

Он не мог решить, что это: превосходное владение собой или полное замешательство. Хлопнула дверь такси, заработал мотор. Подойдя к окну, он успел разглядеть сквозь заднее стекло красно-белой машины промельк ее волос цвета вишневого дерева. И после пяти лет воздержания решил, что пора купить пачку сигарет.

Надев куртку, Чип вышел и, не замечая прохожих, преодолел пустыню холодного асфальта. Бросил монеты в щель автомата с пуленепробиваемым стеклом.

Утро Дня благодарения. Снег перестал, выглянуло солнце. Над головой хлопали крыльями чайки. Свежий ветерок ерошил волосы, словно и не касался земли. Чип присел на холодные перила, закурил, черпая утешение в крепкой посредственности американской торговли, в простом, без претензий, металле и пластике придорожных агрегатов. Гудение бензонасоса смолкает, как только наполняется бак, процедура скорая и скромная. Полотнище с надписью «Большой глоток – 99 ц.» раздувается на ветру, рвется в никуда, нейлоновые растяжки натягиваются и вибрируют. Черный курсив цен на бензин – сплошные девятки. Американские седаны сворачивают на подъездную дорожку, снижая скорость до 30 миль в час. Оранжевые и желтые пластиковые флажки трепещут на проволоке.

– Папа снова свалился с лестницы, – рассказывала Инид под грохот нью-йоркского ливня. – Нес в подвал большую коробку орехов-пекан, не держался за перила и упал. Представляешь, сколько таких орехов в двенадцатифунтовой коробке? Они раскатились по всему полу. Дениз, я полдня на карачках елозила! До сих пор то и дело натываюсь на эти пеканы. Цветом они точь-в-точь как сверчки, от которых мы никак не избавимся. Наклонюсь подобрать орех, а он прыгает мне в лицо!

Дениз подрезала стебли принесенных ею подсолнухов.

– Зачем папа нес в подвал двенадцать фунтов пекана?

– Ему хотелось чем-нибудь заняться, сидя в кресле. – Инид торчала у Дениз за спиной. – Я могу помочь?

– Поищи вазу.

Открыв первый шкафчик, Инид обнаружила только коробку с винными пробками.

– Не понимаю, с какой стати Чип пригласил нас к себе, если даже не собирался обедать с нами.

– По всей вероятности, – сказала Дениз, – он не рассчитывал, что именно сегодня утром его бросит подруга.

Дениз всегда говорила таким тоном, что мать чувствовала себя душой. На взгляд Инид, Дениз не хватало тепла и сердечности. Но все же она была ее единственной дочкой, а несколько недель назад Инид совершила постыдный поступок, в котором ей срочно требовалось кому-нибудь исповедаться, и она надеялась, что Дениз ее выслушает.

– Гари настаивает, чтобы мы продали дом и переехали в Филадельфию, – сообщила Инид. – Он считает, Филадельфия будет лучше всего, ведь и он там, и ты тоже, а Чип в Нью-Йорке. Я сказала Гари, что люблю моих детей, но жить могу только в Сент-Джуде. Средний Запад – вот мое место, Дениз. В Филадельфии я просто потеряюсь. Гари хочет, чтобы мы поселились в доме с обслуживанием. Он не понимает, что уже слишком поздно: человека в таком состоянии, как твой папа, в подобные заведения не принимают.

– Но если папа будет падать с лестницы?..

– Дениз, он не держался за перила! Он не желает признавать, что ему нельзя ходить по лестнице с ношей.

Ваза обнаружилась под раковиной, за стопкой окантованных фотографий – четыре изображения чего-то розового и пушистого, то ли шизанутые художества, то ли медицинские иллюстрации. Инид попыталась аккуратно просунуть руку мимо них, но опрокинула спаржеварку, которую сама же и подарила Чипу на Рождество. Дениз глянула вниз и тем лишила мать возможности притвориться, будто она не заметила фотографии.

– Господи, что это такое?! – нахмурилась Инид. – Что это, Дениз?

– О чем ты?

– Тут какие-то извращенные Чиповы штучки, я так понимаю.

– Похоже, ты все-таки догадываешься, что это такое. – Дениз посмотрела на мать «с интересом», а этот ее взгляд выводил Инид из себя.

– Нет, не догадываюсь.

– Не знаешь, что это?

Инид достала вазу и захлопнула дверцу.

– Не хочу знать, – сказала она.

– Ну, это совсем другое дело.

Тем временем в гостиной Альфред нерешительно топтался возле шезлонга, собираясь сесть. Всего десять минут назад он сумел это сделать без всяких приключений, но теперь, вместо того чтобы автоматически повторить то же движение, вдруг задумался. Лишь недавно он осознал, что акт усаживания подразумевает утрату контроля, слепое запрокидывание, свободное падение назад. Его чудесное синее кресло в Сент-Джуде, точно перчатка бейсболиста на первой базе, ловко подхватывало любое летевшее в него тело, под каким бы углом и с какой бы силой оно ни падало; большие мягкие медвежьи лапы синего кресла страховали Альфреда, когда он вслепую совершал свой рискованный маневр. Но Чипов шезлонг был непрактичной низкой рухлядью. Альфред стоял к нему спиной, боязливо согнув колени под небольшим углом – пораженные нервы нижних отделов конечностей не позволяли согнуть их сильнее, – руки блуждали в воздухе за спиной, тщетно пытаясь нащупать подлокотники. Он опасался последнего броска. Что-то непристойное сквозило в этой полусогнутой, неловкой позе, что-то от мужской уборной, какая-то глубинная уязвимость, до того унижительная, что Альфред, стремясь поскорей положить этому конец, зажмурил глаза и – сел. Грузно плюхнулся на сиденье, но сила инерции опрокинула его на спину, задрала колени в воздух.

– Ал, ты в порядке? – окликнула его Инид.

– Что за мебель?! – проворчал он, отчаянно пытаясь сесть как следует и не выдать голосом напряг. – Это что же, софа?

Вошла Дениз, поставила на хилый столик возле кресла вазу с тремя подсолнухами.

– Вроде софы, – кивнула она. – Можешь положить ноги повыше и вообразить себя французским философом. Порассуждать о Шопенгауэре.

Альфред только головой покачал.

Приоткрыв кухонную дверь, Инид возвестила:

– Доктор Хеджпет сказал, тебе можно сидеть только на высоких стульях с жесткой спинкой.

Поскольку Альфред не проявил интереса к этим инструкциям, Инид повторила их вернувшейся на кухню Дениз:

– Только высокие стулья с жесткой спинкой. Но отец и слушать не хочет. Упорно сидит в своем кожаном кресле, а потом кричит, чтобы я пришла, помогла ему встать. А что будет с нами обоими, если я поврежу себе спину? Я поставила внизу перед телевизором одно из симпатичных старых кресел со спинкой из перекладин и попросила отца сидеть в нем. Но нет, он садится в свое кожаное кресло, а чтобы выбраться из него, съезжает с подушки на пол. Потом он ползет по полу до стола для пинг-понга и цепляется за него, чтобы подняться на ноги!

– Изобретательно, – похвалила Дениз, доставая из холодильника еду.

– Дениз, он ползет по полу! Он готов ползти по полу, лишь бы не сидеть в хорошем, удобном кресле с прямой спинкой, хотя врач сказал, что ему необходимо именно такое! Да и вообще, нельзя ему столько сидеть. Доктор Хеджпет говорит, его состояние не настолько серьезно, если б только он больше двигался и что-то делал. Всякий врач скажет: чем не пользуешься, того лишишься. У Дейва Шумперта куда больше проблем со здоровьем, чем у отца, ему пятнадцать лет назад сделали колостомию, у него одно легкое и сердечный стимулятор, а сколько всего они с Мери Бет успевают! Только что вернулись с Фиджи, плавали с масками! И Дейв никогда не жалуется, никогда. Ты, наверно, не помнишь Джина Грилло, старого друга твоего отца еще по «Гефесту» – у него «паркинсон», и гораздо тяжелее, чем у отца. Он по-прежнему живет у себя дома, в Форт-Уэйне, но передвигается только в кресле-каталке. Ему вправду плохо, Дениз, но он не потерял интереса к жизни. Писать он не может, зато прислал нам звуковое письмо на кассете, такое насыщенное, рассказывает подробно о каждом из своих внуков, потому что знает своих внуков, интересуется ими, а еще о том, что начал изучать камбоджийский язык – он его называет кхмерским, слушает кассету и смотрит камбоджийский (или кхмерский, что ли?) канал в Форт-Уэйне, потому что их младший сын женат на камбоджийке, или кхмерке, что ли, и ее родители не говорят по-английски, а Джин хочет хоть немного с ними общаться. Можешь себе представить? Джин передвигается в кресле-каталке, полный инвалид, и все-таки еще пытается что-то сделать для других! А твой отец может ходить, писать, самостоятельно одеваться и целый день сидит в своем кресле, сложа руки.

– Мама, у него депрессия, – негромко возразила Дениз, нарезая хлеб.

– То же самое говорят Гари с Кэролайн. У него, мол, депрессия, надо принимать лекарства. Он, мол, трудоголик, работа была для него наркотиком, и теперь, не получая этого наркотика, он впал в депрессию.

– Словом, дайте ему наркотик и забудьте. Удобная теория.

– Ты несправедлива к Гари.

– Не заводи меня насчет Гари и Кэролайн.

– Бога ради, Дениз, как ты размахиваешь ножом, палец себе отхватишь!

От французского батона Дениз отрезала три маленьких кусочка с хрустящей корочкой. На первый положила завитушки масла, изогнутые, точно надутые ветром паруса, на второй – горку пармезана, украшенную поверху полосками руколы, а третий устлала нарезанными оливками, полила оливковым маслом и накрыла плотной красной черепицей из перца.

– Мм, как аппетитно, – причмокнула Инид, кошачьим движением потянувшись к тарелке, на которую Дениз выложила закуски, но тарелка ловко ускользнула от нее.

– Это папе.

– Мне ма-аленький кусочек.

– Я сделаю тебе еще.

– Нет, кусочек от его бутерброда.

Но Дениз уже вышла из кухни, понесла тарелку Альфреду, погруженному в экзистенциальные раздумья: словно колос пшеницы, пробивающийся сквозь почву, мир двигался вперед во времени, добавляя клетку за клеткой к внешнему своему краю, нагромождая миг на миг, а потому, если даже удастся застигнуть мир в его последнем, самом новом воплощении, нет никакой гарантии, что секунду спустя сумеешь ухватить его снова. К тому времени, когда Альфред установил, что его дочь Дениз протягивает ему тарелку с бутербродиками в гостиной его сына Чипа, следующее мгновение уже проросло первобытно нетронутой, непостижимой сущностью, и Альфред не мог полностью исключить вероятность, что это, к примеру, его жена Инид протягивает ему тарелку с фекалиями в гостиной борделя; но едва он стабилизировал Дениз, бутерброды и Чипову гостиную, как к внешнему краю мира добавился очередной слой новых клеток и перед Альфредом опять оказался новый, нетронутый, непостижимый мир, –

потому-то он и предпочитал не растрачивать силы, играя с миром в салки, и все больше и больше времени проводил в подвале, среди неизменных вещных корней.

– Это чтобы продержаться, пока я приготовлю ланч, – сказала Дениз.

Альфред благодарно глянул на бутербродики: на девяносто процентов они удерживали постоянный облик пищи, лишь изредка превращаясь в другие объекты того же размера и формы.

– Хочешь бокал вина?

– Не обязательно, – ответил он.

По мере того как благодарность распространялась от сердца по всему телу – ведь Альфред был тронут, – кисти рук и предплечья сильнее задержались у него на коленях. Он поискал взглядом что-нибудь в комнате, что не пробуждало бы в нем волнения, на чем глаза могли бы отдохнуть, но эта комната принадлежала Чипу и в ней находилась Дениз, а оттого все здесь, любая поверхность, любая деталь – даже регулятор отопления, даже слегка поцарапанная стена с выступом на уровне его бедра, – служило напоминанием об автономных мирах Новой Англии, где протекала жизнь его детей, об огромных пространствах, отделявших его от каждого из них, и руки тряслись еще сильнее.

Именно перед дочкой, чья доброта и внимание обостряли проявление недуга, он менее всего желал обнаружить свой недуг, и этот пример чертовского невезения опять-таки укреплял пессимизм Альфреда.

– Я оставляю тебя на минуточку, – извинилась Дениз. – Займусь ланчем.

Прикрыв глаза, отец поблагодарил ее. Словно дожидаясь передышки в ливне, чтобы выскочить из машины и добежать до магазина, он ждал, пока дрожь утихнет и можно будет протянуть руку и спокойно съесть угощение, которое принесла Дениз.

Болезнь оскорбляла в нем чувство собственности. Трясущиеся руки принадлежали ему и тем не менее отказывались повиноваться. Вели себя как непослушные дети. Избалованные двухлетки в припадке эгоистичной истерики. Чем строже Альфред обуздывал их, тем меньше они слушались, уходили из-под контроля, становились вовсе никчемными. Альфред всегда плохо переносил детское упрямство и нежелание вести себя по-взрослому. Безответственность, отсутствие дисциплины вызывали у него отвращение, и вот пожалуйста – как нарочно черт подсудобил ему эту болезнь, при которой собственное тело перестает повиноваться.

Если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее, говорил Иисус.

Ожидая, пока уймется дрожь, уныло наблюдая нелепые, дерганные движения своих рук – он словно присматривал за ордой маленьких горластых неслухов, сорвал голос, но так и не сумел их утихомирить, – Альфред с удовольствием воображал, как отрубит себе руку, покажет непокорной конечности, до чего он на нее сердит, до чего мало ее любит, раз она не желает подчиняться. С иступленным восторгом Альфред воображал, как глубоко вонзится лезвие топора, рассекая кость и мышцы преступного запястья, но наряду с восторгом подступало и желание оплакать эту руку, ведь она принадлежала ему, он любил ее, желал ей добра, всю свою жизнь был с ней неразлучен.

Сам того не замечая, Альфред снова стал думать о Чипе.

Куда Чип отправился? Неужели он снова оттолкнул сына?

Голоса Дениз и Инид на кухне походили на жужжание пчел – большой и маленькой, – бьющихся об оконное стекло. И вот настал долгожданный миг, желанная передышка. Наклонясь вперед, страхуя опорной рукой берущую руку, он схватил кораблик с парусами из масла, снял с тарелки, благополучно пронес по воздуху, а когда кораблик подплыл, качаясь на волнах, открыл рот, примерился и поймал его. Поймал его, поймал. Корочка царапала десны, но Альфред, целиком запихнув бутербродик в рот, жевал медленно и осторожно, стараясь не прихватить зубами неповоротливый язык. Сладость тающего масла, женственная податливость пропеченного дрожжевого теста... В брошюрах, принесенных Хеджпетом, имелись главы, в которые

даже Альфред, при всем его фатализме и самодисциплине, не решался заглянуть. Главы, где говорилось о проблемах с глотанием, о том, как напоследок язык становится орудием пытки, об окончательном отказе сигнальной системы...

С сигнальной системы и началась измена.

Железная дорога «Мидленд Пасифик», где Альфред последние десять лет своей карьеры возглавлял технический отдел (и уж там, когда он отдавал распоряжение, его выполняли немедленно – «сию минуту, мистер Ламберт, сэр!»), обслуживала сотни маленьких городков в западном Канзасе и в западной и центральной Небраске – в точно таких городках и их окрестностях выросли коллеги Альфреда и он сам. На фоне сверкающих рельсов «Мидленд Пасифик» эти ветхие городишки казались особенно убогими. Разумеется, в первую очередь дорога несла ответственность перед своими акционерами, но ее канзасские и миссурийские сотрудники (в том числе Марк Джамборетс, юрисконсульт компании) убедили совет директоров, что железная дорога, практически имеющая монополию на перевозки между многими городками в глубинке, обязана исполнять свой гражданский долг и обслуживать все свои пути и ветки. Альфред не питал иллюзий насчет экономического будущего разбросанных в прерии городов, где средний возраст жителей составлял пятьдесят с лишним лет, но верил в рельсы и не доверял грузовикам, к тому же зная по личному опыту, как много значит для самосознания города наличие транспорта, работающего по расписанию, и как свисток локомотива способен поднять настроение холодным февральским утром на 41° северной широты и 101° западной долготы. В своих битвах с Агентством по сохранению окружающей среды, а также с федеральным министерством транспорта и местными транспортными управлениями Альфред научился ценить законодателей из сельских штатов, готовых вступить, когда цистерны из-под отработанного масла задерживались на товарной станции Канзас-Сити сверх срока, отведенного на очистку, или когда какой-нибудь чертов бюрократ требовал, чтобы «Мидленд Пасифик» взяла на себя сорок процентов расходов на строительство никому не нужной дорожной развязки. Спустя годы после того как «Су Лайн», «Грейт Норзерн» и «Рок-Айленд» бросили на произвол судьбы уже умершие и умирающие города северных равнин, «Мидленд Пасифик» упорно посылала короткие составы – хотя бы два раза в неделю, хотя бы раз в две недели – в такие местечки, как Алвин, Пизга-Крик, Нью-Шартр и Уэст-Сентервилль.

К несчастью, это и привлекло хищников. В начале 1980-х, когда Альфреду уже недолго оставалось до пенсии, «Мидленд Пасифик» пользовалась репутацией главного регионального перевозчика, однако, несмотря на умелое руководство и высокую прибыльность дальних перевозок, на круг имела весьма незначительные поступления. От одного нежелательного соискателя компания сумела отбиться, но тут на нее упал алчный взор Хилларда и Чанси Ротов, братьев-близнецов из Оук-Риджа, штат Теннесси, превративших семейный бизнес по упаковке мяса в коммерческую империю. В их компанию, «Орфик групп», входили сеть гостиниц, банк в Атланте, нефтяная компания и железная дорога «Арканзас Саузерн». Братьев, криворожих, с грязными волосами, интересовало только одно: делать деньги. Финансовая пресса прозвала их пиратами из Оук-Риджа. Присутствуя на одной из первых встреч Ротов с правлением «Мидленд Пасифик», Альфред слышал, как Чанси Рот именует председателя совета директоров *папашей*: «Знаю, папаша, у вас другие представления о честной игре... Давайте, папаша, потолкуйте со своими юристами, не откладывая... Да ну, папаша, мы-то с Хиллардом думали, вы делом занимаетесь, а не благотворительностью...» Проповедникам антипатернализма жадно внимал профсоюз железнодорожных рабочих: после нескольких месяцев напряженных переговоров профсоюз проголосовал за то, чтобы предложить Ротам пакет уступок по заработной плате и премиям на сумму около 200 миллионов долларов. Рассчитывая на эту экономию и на практически неограниченные возможности утилизации, Роты, уже располагавшие 27 процентами акций, сделали акционерам предложение, от которого нельзя было отказаться, и скупили дорогу на корню. Фентон Крил, подрядчик, раньше строивший шоссе в Теннесси, занялся сли-

янием «Мидленд Пасифик» с «Арканзас Саузерн». Он закрыл центральный офис железной дороги в Сент-Джуде, уволил или отправил на досрочную пенсию треть служащих, остальных перевел в Литл-Рок.

Альфред вышел в отставку за два месяца до своего шестидесятипятилетия. Он сидел в своем новом синем кресле и смотрел «Доброе утро, Америка», когда позвонил Марк Джамборетс, юрисконсульт «Мидленд Пасифик», тоже пенсионер, и сообщил новость: в Нью-Шартре (он произносил: «Шартере»), штат Канзас, шериф сам себя арестовал за то, что стрелял в служащего «Орфик Мидленд».

«Шерифа зовут Брайс Халстром, – уточнил Джамборетс. – Ему сказали, что какие-то хулиганы курочат сигнальную линию «Мидленд Пасифик». Он поспешил на место происшествия и застал там троих громил, которые срезали провода, крушили сигнальные устройства, подбирали все, в чем содержится медь. Одному из них шерифская пуля угодила в бедро, прежде чем остальные успели убедить Халстрома, что работают на «Мидленд Пасифик». Их наняли собирать в утиль медную проволоку по шестьдесят центов за фунт».

«Но ведь линия совсем новая, – удивился Альфред. – Всего три года назад мы полностью обновили нью-шартрскую ветку».

«Роты разбирают все, кроме путей для грузовых составов, – ответил Джамборетс. – Они уже уничтожили ветку в Глендоуру! Думаешь, топекский «Атчисон» не дал бы за нее хорошую цену?»

Альфред хмыкнул.

«Скисла баптистская мораль, – продолжал Джамборетс. – Ротам все наши принципы поперек горла, им только прибыль подавай. Говорю тебе: они ненавидят все, чего не могут понять. Посыпают землю солью, вот что они делают. Закрыть офис в Сент-Джуде! При том что мы вдвое больше «Арканзас Саузерн». Они расправились с Сент-Джудом за то, что здесь было сердце «Мидленд Пасифик», а теперь Крил губит городки вроде Нью-Шартра за то, что они имели дело с нами. Посыпают солью поля финансово бесправных».

Альфред опять хмыкнул, оглядываясь на свое новое синее кресло, в котором так уютно спалось.

«Теперь это меня не касается», – сказал он.

Тридцать лет жизни он отдал тому, чтобы сделать из «Мидленд Пасифик» крепкую систему, а теперь Джамборетс регулярно звонил ему и сообщал новости об очередных преступлениях канзасцев, отчего Альфреда все больше клонило в сон. Вскоре все ветки в западном регионе «Мидленд Пасифик» перестали функционировать, хотя Фентон Крил ограничился тем, что содрал сигнальные провода и распотрошил коробки. Со времени перехода дороги в другие руки прошло пять лет, а рельсы лежали на своих местах и полоса отчуждения еще не перепродана. Только медную проволоку, эту нервную систему дороги, ободрали в приступе корпоративного вандализма.

– Меня беспокоит наша медицинская страховка, – сказала Инид дочери. – С апреля «Орфик Мидленд» переводит всех бывших служащих «Мидленд Пасифик» на страховое медицинское обслуживание. Я должна выбрать организацию здравоохранения, с которой сотрудничают хотя бы некоторые из моих и папиных врачей. Меня просто завалили проспектами, а самые важные подробности в них напечатаны мелким шрифтом. Честное слово, Дениз, мне с этим не справиться.

Словно заранее пресекая просьбы о помощи, Дениз быстро спросила:

– С кем сотрудничает Хеджпет?

– Кроме старых пациентов, вроде отца, которые платят за каждый визит, он теперь работает только с клиентами ОЗ Дина Дриблета, – ответила Инид. – Я же тебе рассказывала, какой прием Дин закатил в своем великолепном, огромном новом доме. Прекрасная молодая пара

Дин и Триш, но, право, Дениз, в прошлом году, когда папа свалился на газонокосилку, я позволила в его компанию, и знаешь, сколько они хотели содрать за нашу крошечную лужайку? Пятьдесят пять долларов в неделю! Я не против, чтобы люди зарабатывали, просто замечательно, что Дин так преуспевает, я тебе говорила, он едет с Хони в Париж. Я против него и слова не скажу. Но пятьдесят пять долларов в неделю!

Дениз попробовала приготовленный Чипом салат из зеленых бобов и потянулась за оливковым маслом.

– Если по-прежнему платить за каждый визит, это дорого обойдется?

– Дениз, несколько лишних сотен в месяц! Все наши друзья так платят, никто не перешел на страховку, но нам это не по карману. Отец так замечательно распоряжался своими вкладами, дай бог, чтобы у нас хоть немного осталось на черный день. И вот еще что меня очень, очень, очень беспокоит. – Инид понизила голос. – Один из старых папиных патентов наконец-то может окупиться, но мне нужен твой совет.

Выглянув из кухни, она убедилась, что Альфред ничего не услышит.

– Ал, ты как там? – для пущей уверенности окликнула она.

Альфред подошел к подбородку второй бутербродик, похожий на крошечный зеленый спортивный автомобиль. Он лишь мотнул головой, не поднимая глаз, словно человек, поймавший маленького юркого зверька и с трудом его удерживающий.

Инид вернулась в кухню, прихватив с собой сумочку.

– Наконец-то появился шанс заработать немного денег, а ему все равно. Месяц назад Гари говорил с ним по телефону, уговаривал проявить хоть капелюк агрессивности, но он только рассердился.

– Что же вам советовал Гари? – напряженно спросила Дениз.

– Быть агрессивнее, только и всего. Вот, прочти письмо.

– Мама, патенты принадлежат отцу. Пусть распоряжается ими, как сочтет нужным.

Инид надеялась, что конверт на дне сумки – потерянное заказное письмо от корпорации «Аксон». Утраченные предметы иной раз чудесным образом возникали как в ее доме, так и в сумке. Однако в этом конверте было первое письмо с уведомлением, которое и не думало теряться.

– Прочти, – попросила она, – сама увидишь, что Гари прав.

Дениз отставила баночку кайенского перца, которым сдабривала салат Чипа. Инид, заглядывая дочери через плечо, в сто первый раз перечитывала письмо: то ли в нем сказано, что ей запомнилось?

Уважаемый мистер Ламберт!

Корпорация «Аксон» (Ист-Индастриал-Серпентайн, 24, Швенксвилл, Пенсильвания) уполномочила меня предложить Вам единовременную выплату в размере Пяти тысяч долларов (\$ 5000,00) за передачу в полную, исключительную и неотчуждаемую собственность означенной корпорации прав на национальный патент № 4.934.417 (Электрополимеризация лечебного ферроацетатного геля), единственным и первоначальным владельцем которого являетесь Вы. Руководство корпорации «Аксон» сожалеет о невозможности предложить Вам более высокое вознаграждение. Собственный ее продукт находится на стадии раннего тестирования, и нет никаких гарантий, что данное приобретение со временем окупится.

Если условия, обозначенные в прилагаемом Лицензионном Соглашении, для Вас приемлемы, будьте добры подписать и заверить у нотариуса все три экземпляра и выслать их мне не позднее 30 сентября.

Искренне Ваш
Джозеф К. Прагер
Старший партнер «Брэг Нутер и Сней».

Это письмо почтальон доставил в середине августа. Инид спустилась в подвал, разбудила Альфреда, а он только плечами пожал: «Пять тысяч ничего в нашей жизни не изменят». Инид предложила написать в «Аксон» и запросить большую сумму, но Альфред покачал головой: «Мы истратим все пять тысяч на адвоката, а что толку?» Инид считала, что попытка не пытка, однако Альфред наотрез отказался. Надо хотя бы написать им, настаивала Инид, запросить десять тысяч... Альфред пронзил ее взглядом, и она замолчала. С тем же успехом она могла бы предложить ему заняться сексом.

Дениз достала из холодильника бутылку вина, словно подчеркивая полное свое равнодушие к столь важной для Инид проблеме. Иногда Инид казалось, дочь презирает все, что для нее имеет ценность. Разве не об этом говорят обтягивающие джинсы, сексуальный изгиб бедра, когда Дениз толчком захлопнула дверцу. И уверенность, с какой Дениз вонзила в пробку штопор, говорила о том же.

– Хочешь вина?

– Слишком рано! – Инид вздрогнула.

Дениз выпила вино будто воду.

– Насколько я знаю Гари, он посоветовал их надуть, – фыркнула она.

– Да нет... – Инид обеими руками потянулась к бутылке. – Капельюшечку, налей мне один глоточек. Честное слово, я никогда не пью в такой ранний час, никогда. Как ты не понимаешь, Гари задал вполне уместный вопрос: если компания только-только приступила к собственной разработке, с какой стати они вообще вспомнили про этот патент? Чаше всего в таких случаях авторское право попросту нарушают, вот что происходит. Слишком много! Дениз, мне не нужно столько вина! Потому что через шесть лет срок действия патента истекает, а значит, компания рассчитывает очень скоро получить большую прибыль, так Гари думает.

– Папа подписал соглашение?

– Да-да. Он сходил к Шумпертам и заверил подпись у Дейва.

– В таком случае ты должна уважать его решение.

– Дениз, он стал таким упрямым, неразумным. Нельзя же...

– По-твоему, он недееспособен?

– Нет-нет, все дело в его характере. Просто я не могу...

– Раз он уже подписал бумаги, чего Гари хочет от вас? – спросила Дениз. – Дело-то сделано.

– Да, наверное.

– Так о чем речь?

– Ни о чем. Ты права, – вздохнула Инид. – Ничего не поделаешь. – Хотя на самом деле вопрос оставался открытым.

Если бы Дениз не стояла горой за отца, Инид решилась бы признаться, что Альфред передал ей заверенные у нотариуса экземпляры соглашения и поручил по дороге в банк опустить их в почтовый ящик, а она сунула бумаги в отделение для перчаток (где конверт пролежал несколько дней, прямо-таки излучая вину), а потом улучила время, когда Альфред дремал, и перепрятала конверт понадежнее – в кладовке, в шкаф, за банками неудобоваримых джемов и поседевших от старости паст (кумкват²¹ с изюмом, пьяная тыква, корейские изыски), вазами, корзинками, кубиками цветочных удобрений и прочим барахлом, которое уже нельзя использовать, но выбросить жалко. В результате этого бесчестного поступка они все еще могли вытянуть из «Аксона» солидный лицензионный куш, а потому было жизненно важно отыскать

²¹ Кумкват – цитрусовый плод вроде апельсина, с желтой мякотью и сладкой кожурой.

повторное, заказное письмо от корпорации и спрятать его, пока Альфред не выяснил, что жена ослушалась его и обманула.

– Кстати, – допивая остатки вина, сказала Инид, – мне кое в чем нужна твоя помощь.

Дениз ответила вежливым «хорошо», но недостаточно быстро и недостаточно сердечно. Инид давно уже поняла: что-то они с Альфредом проглядели в воспитании дочери. Не сумели привить младшенькой великодушие и бодрую готовность помочь.

– Как ты знаешь, последние восемь лет кряду мы ездили на Рождество в Филадельфию, – продолжала Инид. – Но теперь мальчики Гари подросли, и, наверное, им было бы приятно сохранить воспоминания о Рождестве у бабушки с дедушкой, вот я и подумала...

– Черт! – донеслось из гостиной.

Отставив бокал, Инид бросилась вон из кухни. Альфред сидел на краешке шезлонга, высоко подняв колени, сторбившись, сокрушенно созерцая останки третьего бутербродика. Хлебная гондола не доплыла до рта, выскользнула из пальцев, упала на колени, оставив там следы своего крушения, свалилась на пол и замерла под креслом. С подлокотника свисала влажная шкурка обжаренного красного перца, вокруг каждого ломтика оливок, попавшего на ткань, расплывалось маслянистое пятно. Пустая гондола лежала на боку, являя глазу пропитанное желтым соком и покрытое коричневыми пятнами нутро.

Дениз с мокрой губкой в руках проскочила мимо Инид и присела на корточки возле Альфреда.

– Прости, папа, – сказала она, – с такими бутербродами трудно справиться, как я сразу не подумала!

– Дай мне тряпку, я уберу.

– Да нет, лучше я. – Дениз смахнула в ладонь кусочки оливок с колен и бедер отца. Руки Альфреда металась в воздухе возле головы дочери, словно он норовил ее оттолкнуть, но Дениз действовала быстро и, подобрав с пола ошметки бутерброда, понесла их на кухню, где Инид решила отхлебнуть еще ма-аленький глоточек, но второпях плеснула в бокал довольно-таки щедрую капелюшечку и поспешно выпила.

– В общем, я подумала, если б вы с Чипом присоединились, мы могли бы еще разок, самый последний, собраться все вместе на Рождество в Сент-Джуде, – закончила она свою мысль. – Что скажешь?

– Я приеду туда, где будете вы с папой, – откликнулась Дениз.

– Нет, я все-таки хочу знать твое мнение. Хочу знать: тебе этого хочется? Может, для тебя что-то значит в последний раз встретить Рождество в доме, где ты выросла? Тебе это будет приятно?!

– Могу сразу тебе сказать: Кэролайн ни за что не согласится уехать из Филадельфии, – ответила Дениз. – Пустые мечты. Если хочешь увидеть внуков на Рождество, придется тебе поехать на Восток.

– Дениз, я спрашиваю, чего хочешь ты. Гари говорит, у них с Кэролайн еще ничего не решено. Мне нужно знать, будет ли для тебя Рождество в Сент-Джуде чем-то по-настоящему, по-настоящему важным. Ведь если мы все решим, что для нас важно в последний раз собраться всей семьей в Сент-Джуде...

– Мама, если тебе удастся это организовать, я не против.

– Мне понадобится всего лишь небольшая помощь на кухне.

– Я помогу тебе на кухне. Но я смогу приехать дня на два-три, не больше.

– А на неделю?

– Нет.

– Почему?

– Мама!

– Черт! – вновь донеслось из гостиной, когда что-то стеклянное, вероятно ваза с подсолнухами, ударилось об пол и, судя по звуку, развалилось на куски. – Черт! Черт!

Нервы Инид были на пределе, с перепугу она сама чуть не выронила бокал, и все же очередное несчастье – что бы там у Альфреда ни случилось – даже порадовало ее: теперь Дениз хотя бы отчасти поймет, с чем ей приходится изо дня в день, с утра до ночи иметь дело дома, в Сент-Джуде.

Вечером того дня, когда Альфреду стукнуло семьдесят пять, Чип, сидя в одиночестве на Тилтон-Ледж, искал сексуального удовлетворения в объятиях красного плюшевого кресла.

Начало января, заросли вокруг Свалки сочились сыростью тающего снега. Плотские подвиги Чипа освещало лишь зарево над супермаркетом в центре Коннектикута да мерцание электронных табло домашней техники. Стоя на коленях перед шезлонгом, он принимался к плюшу, скрупулезно, дюйм за дюймом, в надежде отыскать аромат Мелиссы Пакетт, который мог же сохраниться в обивке и восемь недель спустя. Он так усердно нюхал, что обычные, хорошо знакомые запахи – пыль, пот, моча, застоялый табачный дым, едва уловимый след женщины – смешивались, становились неразличимыми и приходилось поминутно прерываться, прочищать нос. Чип зарывался губами в ямки с пуговицами, сцеловывал из них скопившиеся волоконец, пыль, крошки и волосы. Он определил три местечка, где ему мерещился аромат Мелиссы – во всех случаях недостаточно резкий, безусловный, и после долгого и изнурительного исследования выбрал наиболее вероятное из этих мест, возле пуговицы чуть пониже спинки, сосредоточив на нем свое обоняние. Одновременно Чип обеими руками надавливал на другие пуговицы; прохладный плюш, соприкасавшийся с его пахом, чуточку напоминал кожу Мелиссы, и, в конце концов, ему удалось до такой степени убедить себя в реальности ее аромата, в реальности реликвии, еще находившейся в его власти, что он сумел довести акт до завершения. А потом скатился со своей покорной рухляди и остался лежать на полу со спущенными штанами, уткнувшись головой в сиденье шезлонга. Еще час прошел, а он так и не поздравил отца с днем рождения.

Чип выкурил одну за другой две сигареты. Включил телевизор, кабельный канал с непрерывным показом старых мультфильмов «Уорнер бразерс». Синеватое мерцание экрана осветило груды конвертов, которые он всю неделю, не вскрывая, швырял на пол. Три письма от нового декана, зловещее послание из преподавательского пенсионного фонда и еще один конверт из отдела, ведавшего распределением жилья, с надписью «Уведомление о выселении».

Несколькими часами ранее, потратив уйму времени на то, чтобы обвести синей шариковой ручкой все заглавные «М» в первой части «Нью-Йорк таймс» месячной давности, Чип пришел к выводу, что у него обнаруживаются явные симптомы депрессии. Поэтому, услышав телефонный звонок, он решил, что человек, страдающий депрессией, так и будет сидеть, уставившись на экран, закурит очередную сигарету и, не выказывая никаких эмоций, полюбуется очередным мультиком, а со звонком пусть разберется автоответчик.

Вообще-то первая его мысль была вскочить на ноги и пойти к телефону, с легкостью уничтожив плоды прилежной растраты целого дня, – эта мысль ставила под сомнение подлинность его страданий. Не умел он до конца утратить желания и контакт с реальностью, как депрессивные пациенты в книгах и кино. Когда Чип приглушил телевизор и поспешил в кухню, ему показалось, он неспособен даже на такую малость, как по всем правилам развалиться на куски.

Застегнув штаны, он включил свет и поднял трубку.

– Алло?

– Что происходит, Чип? – Дениз не теряла время на приветствия. – Я только что говорила с папой – ты еще не звонил ему!

– Дениз! Дениз, с какой стати ты так кричишь?

– Я кричу потому, что расстроена. Потому что сегодня папе исполнилось семьдесят пять, а ты не позвонил ему, даже открытку не послал. Потому что я отработала двенадцать часов и только что позвонила папе, а он переживает из-за тебя. Что происходит?!

Чип с изумлением услышал свой смех:

– Работу я потерял, вот что происходит.

– Не получил постоянную ставку?

– Хуже, меня уволили. Не дали даже дотянуть последние две недели до сессии. Экзамены за меня примет кто-то другой. Я не могу оспорить это решение, не вызывая свидетеля, а если попытаюсь хотя бы поговорить со свидетелем, это станет лишней уликой против меня.

– Какой еще свидетель? Свидетель чего?

Чип вытащил из ведра бутылку, проверил, нет ли там хоть глоточка, и снова отправил в помойку.

– Моя бывшая студентка утверждает, что я ее преследую. Я, дескать, вступил с ней в связь и написал за нее курсовую работу в номере мотеля. Я не могу поговорить с ней без адвоката, а адвоката нанять не могу, потому что мне больше не платят. Если я попытаюсь сам повидаться с ней, меня арестуют за приставание.

– Она лжет? – спросила Дениз.

– Маме с папой про это говорить не стоит.

– Чип, она лжет?

На кухонном столе распростерся номер «Таймс», в котором Чип обвел кружочками заглавные «М». Наткнуться на этот предмет теперь, несколько часов спустя, – все равно что припомнить сон, вот только воспоминание о сне не затягивает проснувшегося человека обратно в дремоту, а вид испещренной кружочками статьи, посвященной значительным сокращениям финансирования «Медикэр»²² и «Медикейд»²³, пробудил в Чипе то самое ощущение неприкаянности и неутоленной похоти, ту тоску по тупому беспамятству, которая не так давно заставила его обнюхивать и тискать шезлонг. Ему пришлось строго напомнить себе, что акт с шезлонгом уже состоялся, что он уже испробовал этот путь к утешению и забвению.

Сложив «Таймс», он швырнул газету вверх переполненного мусорного ведра.

– У меня не было секса с этой женщиной.

– Ты знаешь, я многое готова понять, – заметила Дениз, – особенно такие вещи.

– Сказано же, я с ней не спал.

– Повторяю: в данной сфере абсолютно все, что ты ни скажешь, встретит у меня полное понимание. – Она многозначительно откашлялась.

Если б Чип хотел исповедаться кому-то из близких, младшая сестренка подходила на эту роль лучше всех. Колледж она бросила, брак не сложился, так что Дениз кое-что понимала в разочарованиях и темной стороне жизни. Однако, кроме Инид, никто в семье не считал Дениз неудачницей. Университет, который она бросила, был престижнее того, который закончил Чип, а ранний брак и недавний развод придали Дениз эмоциональную зрелость, которой брату остро не доставало. Вдобавок Чип подозревал, что, работая по восемьдесят часов в неделю, Дениз успевает прочесть куда больше книг, чем он сам. За последний месяц, будучи весьма занят (в частности, он сканировал фотографию Мелиссы Пакетт из альбома абитуриентов и пристраивал ее голову к порномоделям из интернета, а затем совершенствовал этот образ пиксель за пикселем – когда возишься с пикселями, время летит незаметно), Чип не раскрыл ни одной книги.

²² *Медикэр* – федеральная программа медицинского страхования.

²³ *Медикейд* – программа медицинской помощи, финансируемая совместно федеральным правительством и властями штатов.

– Произошло недоразумение, – тусклым голосом сказал он. – Похоже, они только и ждали повода меня уволить. Мне отказали в законном разбирательстве.

– По правде говоря, ничего ужасного тут нет, – сказала Дениз. – Подумаешь, университет!

– Мне казалось, я был на своем месте.

– По-моему, как раз хорошо, что ты оказался не на своем месте. Кстати, как у тебя с финансами?

– Почему ты спрашиваешь?

– Одолжить тебе денег?

– Разве у тебя есть деньги?

– Конечно. И тебе стоит поговорить с моей приятельницей Джулией. Она работает на одного кинопродюсера. Я ей рассказывала насчет твоей идеи: «Троил и Крессида» в Ист-Виллидже. Она предложила тебе позвонить, если ты возьмешься писать.

Чип покачал головой, словно Дениз стояла рядом на кухне и могла его видеть. Несколько месяцев назад они обсуждали по телефону идею модернизировать какую-нибудь из менее известных пьес Шекспира. Неужели Дениз приняла это всерьез, неужели она сохранила веру в него? Невыносимо!

– Так как же насчет папы? – спохватилась она. – Ты что, забыл про его день рождения?

– Я утратил чувство времени.

– Не хочу тебя грызть, – сказала Дениз, – но учти: твою рождественскую посылку распаковывала именно я.

– Скверно вышло на Рождество, да?

– Пришлось здорово поломать голову, пока разобрались, кому что предназначено.

Снаружи поднялся теплый южный ветер, от которого снег на заднем дворе таял все быстрее. Догадка, осенившая Чипа в тот миг, когда зазвонил телефон, – о том, что его несчастье рукотворно и произвольно, – снова померкла.

– Так ты позвонишь ему? – не отставала Дениз.

Не отвечая, он положил трубку, отключил звонок и прижался лицом к дверному косяку. Проблему рождественских подарков Чип решил буквально в последнюю минуту: второпях повывтаскивал с книжных полок залежавшиеся приобретения, завернул их в фольгу и перевязал красными ленточками, стараясь не думать, что скажет, к примеру, его девятилетний племянник Кейлеб, получив комментированное оксфордское издание «Айвенго», которое могло претендовать на роль подарка лишь потому, что Чип так и не удосужился снять с него целлофановую упаковку. Углы книг сразу же порвали фольгу, Чип намотал еще один слой, но тот неплотно прилегал к нижнему, и в результате свертки получились мягкие, шелушащиеся, как луковички или слоеные булочки. Чип попытался нейтрализовать этот эффект, облепив каждую упаковку наклейками Национальной лиги за легализацию аборт (как постоянный член этого достойного общества, он получил к празднику целый набор). Плоды его трудов выглядели неуклюжими, словно изделия ребенка или умственно неполноценного, и он поспешил запихать их в старую коробку из-под грейпфрутов и отправил экспресс-почтой Гари в Филадельфию. Он точно избавился от груды мусора, отвратной, мерзостной, вынес ее на помойку и хоть какое-то время мог пожить в чистоте. Но три дня спустя, вернувшись домой в рождественский вечер после долгих двенадцати часов в «Данкин донатс» в Норуолке, Чип столкнулся с новой проблемой: прибыли подарки от родных: две коробки из Сент-Джуда, бандероль от Дениз и еще одна коробка от Гари. Он решил открыть посылки в постели, а в спальню загнать их пинками вверх по лестнице, что оказалось не так-то просто: прямоугольные предметы не катятся по лестнице, они застревают на ступеньках и сваливаются обратно. Вдобавок, если бандероль чересчур легкая, то, сколько ее ни пинай, она не взлетит. Однако Рождество лишило Чипа остатков мужества – на автоответчик Мелиссы в колледже он наговорил просьбу позвонить ему на автомат в «Данкин донатс», а еще лучше, лично явиться из родительского дома в соседнем Уэстпорте,

и лишь к полуночи изнеможение вынудило его признать, что Мелисса звонить не станет и уж точно не придет, – так что теперь он был просто физически неспособен нарушить правила изобретенной им самим игры или положить ей конец, не достигнув поставленной цели. Совершенно ясно, что разрешены только настоящие сильные удары (категорически запрещено подводить стопу под конверт бандероли и продвигать его вперед легким толчком или приподнимая), поэтому рождественский подарок Дениз он гнал вверх по лестнице со всевозрастающей яростью; в итоге конверт порвался, выплюнул набивку из перемолотой газеты, зато Чип сумел подцепить разорванный бок носком ботинка, ловко подкинул конверт, и тот, описав красивую дугу, упал всего на ступеньку ниже площадки второго этажа. Теперь бандероль упорно отказывалась перевалить через выступ последней ступеньки. Чип пинал, лупил, драл конверт каблуками. Внутри среди обрывков красной бумаги блеснул зеленый шелк. Плонув на правила, Чип подтянул конверт на верхнюю ступеньку, прогнал его, будто мячик, по коридору и бросил у своей кровати, а сам вернулся за остальными подарками. Их он тоже успел основательно раскурочить, прежде чем выработал удачный способ: подкидывать немного вверх и, пока посылка еще в воздухе, подбивать ее снизу так, чтобы она сразу летела через несколько ступенек. При очередном ударе посылка от Гари взорвалась, во все стороны разлетелись пенопластовые прокладки. Бутылка в пузырчатой обертке покатила вниз по ступенькам. Это был марочный калифорнийский портвейн. Чип отнес бутылку в постель и начал новую игру, чередуя глотки из бутылки и распаковку посылок. От матери – она, похоже, думает, что он до сих пор вешает в Сочельник чулок перед камином, – Чип получил коробку с надписью «Подарочки в чулок», а в ней множество мелких пустяков, каждый в отдельной упаковке: бутылочка с каплями от кашля, миниатюрная фотография Чипа-школьника в потемневшей бронзовой рамке, пластиковые флаконы с шампунем, кондиционером и лосьоном для рук из гостиницы в Гонконге, где Инид с Альфредом останавливались одиннадцать лет назад по пути в Китай, а также два деревянных эльфа с расплывшимися улыбками и серебряными петельками в черепашках, чтобы повесить их на елку. Под эту гипотетическую елку предназначались более крупные подарки, которые Инид уложила в другую коробку и завернула в красную бумагу с изображением Санта-Клауса: спаржеварка, три пары белых «жокейских» трусов, большущий леденец на палочке и две думочки из набивного ситца. От Гари и его супруги Чип, помимо портвейна, получил хитроумную вакуумную пробку, чтобы остатки вина в бутылке не выдыхались, как будто у него когда-нибудь оставалось в бутылке вино. От Дениз в обмен на «Избранные письма Андре Жида» (хорошо хоть стер с форзаца постыдное свидетельство того, что на редкость невыразительный перевод обошелся ему всего в один доллар) Чипу досталась красивая ярко-зеленая шелковая рубашка, а от отца – чек на сто долларов с письменной инструкцией купить, чего сам пожелает.

Рубашку он носил, чек оприходовал, вино выпил в постели в ту же ночь, но прочие подарки от близких так и лежали на полу в спальне. Набивка бандероли перекочевала на кухню и, смешавшись с пролитой на пол водой, обернулась грязным месивом, которое Чип растащил на ногах по всему дому. Хлопья пенопласта сбились кучками по углам.

На Среднем Западе скоро пробьет половину одиннадцатого.

«Привет, папа, с днем рождения! У меня все в порядке. Как дела в Сент-Джуде?»

Нет, чтобы позвонить, нужно как-то взбодриться. Зачерпнуть энергии. Однако телевизор доставлял такие эстетические и политические мучения, что даже под мультфильмы Чип не мог не курить и докурился до острой боли в груди; другой отравы дома не имелось, даже кулинарного хереса, даже микстуры от кашля, а его эндорфины, мобилизованные на извлечение наслаждения из плюшевого шезлонга, разбрелись в разные стороны, точно вымотанные боями войска, смертельно изнуренные требованиями, которые Чип предъявлял им в последние пять недель, и разве только сама Мелисса во плоти могла бы вновь призвать их к оружию.

Необходимо поднять дух, слегка взбодрить нервы, но под рукой не было ничего, кроме старой «Таймс», однако на сегодняшний день с него вполне хватило заглавных «М» в кружочках.

Вернувшись к обеденному столу, Чип проверил, не осталось ли глоточка в какой-нибудь из бутылок. Последние 220 долларов со своей карточки «Виза» он истратил на восемь бутылок довольно приличного фронсака и в субботу в последний раз дал обед, рассчитывая подогреть симпатии своих факультетских сторонников. Несколько лет назад, когда кафедра драматургии уволила молодую преподавательницу Кали Лопес, обнаружив, что на самом деле у нее нет ученой степени, возмущенные студенты и младший преподавательский состав организовали бойкот и бдения при свечах, вынудив университетские власти не только восстановить Лопес в должности, но и предоставить ей полную профессорскую ставку. Чип, разумеется, не был ни филиппинской эмигранткой, ни лесбиянкой, как Лопес, зато преподавал теорию феминизма и «партия извращенцев» постоянно отдавала ему свои голоса; он включал в список обязательной литературы вполне достаточно незападных авторов, и все, что произошло в номере 23 мотеля «Комфорт вэлли», можно назвать осуществлением на практике тех самых теорий (миф авторства, резистентное потребление трансгрессивных сексуальных актов / транзакций), за преподавание которых университет платил ему жалованье. К несчастью, в отсутствие восприимчивой молодежной аудитории эти теории звучали не очень убедительно. Из восьми коллег, принявших приглашение, явились только четверо. Как Чип ни старался переключить разговор на ожидавшую его участь, единственная коллективная акция, на которую товарищи ради него сподвиглись, свелась к тому, что после восьмой бутылки вина они хором спели *Non, je ne regrette rien*²⁴.

Прошло несколько дней, а Чип так и не убрал со стола, не хватало сил. Почерневшие листья красного латука, пленка застывшего жира на недоеденном куске баранины, месиво из пробок и пепла. Хаос и стыд в доме, хаос и стыд в душе. Обязанности декана теперь исполняла Кали Лопес, преемница Джима Левитона.

Расскажите нам про свои отношения с вашей студенткой Мелиссой Пакетт.

Моей бывшей студенткой?

Вашей бывшей студенткой.

Мы находимся в дружеских отношениях. Как-то раз вместе ужинали. Провели вместе какое-то время в начале каникул на День благодарения. Очень одаренная девушка.

Вы оказывали Мелиссе помощь в подготовке курсовой, которую она сдала на прошлой неделе Вендле О'Фаллон?

Мы обсудили работу в целом. Ее смущали кое-какие моменты, и я помог их прояснить.

Вы вступили с ней в половую связь?

Нет.

Чип, я полагаю, надо поступить следующим образом: мы отстраним вас от работы с сохранением содержания впредь до полного разбирательства. Вот так. Слушание назначим на начало следующей недели. А вам имеет смысл посоветоваться тем временем с юристом и с представителем профсоюза. Кроме того, вам категорически запрещено общаться с Мелиссой Пакетт.

Что она сказала? Она утверждает, что курсовую написал я?!

Мелисса нарушила кодекс чести, сдав не принадлежащую ей работу. Ей грозит исключение сроком на один семестр, однако у нее имеются смягчающие обстоятельства. В частности, ваша совершенно неприемлемая сексуальная связь с ней.

Так она сказала?

Мой вам совет, Чип: подайте прямо сейчас заявление об уходе.

Так она сказала?!

²⁴ «Нет, я ни о чем не сожалею» (фр.) – песня Эдит Пиаф.

У вас нет ни малейшего шанса.

Капель во дворе все громче. Чип прикурил от передней конфорки, дважды с трудом затащился, воткнул кончик сигареты в ладонь. Застонал сквозь зубы, распахнул морозильник, прижал руку к прохладному днищу и постоял так с минуту, вдыхая запах обгоревшего мяса. Потом, прихватив с собой кубик льда, подошел к телефону и набрал давний знакомый код, давний знакомый номер.

Пока в Сент-Джуде звенели звонки, Чип поставил ногу на валявшиеся в корзине листы «Таймс», упихал их поглубже, с глаз долой.

– Ой, Чип! – вскрикнула Инид. – А он только что лег.

– Не буди его, – сказал Чип. – Просто передай...

Но Инид уже положила трубку возле аппарата и поспешила вверх по лестнице к спальням, вопли «Ал! Ал!» постепенно замирали в отдалении; потом Чип услышал, как мать кричит отцу: «Это Чип!» Включился аппарат на втором этаже. Чип разобрал инструкции Инид:

– Не вздумай просто сказать «алло» и разъединиться. Пообщайся с ним.

Шуршание, передают трубку.

– Да, – сказал Альфред.

– Привет, па, с днем рождения, – сказал Чип.

– Да, – повторил Альфред тем же тусклым голосом.

– Прости, что так поздно.

– Я не спал, – сказал Альфред.

– Боялся тебя разбудить.

– Да.

– Ну, с семидесятипятилетием тебя.

– Да.

Чип надеялся, что Инид, позабыв о ненадежном бедре, уже спешит на всех парах обратно в кухню, ему на подмогу.

– Наверное, ты устал, уже поздно, – сказал он. – Не стоит долго разговаривать.

– Спасибо за звонок, – сказал Альфред.

Инид, наконец, вмешалась в разговор.

– Мне еще посуду домыть, – сообщила она. – Сегодня у нас была настоящая вечеринка. Ал, расскажи Чипу, какой прием мы устроили. Всё, я кладу трубку.

Она положила трубку.

– Так у вас была вечеринка, – промямлил Чип.

– Да. Руты приходили поужинать и сыграть партию в бридж.

– Пирог был?

– Твоя мать испекла пирог.

Чип чувствовал, как в отверстие, проделанное сигаретой, проникают болезнетворные бактерии и утекают жизненно важные ресурсы. Сквозь пальцы сочился растаявший лед.

– Кто выиграл?

– У меня, как всегда, были отвратительные карты.

– Обидно. В собственный день рождения...

– Полагаю, ты всю готовишься к следующему семестру, – сказал Альфред.

– Да. Да. То есть нет. В общем, в следующем семестре я не намерен преподавать.

– Не слышу?

– Я говорю, что в следующем семестре не буду преподавать, – громко повторил Чип. – Возьму отпуск и займусь книгой.

– Насколько я помню, вскоре должен решиться вопрос о постоянной ставке.

– Верно. В апреле.

– На мой взгляд, человеку, претендующему на постоянную ставку, следует оставаться на работе.

– Да-да, разумеется.

– Если они увидят, как прилежно ты трудишься, у них не будет повода отказать тебе в постоянной ставке.

– Верно, верно, – твердил Чип. – Но все же надо учитывать и вероятность того, что мне ее не дадут. Я получил... э-э... весьма заманчивое предложение от одного голливудского продюсера. Она училась в университете вместе с Дениз, а теперь в кинобизнесе. Дело в перспективе весьма прибыльное.

– Хорошего работника практически невозможно уволить, – продолжал Альфред.

– Тут всякие интриги. Нужно иметь запасной вариант.

– Тебе видней, но я на своем опыте убедился, что гораздо лучше выработать один план и придерживаться его. Если ничего не выйдет, можно попробовать что-то еще, но ты столько лет работал ради этого. Лишний семестр усердного труда тебе не повредит.

– Верно.

– Расслабишься, когда получишь ставку. Тогда твое будущее гарантировано.

– Верно.

– Что ж, спасибо за звонок.

– Ага. С днем рождения, папа!

Чип бросил трубку, вышел из кухни, взял за горлышко бутылку из-под фронсака и с размаху грохнул ее об край обеденного стола. Затем расколотил вторую бутылку, а с остальными шестью расправился еще быстрее – бил сразу парами, беря по одной в каждую руку.

Гнев помог Чипу продержаться следующие нелегкие недели. Он занял у Дениз десять тысяч долларов и нанял адвоката, угрожая подать иск против университета Д. за неправомерное расторжение контракта. Напрасная трата денег, но приятно, черт возьми! Переехав в Нью-Йорк, он выложил четыре тысячи (задаток и первый взнос) за поднаем квартиры на Девятой улице. Купил кожаный костюм и проколол уши. Занял у Дениз еще денег и связался с университетским приятелем, издателем «Уоррен-стрит джорнал». Месть представлялась ему в виде киносценария, разоблачающего нарциссизм, предательство Мелиссы Пакетт и лицемерие коллег: пусть люди, нанешие ему такую обиду, посмотрят фильм и узнают самих себя, пусть помучаются. Он начал ухаживать за Джулией Врейс, назначил ей свидание и вскоре уже тратил по двести – триста долларов в неделю только на ужины с ней и развлечения. Снова занял денег у Дениз и, зажав в зубах сигарету, набросал заявку сценария. Джулия прижималась к нему на заднем сиденье такси, прятала лицо у него на груди, запускала пальцы под воротник. Чип раздавал по тридцать и сорок процентов чаевых официантам и таксистам, некстати цитировал Байрона и Шекспира, сделал очередной заем у Дениз и пришел к выводу, что она была права: увольнение из университета – лучшее, что могло случиться с ним в жизни.

Конечно, Чип был не настолько наивен, чтобы принимать профессиональные излияния Иден Прокуро за чистую монету. Однако чем больше он общался с Иден, тем больше в нем крепла надежда, что к его сценарию отнесутся с симпатией. Начать с того, что Иден по-матерински покровительствовала Джулии. Будучи всего пятью годами старше, она разобрала свою секретаршу на части и собрала заново, внося существенные поправки. Правда, Чип никак не мог отделаться от подозрения, что на роль возлюбленного Джулии предназначался кто-то другой (Чипа Иден именovala исключительно «спутником», а не «приятелем» или «парнем» Джулии, и когда она принималась рассуждать о «нереализованном потенциале» Джулии и о том, что ее личной секретарше «недостает уверенности в себе», Чип догадывался, что выбор партнера остается той областью, где, на взгляд Иден, для Джулии еще не наступили желанные перемены), но Джулия уверяла, что Иден считает его «милашкой» и «умницей». Муж Иден, Дуг О'Брайен, был на его стороне, это уж точно. Дуг работал в конторе «Брэг Нутер и Спей» спе-

циалистом по слияниям и поглощениям. Он обеспечил Чипа работой со свободным графиком (вычитывать договоры) и проследил, чтобы ему платили по максимальным расценкам. Чип пытался поблагодарить Дуга, но тот лишь отмахивался: «Человек с докторской степенью! – восклицал он. – Эта твоя книга – просто ужас до чего ученая!» Чип зачастил к О’Брайенам-Прокуро на ужины в Трайбеке и воскресные приемы в Квоге. Попивая их спиртное и закусывая блюдами из ресторана, Чип предвкушал успех в сто раз слаще постоянной профессорской ставки. Наконец-то он зажил настоящей жизнью!

Однажды вечером Джулия попросила его сесть и выслушать важное сообщение, некий факт, о котором она до сих пор умалчивала, только пусть он, пожалуйста, не сердится, хорошо? Существенный факт заключался в наличии мужа, вице-премьера Литвы, маленькой прибалтийской страны. Звали супруга Гитанас Мизевичюс. Так вот, Джулия вышла за него года два назад, но ведь Чип не сердится – не очень сердится?

У нее были сложности с мужчинами, сказала Джулия, а все потому, что она росла без них. Отца – он торговал лодками и страдал маниакально-депрессивным синдромом – она видела лишь раз в жизни и предпочла бы обойтись без этого воспоминания. Мать, служившая в косметической фирме, подкинула Джулию собственной матери, а та уpekла ее в католическую школу для девочек. Впервые Джулия всерьез столкнулась с мужчинами в колледже. Переехав в Нью-Йорк, она словно задалась целью переспать со всеми лживыми, склонными к садизму, совершенно ненадежными и невероятно роскошными парнями на Манхэттене. К двадцати восьми годам похвастаться ей было нечем, за исключением внешности, квартиры и стабильной работы (которая, впрочем, сводилась к приему телефонных звонков). Вот почему, познакомившись в клубе с Гитанасом, который отнесся к ней очень серьезно, в скором времени преподнес довольно-таки крупный бриллиант в оправе белого золота и вроде любил ее (не говоря уж о том, что чувак был самым настоящим послом в ООН, она ходила послушать, как он лопочет что-то на своем балтийском наречии на Генеральной Ассамблее), Джулия была просто обязана вознаградить его чувства. Она во всем шла ему навстречу и не стала разочаровывать Гитанаса, хотя задним числом ей казалось, что уж лучше бы сразу разочаровала. Гитанас был значительно старше, в постели очень деликатен (ну, конечно, не как Чип, поспешно добавила она, но все-таки он совсем не плох). Он твердо решил жениться, и в один прекрасный день Джулия об руку с ним переступила порог мэрии. Она бы согласилась даже именоваться «миссис Мизевичюс», если бы это имя не звучало так глупо. Выйдя замуж, Джулия обнаружила, что мраморные полы, черная лакированная мебель и обилие толстого дымчатого стекла в резиденции посла на Ист-Ривер вовсе не так «забавно» вульгарны, как ей думалось. Эта обстановка страшно угнетала, и Джулия уговорила Гитанаса продать квартиру (ею с радостью завладел глава парагвайской делегации) и купить апартаменты, поменьше и более стильные, на Гудзон-стрит, поблизости от хороших клубов. Она подыскала Гитанасу знающего парикмахера и приучила его носить одежду из натуральных тканей. Все шло прекрасно, но, похоже, на каком-то этапе они с Гитанасом не вполне поняли друг друга, ибо, когда его партия (*VIPPAKJRINPB17*, Единственная истинная партия, бестрепетно преданная реваншистским идеалам Казимира Жямайтиса и «независимого» плебисцита 17 апреля) проиграла сентябрьские выборы и отозвала Гитанаса в Вильнюс, чтобы он присоединился к парламентской оппозиции, он, оказывается, ничуть не сомневался, что Джулия поедет вместе с ним. Джулия, конечно, сознавала, что муж и жена одна плоть и что жене должно прилепиться к мужу своему и так далее, однако Гитанас, описывая постсоветский Вильнюс, нарисовал совершенно безотрадную картину: постоянные перебои с отоплением и электричеством, замерзающий водопровод, перестрелки, а из еды чуть ли не сплошная конина. И Джулия обошлась с Гитанасом просто ужасно, так скверно она ни с кем в жизни не поступала. Согласилась поехать с ним в Вильнюс и вроде как села на самолет вместе с ним, в первом классе, а потом украдкой сбежала из самолета, сменила номер домашнего телефона и попросила Иден сказать Гитанасу, когда тот позвонит, что Джулия, мол, исчезла.

Через полгода Гитанас вернулся на уик-энд в Нью-Йорк, и тут уж Джулия до конца осознала свою вину. Спору нет, поступок был дурной. Но Гитанас обозвал ее очень грубыми словами и даже ударил, довольно сильно. В результате они пришли к выводу, что не смогут в дальнейшем жить вместе, однако Джулия продолжала пользоваться квартирой на Гудзон-стрит и за это оставалась женой Гитанаса на случай, если ему срочно потребуется убежище в Соединенных Штатах – дела в Литве явно шли все хуже.

Такова была история ее замужества, и Джулия надеялась, что Чип не очень рассердится.

А Чип и не сердился. Напротив, поначалу он не только не огорчился, он был в восторге. Обручальное и венчальное кольца Джулии приводили его в восторг, он настаивал, чтобы она не снимала их в постели. В кулуарах «Уоррен-стрит джорнал», где он порой чувствовал себя недостаточно трансгрессивным, будто в глубине своего существа так и остался благовоспитанным мальчиком со Среднего Запада, Чип отводил душу, намекая на некоего европейского политика, которому он-де «наставляет рога». В диссертации («Стоит ли Он: переживания вокруг фаллоса в елизаветинской драме») Чип подробно писал о рогатых мужьях, под маской современной ученой критики теща себя концепцией брака как собственности, прелюбодеяния как воровства.

Однако в скором времени упоение браконьерством в охотничьих угодьях литовского дипломата сменилось буржуазными фантазиями, в которых Чип самого себя воображал супругом Джулии, ее господином и повелителем. На него накатывали приступы ревности к Гитанасу Мизевичусу, этому драчуну-литовцу – тот как-никак добился успехов на поприще политики, и Джулия вспоминала о нем с уважением и чувством вины. В новогоднюю ночь Чип напрямую заговорил о разводе, но Джулия ответила, что ее вполне устраивает квартира («аренда была бы мне не по карману!») и не хочется прямо сейчас подыскивать что-то другое.

После Нового года Чип вернулся к черновому наброску «Академического пурпура», который в состоянии эйфории забивал в компьютер сразу по двадцать страниц, и обнаружил серьезные изъяны. Нет, это не сценарий, а какая-то неуклюжая халтура. Целый месяц Чип тщательно праздновал завершение работы, уговаривая себя, что кой-какие шаблонные элементы – заговор против главного героя, аварию, зловещих лесбиянок – можно будет убрать, не повредив удачному сюжету. Однако без этих шаблонных элементов сюжет попросту развалился.

Во имя своих творческих и интеллектуальных амбиций Чип добавил длинный теоретический монолог, настолько неудобоваримый, что всякий раз, включив компьютер, принимался его править и нередко весь рабочий день уходил на очередной сеанс маниакального переписывания этого монолога. Когда сокращать дальше стало невозможно, так как пришлось бы пожертвовать основными темами, Чип принялся за поля и переносы, с тем чтобы монолог непременно уложился в шесть первых страниц, не расплываясь на начало седьмой. Он выгадал четыре знака, заменив «возобновлять» на «начинать», что позволило в «акты / транзакции» поставить знак переноса после второго «к» и вызвало целую лавину столь же изобретательных переносов. Потом ему взбрело в голову, что глагол «начинать» сбивает ритм, а «акты / транзакции» ни в коем случае не подлежат разбиению на слоги, в результате пришлось выискивать в тексте другие длинные слова и заменять их более короткими синонимами, попутно он из всех сил уверял себя, что звезды и продюсеры в костюмах от Прады охотно прочтут шесть (но не семь!) страниц напыщенной академической чуши.

Очень давно – Чип был еще ребенком – произошло полное солнечное затмение, которое наблюдали на Среднем Западе, и одна девочка из какого-то захолустного городка на том берегу реки, несмотря на все предостережения, осталась на улице и следила за убывающим солнечным серпом, пока не обожгла сетчатку глаз.

«Было вовсе не больно, – рассказывала ослепшая девочка репортеру «Сент-Джуд кро-никл». – Я вообще ничего не почувствовала».

Изо дня в день, прихорашивая труп давно скончавшегося монолога, Чип платил за квартиру, еду и развлечения большей частью деньгами младшей сестры. И все же, пока деньги водились, он не испытывал острой боли. Один день потихоньку перетекал в следующий. Чип редко вставал с постели до полудня. Вволю ел и пил, одевался вполне прилично, чтобы убедиться, что пока не похож на трясущееся бланманже; четыре вечера из пяти ему удавалось упрятать подальше тревогу и дурные предчувствия и хорошо провести время с Джулией. Сумма, которую он задолжал Дениз, намного превышала заработка корректора, но по голливудским стандартам была ничтожной, а потому Чип все реже появлялся в конторе «Брэг Нутер и Спей». Жаловаться ему было не на что, разве только на здоровье. Летом, когда вся работа сводилась к перечитыванию безнадежно испорченного первого акта, Чип иной раз выходил глотнуть свежего воздуха, шел по Бродвею, устраивался на скамейке в Бэттери-парке. Ветерок с Гудзона забирался под воротник, над головой неумоимо фырчали вертолеты, издали, из Трайбеки, квартала миллионеров, доносились вопли малышни, а Чипа с головой накрывала вина: он так здоров, так крепок и при этом – *ни то ни се!* И крепкий сон по ночам, и отсутствие болезней – он благополучно избегал даже простуды – не помогают ни завершить работу, ни полностью предаться каникулярному настрою, ни флиртовать с девушками, ни закладывать за воротник «маргариты». Лучше бы сейчас, в эту полосу неудач, занедужить и умереть, а здоровье и избыток сил сохранить на потом, когда (немыслимая перспектива!) он станет на что-то способен. Сколько же растрачено зря – деньги Дениз, благосклонность Джулии, собственные способности и образование, возможности, предоставленные самым продолжительным в истории Америки экономическим бумом, – но более всего здесь, у реки, под теплыми лучами солнышка, Чипа угнетало это никчемное, нелепое здоровье.

В июле, однажды в пятницу, деньги кончились. Выходные с Джулией обходились минимум в пятнадцать долларов (буфет кинотеатра), так что Чип сгреб с полок марксистов и отволок в «Стрэнд»²⁵ две тяжеленные сумки. В совокупности эти книги стоили 3900 долларов, сохранились и переплеты, и суперобложки. Приемщик в «Стрэнде» небрежно пролистал товар и объявил: «Шестьдесят пять».

Чип одышливо рассмеялся, уговаривая себя не спорить, но ведь только новехонькое британское издание Юргена Хабермаса²⁶ («Структурные перемены общественности») – книга оказалась слишком трудной, он так и не прочел ее и уж тем более не законспектировал – обошлось в 95 фунтов! Он не удержался и указал приемщику на это обстоятельство.

– Обратитесь в другой магазин, – сказал тот, и рука его замерла над кассовым аппаратом.
– Нет-нет, вы правы, – сдался Чип. – Шестьдесят пять, отлично.

Было до слез очевидно, что он рассчитывал выручить за свои сокровища несколько сотен. Чип отвернулся от укоризненных корешков, припоминая, как эти книги манили его в книжный магазин обещанием радикального разбора позднекапиталистического общественного устройства и с какой радостью он нес их домой. Но Юрген Хабермас не обладал длинными, прохладными, точно ствол грушевого дерева, ногами Джулии; от Теодора Адорно²⁷ не веяло виноградным ароматом распутной уступчивости; Фред Джеймисон²⁸ не умел так работать языком. К началу октября, когда Чип отослал Иден Прокуро законченный сценарий, он избавился от своих феминисток, формалистов, структуралистов и постструктуралистов, от фрейдистов и квир-теоретиков. Деньги на ланч для родителей и Дениз он мог добыть, только продав любимых культурологов и полного арденовского Шекспира в твердом переплете, но поскольку в Шекспире таилась какая-то магия – одинаковые тома в бледно-голубых суперобложках скла-

²⁵ «Стрэнд» – букинистический магазин в Нью-Йорке.

²⁶ Хабермас Юрген (р. 1929) – немецкий философ-постмодернист и социолог.

²⁷ Адорно Теодор (1903–1969) – немецкий философ, социолог, музыковед и композитор.

²⁸ Джеймисон Фредерик (р. 1934) – американский философ, автор марксистской концепции постмодернистской культуры.

дывались в архипелаг укрытых от бурь островов, – Чип отправил в сумки Фуко, Гринблатта, хукс²⁹ и еще кой-кого и оптом сдал их букинисту за 115 долларов.

Шестьдесят долларов ушло на стрижку, кой-какие сласти, пятновыводитель и пару рюмашек в «Сидар таверн». В августе, приглашая родителей, Чип рассчитывал, что к их приезду Иден уже прочтет сценарий и выплатит аванс, но теперь стало ясно, что придется довольствоваться домашним ланчем. Он отправился в один из ист-виллиджских гастрономов, где продавали очень даже неплохие тортеллини и хлеб с хрустящей корочкой. Деревенский ланч по-итальянски, без особых расходов. Увы, гастроном приказал долго жить, плестись за десять кварталов в пекарню, славившуюся хорошим хлебом, не было охоты, и Чип наугад побрел по Ист-Виллидж, заглядывая в фальшиво-привлекательные продуктовые магазинчики, взвешивая на ладонях сыры, отвергая хлеб, присматриваясь к плохоньким тортеллини. В итоге он оставил затею с итальянским ланчем и сосредоточился на единственной альтернативе – салате из дикого риса, авокадо и копченой индюшачьей грудки. Как на грех, спелые авокадо не попадались. Во всех магазинах Чип наткался либо на полное отсутствие авокадо, либо на твердые, точно орех, плоды. В конце концов спелые авокадо нашлись, но размером не превосходили лайм, а стоили по 3,89 за штуку. Он долго стоял с пятью плодами в руках, соображая, как быть. Положил их на прилавок, снова взял, снова положил и никак не мог решиться. Его охватил приступ судорожной ненависти к Дениз: какого черта она, играя на его чувстве вины, заставила пригласить родителей на ланч! Можно подумать, Чип всю жизнь питался исключительно салатом из дикого риса и тортеллини, но больше ничего в голову не приходило – ни одного рецепта!

Около восьми вечера он вошел в «Коммерческий кошмар» («Всё по шикарной цене!») на Гранд-стрит. Испарения дымкой затянули небо, тяжелый, горячий ветер дул со стороны Байонны³⁰. Элита Сохо и Трайбеки потоком вливалась в обрамленные полированной сталью двери «Кошмара». Мужчины выглядели по-разному, зато женщины, как на подбор, сплошь худощавые и тридцатилетние, многие ухитрялись сочетать худощавость с беременностью. После стрижки под воротником зудело, и Чип чувствовал себя неловко в толпе изысканных дам. Однако прямо за дверью «Кошмара» он углядел коробку с зеленью: «Щавель из Белиза, 99 центов».

Он вошел в супермаркет, взял корзину, бросил в нее пучок щавеля. Девяносто девять центов. Над стойкой кофейного бара бежали по экрану данные: ОБЩАЯ ВЫРУЧКА ЗА ТЕКУЩИЙ ДЕНЬ, ПРИБЫЛЬ ЗА ТЕКУЩИЙ ДЕНЬ, ПЛАНИРУЕМЫЕ ВЫПЛАТЫ ДИВИДЕНДОВ ЗА КВАРТАЛ (неофициальная, не влекущая за собой обязательств оценка по результатам минувшего квартала, только для общего сведения), а также ПРОДАЖА КОФЕ ЗДЕСЬ. Лавируя среди тележек и антенн сотовых телефонов, Чип добрался до рыбного отдела, где, словно дивный сон, его дожидался ДИКИЙ НОРВЕЖСКИЙ ЛОСОСЬ, ПОЙМАННЫЙ НА БЛЕСНУ, по разумной цене. Чип ткнул пальцем в средних размеров филе, а на вопрос продавца «Что еще?» ответил резко, даже заносчиво: «Это все».

Филе в красивой бумажной обертке, как гласила наклейка, стоило 78,40. К счастью, это открытие поразило Чипа настолько, что он даже не стал протестовать, с опозданием сообразив, что цены в «Кошмаре» указывали за четверть фунта. Два года назад, да что там, два месяца назад он бы так не вляпался.

– Ха-ха! – сказал он, покачивая филе за семьдесят восемь долларов на ладони, словно бейсбольную перчатку. Отошел в сторонку, присел на корточки, якобы поправляя шнурки, запихал лосося под кожаную куртку и свитер, а свитер заправил в брюки и выпрямился.

– Папочка, я хочу рыбу-меч! – послышался за спиной тоненький голосок.

²⁹ Гринблатт Стивен (р. 1943) – американский литературовед, представитель «нового историзма»; белл хукс (р. 1952) – американская писательница и критик, пишет свое имя со строчной буквы.

³⁰ Байонна – город в Новой Англии.

Едва Чип сделал шаг, как тяжелая рыбина выскользнула из-под свитера в штаны, прикрыла пах, точно гульфик.

– Папа!!! Рыбу-меч!!!

Чип прижал ладонь к промежности. Филе болталось между ног, словно переполненный, отсыревший подгузник. Он подтянул его ближе к пупку, понадежнее подоткнул свитер, застегнул молнию на куртке до самого горла и целенаправленно устремился сам не зная куда. К стеллажу с молочными продуктами. На банках с французской сметаной значилась цена, предполагавшая доставку на сверхзвуковом самолете. Подойти к более доступной отечественной сметане мешал парень в бейсболке, во всю глотку оравший в сотовый телефон, меж тем как девочка – его дочь, скорее всего – обдирала фольгу, которой были запечатаны полулитровые упаковки французского йогурта. Уже пять или шесть обезглавила. Чип наклонился, пытаясь дотянуться до полки за спиной парня, но мешало брюхо-филе.

– Извините! – сказал он.

Человек с телефоном отошел походкой лунатика.

– К черту! Я сказал: к черту! Мать его так! Нет, сделка не завершена! Ничего не подписано! Я этого засранца еще на тридцать пунктов опущу, вот увидишь! Лапочка, не обрывай, за них платить придется. Я сказал: завтра цена еще упадет. Никаких сделок, пока рынок не рухнет! Ничего не покупать! Ничего! Ничего! Ничего!

Приближаясь к кассам, с четырьмя правдоподобно выглядевшими предметами в корзине, Чип издали заметил волосы, блестящие, точно новенькая монета, – это могла быть только Иден Прокуро, худощавая, тридцатилетняя, лихорадочно энергичная. Ее маленький сынишка Энтони сидел на магазинной тележке спиной к горе омаров, сыров, копченостей и икры – наберется сумма с тремя нулями. Иден склонилась над Энтони, малыш тянул за серовато-коричневые лацканы ее итальянского костюма, сосал блузку, а Иден на ходу листала сценарий – только бы не «Академический пурпур»! Пойманный на блесну норвежский лосось размяк, от соприкосновения с телом застывший жир, придававший рыбе твердость, растаял и начал просачиваться сквозь упаковку. Чип спешил покинуть «Кошмар» и при таких обстоятельствах был совершенно не готов обсуждать сценарий. Он быстро свернул в отдел мороженого, где громоздились простые белые коробки с мелкими черными надписями. Мужчина в костюме сидел на корточках перед маленькой девочкой, чьи волосы отливали медью. Эйприл, дочка Иден. И муж Иден, Дуг О’Брайен.

– Чип Ламберт! Какими судьбами? – воскликнул Дуг.

Пожимая широкую ладонь Дуга, Чип скромно прикрылся корзинкой.

– Эйприл выбирает сладкое к обеду, – пояснил Дуг.

– Три сладких, – уточнила Эйприл.

– Верно, три десерта.

– Это что? – пальцем показала девочка.

– Шербет из гранатового сиропа с настурциями, солнышко.

– Я его люблю?

– Не знаю, солнышко.

Дуг, уступавший Чипу и возрастом, и ростом, так упорно (причем без малейшего признака иронии или снисходительности) восхищался могучим интеллектом Чипа, что Чип в конце концов поверил в искренность Дугова восхищения. Но почему-то от этих восторгов было гораздо хуже, чем от любого унижения.

– Иден говорит, ты закончил сценарий, – произнес Дуг, ставя на место опрокинутые Эйприл упаковки. – С ума сойти, а? Феноменальный проект.

Эйприл прижимала к вельветовому сарафанчику три заиндевевшие коробки.

– Что выбрала? – спросил ее Чип.

Эйприл преувеличено, еще неумело, пожала плечами.

– Беги к маме, лапочка. Мне надо поговорить с Чипом.

Эйприл устремилась к выходу.

«Каково это – быть отцом, – подумал Чип, – чтобы в тебе всегда кто-то нуждался, а не ты – в других?»

– Вот что я хотел спросить, – начал Дуг. – Минутка найдется? Допустим, тебе предлагают сменить личность – ты бы согласился? Допустим, говорят: «Я проведу полный апгрейд вашего жесткого диска – того, что в мозгах, – в соответствии с вашими пожеланиями». Ты бы стал за это платить?

Влажная обертка лосося прилипла к потному телу и внизу начала рваться. Не самое подходящее время для интеллектуальной беседы, которой жаждет Дуг, но ведь необходимо, чтобы Дуг и впредь оставался столь же высокого мнения о нем и уговорил Иден купить сценарий. Чип поинтересовался, с какой стати Дуг об этом спрашивает.

– Ко мне на стол попадает много безумных проектов, – продолжал Дуг. – Особенно теперь, когда капитал возвращается в Америку. Через интернет-компании, само собой. Мы по-прежнему лезем из кожи вон, чтобы убедить среднего американца с радостью приложить руку к собственному разорению. Но биотехнологии меня просто потрясают. Я кучу проспектов прочел о генетически измененных кабачках. Похоже, люди здесь едят куда больше кабачков, чем я подумал, и эти кабачки подвержены множеству заболеваний, хотя с виду такие крепыши. Либо в этом дело, либо... «Южный Кукумтек» идет по тридцать пять долларов за акцию, цена явно завышена. Неважно. Но этот фокус с мозгами – вот что заставило меня призадуматься, Чип. Чудно уже то, что об этом можно болтать направо и налево. Сведения не засекречены. Разве не чудно?

Чип старался не сводить с Дуга якобы заинтересованного взгляда, но глаза его, словно непослушные ребятишки, дергались то вправо, то влево. Он был на пределе.

– Ага, чудно.

– Идея в том, чтобы полностью переинсталлировать мозги. Наружные стены и крыша все те же; внутренние перегородки, сантехнику и прочее – заменить. Убрать этот никому не нужный кухонный уголок. Поставить современные электрические пробки.

– Угу.

– Ты сохраняешь свой красивый фасад, – рассуждал Дуг. – Выглядишь все таким же серьезным интеллигентом, со слегка нордической внешностью. Ученым, сдержанным. Но внутри становишься пожилее. Большая гостиная с видео– и аудиоцентром. Кухня просторнее и удобнее. Электрическая мусородробилка, конвекционная печь. На двери морозильника – автомат для льда.

– Я сам себя узнаю?

– А тебе это надо? Все остальные узнают, по крайней мере внешне.

Огромные светящиеся цифры ОБЩАЯ ВЫРУЧКА ЗА ТЕКУЩИЙ ДЕНЬ на миг застыли на 444 447,41 и вновь рванули вверх.

– Внутренняя обстановка – это и есть моя личность, – возразил Чип.

– А если осуществлять апгрейд постепенно? Допустим, все делается очень аккуратно. Вечером, когда ты возвращаешься с работы домой, твои мозги чистят и прибирают, в выходные тебя, согласно местным правилам и условиям договора, никто не беспокоит. Перемены происходят мало-помалу, ты, так сказать, срастаешься с ними или они с тобой. Никто не заставляет тебя покупать новую мебель.

– Все это гипотетические рассуждения.

Дуг назидательно поднял палец.

– Одна проблема: не обойтись без металла. Возможно, детекторы в аэропорту начнут срабатывать, когда ты проходишь мимо. Или ты, сам того не желая, будешь принимать какие-то радиочастоты. Нельзя пить «гейторейд»³¹ и другие напитки с электролитами. Так что скажешь?

– Это же шутка, верно?

– Загляни на сайт. Я дам адрес. «Последствия внушают тревогу, однако остановить новую мощную технологию невозможно». Девиз нашего времени, тебе не кажется?

Лососевое филе свернулось в штанах у Чипа словно большой, теплый моллюск, а виной всему конечно же плохая работа мозга, целый ряд неверных решений. Логика подсказывала, что рано или поздно Дуг отцепится, у Чипа появится шанс улизнуть из «Кошмара», в туалете какого-нибудь ресторана извлечь рыбу из брюк и восстановить умственные способности, – да-да, наступит миг, когда он уже не будет торчать с оттаявшей рыбой в штанах возле дорогих замороженных десертов, и этот грядущий миг будет полон небывалого облегчения и счастья, но пока что Чип застрял в куда менее приятном настоящем и готов был хоть на полную замену мозга, если она сулила выход из данной точки во времени.

– Десерты в фут высотой! – воскликнула Инид (безошибочный материнский инстинкт подсказывал, что пирамидами креветок Дениз не прошибешь). – Необычайно изысканно. Ты когда-нибудь видела что-то подобное?

– Наверное, было неплохо, – согласилась Дениз.

– У Дриблетов всегда такая роскошь! В жизни не видела десертов такой высоты. А ты, Дениз?

Едва заметные признаки нетерпения – Дениз задышала чуть глубже, с преувеличенной аккуратностью положила вилку, отпила глоток вина и поставила бокал на стол – обижали Инид больше, чем открытое негодование.

– Я видела высокие десерты, – сказала Дениз.

– Их, наверное, ужасно трудно готовить?

Сложив руки на коленях, Дениз медленно выдохнула.

– Похоже, праздник был замечательный. Рада, что ты получила удовольствие.

Да, Инид получила удовольствие, побывав на новоселье у Дина и Триш, и ей бы хотелось, чтобы Дениз сама побывала там, убедилась, насколько изысканно все было организовано. Вместе с тем Инид опасалась, что Дениз отнюдь не сочла бы этот прием изысканным, она бы разбирала каждую подробность, и в конце концов осталась бы лишь заурядная сердцевина. Вкус дочери был для Инид словно бельмо на глазу, словно черная дыра, куда в любую минуту могли кануть все ее маленькие радости.

– О вкусах не спорят, – чопорно произнесла она.

– Безусловно, – согласилась Дениз. – Правда, некоторые вкусы все же предпочтительнее.

Альфред низко склонился над тарелкой, чтобы кусочки лосося и зеленая фасоль не упали с вилки на скатерть, однако прислушивался к разговору.

– Довольно! – оборвал он.

– Все так думают, – не унималась Инид. – Каждый свой вкус хвалит.

– И большинство заблуждается, – отпаривала Дениз.

– Каждый имеет собственный вкус, – продолжала Инид. – В этой стране у каждого есть право голоса.

– К сожалению.

– Прекрати, – одернул Альфред дочь. – Все равно проиграешь.

– Ты рассуждаешь как сноб, – упрекнула Инид.

³¹ «Гейторейд» – фирменное название напитка, восполняющего потерю минеральных веществ.

– Мама, ты все время твердишь, что обожаешь хорошую домашнюю пищу. Я тоже ее люблю. По-моему, десерты высотой в фут – что-то вульгарное, вроде «Диснейленда». Ты готовишь гораздо лучше...

– Нет-нет-нет, – покачала головой Инид. – Я никудышная кухарка.

– Неправда! Откуда же я...

– Не от меня, – перебила Инид. – Не знаю, от кого мои дети унаследовали свои способности, но только не от меня. Кухарка из меня никакая. Никакая! (Почему эти слова доставляли ей такое удовольствие? Словно она ошпарила кипятком ожог от ядовитого сумаха.)

Дениз выпрямилась, снова поднесла к губам бокал. Инид, всю жизнь невольно подмечавшая, как подвигаются дела на чужой тарелке, обратила внимание, что Дениз съела три малюсеньких кусочка лосося, чуточку салата и крошку хлеба. Рядом с нею Инид чувствовала себя обжорой. Тарелка дочери быстро опустела, и она явно не собиралась брать себе добавку.

– Это – весь твой ланч? – захлопотала Инид.

– Да. Весь мой ланч.

– Ты похудела.

– Вовсе нет.

– Не вздумай еще худеть! – Легким смешком Инид прикрыла серьезную тревогу.

Альфред нес ко рту кусочек лосося в щавелевом соусе. Еда упала с вилки в тарелку, развалилась на куски.

– Чип вкусно приготовил, – похвалила Инид. – Правда же? Сочная, нежная рыба.

– Чип всегда хорошо готовил, – сказала Дениз.

– Ал, тебе нравится? Ал!

Пальцы Альфреда, сжимавшие вилку, ослабили хватку. Нижняя губа отвисла, в глазах читалось угрюмое подозрение.

– Ал, тебе нравится ланч? – повторила Инид.

Левой рукой Альфред обхватил запястье правой, стиснул покрепче. Сцепленные кисти продолжали трястись, а он не отрывал глаз от подсолнухов на столе. Усилием воли разгладил печальную складку губ, отогнал паранойю.

– Это все Чип приготовил? – спросил он.

– Да.

Альфред покачал головой, словно не в силах вынести всего разом – Чип приготовил им ланч, Чип куда-то ушел и его здесь нет.

– Замучила меня эта болезнь, – сказал он.

– У тебя очень легкая форма, – напомнила Инид. – Нужно только подобрать лекарство.

– Хеджпет сказал, развитие непредсказуемо, – упрямо возразил Альфред.

– Главное – быть чем-то занятым, – сказала Инид. – Двигаться, не засиживаться на месте.

– Нет. Ты не слушала. Хеджпет ничего не обещал, ничего.

– Судя по тому, что я читала...

– Плевать мне на твои журнальные статейки! Я болен, и Хеджпет это признал!

Напряженно вытянув руку, Дениз снова отставила бокал с вином.

– Что ты скажешь насчет новой работы Чипа? – жизнерадостно спросила Инид.

– То есть?

– Ну, в «Уолл-стрит джорнал».

– На сей счет у меня нет никакого мнения, – проворчала Дениз, не отводя взгляда от скатерти.

– Потрясающе, правда?

– У меня нет никакого мнения.

– Как ты думаешь, он работает на полной ставке?

– Нет.

- Я не совсем понимаю, какая у него должность.
- Мама, я понятия об этом не имею.
- А юриспруденцией он по-прежнему занимается?
- Ты имеешь в виду вычитку договоров? Да.
- Значит, он работает в той юридической фирме.
- Он не юрист, мама.
- Я знаю, что Чип не юрист.
- Но ты говоришь «занимается юриспруденцией», «работает в фирме» и рассказываешь об этом своим приятельницам, так ведь?
- Я говорю, что Чип работает в юридической фирме, вот и все. В нью-йоркской юридической фирме. Он же в самом деле там работает.
- Ты сознательно вводишь людей в заблуждение, – вставил Альфред.
- Наверное, я вообще должна молчать!
- Просто говори правду, – посоветовала Дениз.
- По-моему, Чипу следовало стать юристом. Это самое лучшее для него. Ему нужна стабильная профессия, твердая опора в жизни. Папа всегда считал, что из Чипа выйдет отличный адвокат. Я-то думала, врач, ведь он интересовался науками, но папа всегда видел в нем юриста. Верно, Ал? Ты же надеялся, что из Чипа выйдет прекрасный адвокат? Он так хорошо умеет говорить.
- Слишком поздно, Инид.
- Я думала, раз мальчик теперь работает на фирму, может, он заинтересуется и продолжит образование.
- Уж для этого и вовсе поздно.
- Ведь у юриста столько возможностей, Дениз! Он может руководить компанией. Может стать судьей! Может преподавать или заняться журналистикой. Чип мог бы выбрать себе любую дорогу в жизни.
- Чип поступит так, как ему вздумается, – сказал Альфред. – Я никогда его не понимал, но другим он не станет.

Он пробежал два квартала под дождем, прежде чем нашел исправный автомат. В первых двух будках-близнецах у одного аппарата была срезана трубка, цветные проводки торчали из обрывка шнура, а памятником второму служили четыре отверстия в стене, где прежде крепились болты. Из двух телефонов на следующем углу один поперхнулся жевательной резинкой, а у второго отсутствовал гудок. Нормальный человек, попав в такую ситуацию, дал бы выход своему гневу, треснул бы трубкой по рычагу так, чтоб осколки во все стороны полетели, но Чип слишком спешил. В трубке автомата на углу Пятой авеню слышался гудок, но на прикосновение к кнопкам телефон не реагировал и не вернул четвертак ни когда Чип бережно опустил трубку, ни когда он, снова сняв трубку, опустил ее с размаху. У второго телефона тоже имелся гудок, и он охотно принял монету, но механический голос «Бэби белл»³² упорно не желал узнавать набранный номер. И эту монету ему не вернули. Чип попытался еще раз и лишился последнего четвертака.

Он усмехнулся, глядя на автомобили, которые, то и дело притормаживая, еле ползли под дождем. В этом районе дворники утром и вечером поливали дорожки из шлангов, трижды в неделю на уборку улиц выезжали машины со щетками, похожими на усы городских полицейских, но в Нью-Йорке от вандализма и грязи никуда не уйдешь. Название улицы «Пятая авеню»

³² Шуточное прозвище семи региональных телефонных компаний США, возникших в 1982 г., когда согласно антitrustовским законам было упразднено монопольное положение корпорации «А. Т. Т.» («Американ телефон энд телеграф»), основы которой заложил еще в XIX в. изобретатель А. Белл.

скорее можно было прочесть как «Пятно авеню». Мобильные телефоны уничтожали общественные автоматы. В отличие от Дениз, которая считала сотовые телефоны вульгарной цацкой вульгарных людишек, в отличие от Гари, который не только сам обзавелся модной штучкой, но и всех троих сыновей ими снабдил, Чип ненавидел мобильники главным образом потому, что сам не имел такого.

Он пересек улицу – зонтик Дениз от дождя толком не укрывал – и вышел к гастроному на Университи-плейс. Поверх коврика для ног у дверей бросили коричневую картонку, но картон пропитался водой, расплзся, его клочья напоминали выброшенные на берег водоросли. Заголовки газет в проволочных корзинках возле двери сообщали о вчерашнем экономическом крахе в еще двух южноамериканских странах и об очередном падении акций на ключевых рынках Дальнего Востока. Позади кассового аппарата висел рекламный плакат лотереи: «Главное не победа, а забава».

Вынув два доллара из остававшихся в кошельке четырех, Чип купил лакрицу (не из химии, настоящую, как он любил). Третий доллар продавец разменял ему на четвертаки.

– Дайте-ка мне еще «Счастливого гнома», – попросил Чип.

Комбинация из трилистника, деревянной арфы и горшочка с золотом на лотерейном билете отнюдь не была ни выигрышной, ни забавной.

– Тут есть работающий телефон-автомат?

– Нет автомата, – ответил продавец.

– Я спрашиваю: рядом есть работающий телефон-автомат?

– Нету автомата! – Продавец вытащил из-под прилавка мобильник. – Такой телефон.

– Можно мне позвонить? Совсем быстро.

– Поздно звонить брокеру. Надо было звонить вчера. Купить американские.

Продавец рассмеялся, добродушно, и оттого было еще обиднее. Впрочем, Чип стал слишком уязвимым. С тех пор как его уволили из университета, рыночная цена находившихся в свободной продаже акций американских компаний возросла на 35 процентов. И за те же двадцать два месяца Чип ликвидировал свой пенсионный фонд, продал почти новую машину и, хотя работал на полставки с приличной оплатой, все равно остался с пустым карманом. В это время в Америке только ленивый не делал деньги, обладатели «Мастеркард» брали кредит на покупку акций под 13,9 % годовых и получали прибыль. Все играли на повышение, все спешили приобретать, но Чип опоздал. Можно пари держать: за неделю до того, как он продаст «Академический пурпур», рынок достигнет пика и обрушится, как только Чип вложит свой капитал в ценные бумаги.

Впрочем, судя по негативной реакции Джулии на сценарий, американская экономика еще протянет какое-то время.

Чуть дальше, у «Сидар таверн», Чип нашел исправный автомат. Казалось, с тех пор, как накануне вечером он опрокинул тут пару стаканчиков, прошли годы. Чип позвонил в офис Иден Прокуро, услышал автоответчик и поспешил положить трубку, но четвертак уже проскочил в щель. В справочнике обнаружился домашний телефон Дуга О'Брайена, и Дуг снял трубку, но он как раз менял малышу памперс. Лишь через несколько минут Чип получил возможность спросить, прочла ли Иден сценарий.

– Феноменальная задумка, феноменальная! – воскликнул Дуг. – По-моему, она взяла его с собой.

– Куда она пошла?

– Ты же знаешь, я не имею права никому сообщать, где находится Иден. Тебе это хорошо известно, Чип.

– Но у меня безвыходная ситуация!

Опустите, пожалуйста, восемьдесят центов за следующие две минуты...

– Господи, ты звонишь из автомата! – поразился Дуг. – В самом деле из автомата?

Чип скормил автомату последние два четвертака.

– Я должен забрать сценарий, пока она в него не заглянула. Нужно срочно внести поправки...

– Насчет титек, да? Иден говорила, что Джулии не нравятся частые упоминания титек. Я бы на твоём месте не переживал. Этого добра чересчур много не бывает. Просто у Джулии выдалась тяжёлая неделя.

Опустите ещё тридцать центов...

– Так что ты... – донёсся голос Дуга.

...за следующие две минуты...

– Скорее всего, она...

...в противном случае разговор прервется...

– Дуг! – закричал Чип. – Дуг! Я не слышу!

Извините.

– Да-да. Я сказал: почему бы тебе не...

Всего доброго, – произнес механический голос, и телефон умер, напрасно потраченные четвертаки, звякнув, провалились в его утробу. Прикреплённая к аппарату табличка была раскрашена в цвета «Бэби белл», однако надпись гласила: «Орфик телеком. 3 МИНУ ТЫ 25 ЦЕНТОВ, каждая доп. минута 40 ц.».

Скорее всего, Иден была в своей конторе в Трайбеке. Чип зашёл в бар, гадая, успела ли новая барменша, крашеная блондинка – вид у неё такой, словно она выступает на школьных праздниках с самодеятельным оркестром, – настолько расположиться к нему накануне вечером, чтобы ссудить двадцатку под залог водительских прав. Вместе с двумя одинокими выпивохами барменша смотрела какой-то провинциальный футбольный матч, где играли «Ниттани лайонз»³³, коричневые фигурки зигзагами перемещались по мутно-белому экрану. Рядом со своим локтем, всего лишь в шести дюймах, Чип заметил стопочку однодолларовых банкнот. Лежат себе, красавцы. Не безопаснее ли будет транзакция втихую (прикарманить денежки, никогда больше носа сюда не казать, впоследствии анонимно переслать по почте компенсацию), чем просьба о займе? Возможно, именно этот трансгрессивный акт сохранит в целости его рассудок. Чип смял банкноты в маленький шарик, подвигаясь поближе к симпатичной барменше, но борющиеся за мяч круглоголовые парни в коричневой форме поглотили все её внимание. Чип повернулся и вышел из кабачка.

В такси, глядя на проплывающие мимо в пелене дождя магазинчики, Чип сунул в рот лакричную палочку и предался мечтам о сексе с барменшей, коли не удастся вернуть Джулию. Ей, должно быть, лет тридцать девять, как и ему. Наполнить ладони её дымчатыми волосами. Живёт, наверное, в реконструированном здании на Восточной Пятой, по вечерам пьёт пиво, спать ложится в полинявшей майке и гимнастических шортах, в усталой позе, пупок украшен скромной сережкой, киска вроде выдавшей виды бейсбольной перчатки, ногти на ногах покрашены без затей красным лаком. Закинуть её ноги себе на плечи, выслушать повесть её сорока с лишним лет! Интересно, она и в самом деле поёт рок-н-ролл на свадьбах и бар-мицвах³⁴?

В окно такси он прочёл вместо «Атлетический прорыв» – «Патетический прорыв», вместо «Ампир-риелтор» – «Вампир-риелтор».

Он почти влюбился в женщину, которую никогда больше не увидит. Украл девять долларов у честной труженицы, наивно радующейся студенческому футболу. Даже если вернуться, отдать ей деньги, попросить прощения, он останется в её глазах человеком, который всадил ей нож в спину. Нет, барменша навеки ушла из его жизни, никогда он не зароется пальцами в её

³³ «Ниттани лайонз» – команда Пенсильванского университета.

³⁴ Бар-мицва – праздник в честь торжественного принятия 13-летнего мальчика в иудейскую общину.

волосы. Рыдания поднялись в груди при мысли об этой последней потере – дурной знак. Горло сдавило, он не мог даже сглотнуть сладкую лакричную слюну.

«Пена» в рекламе стала «пенисом», «одежда» – «надеждой».

Вывеска оптики сулила: «Подберем ночки».

Деньги, деньги, как обойтись без них? Любой прохожий, мобильный телефон, бейсболка, дорогой автомобиль – все было оскорблением. Нет, он не страдает ни алчностью, ни завистью. Просто без денег он не человек.

Как же Чип изменился с тех пор, как его выгнали из университета! Он уже не мечтал жить в ином мире, просто хотел сделаться достойным обитателем этого мира. Вероятно, Дуг прав, и многочисленные «груды», прокрававшиеся в его сценарий, ничего не испортят. Но Чип понял, наконец-то понял, что можно вычеркнуть теоретический монолог *целиком*. Эту поправку можно внести за несколько минут прямо в кабинете у Иден.

Подъехав к зданию, где работала Иден, Чип отдал таксисту все девять ворованных долларов. За углом на мощенной булыжником улочке расположилась съемочная группа с шестью трейлерами, горели прожекторы, генераторы воняли под дождем. Код подъезда Чип знал, лифт, к счастью, не был заперт. Только бы Иден пока не заглядывала в сценарий! В голове у него существовала откорректированная версия, единственный истинно верный сценарий, однако на бумаге цвета слоновой кости, которая лежала на столе Иден, по-прежнему красовался злощастный вступительный монолог.

Сквозь стеклянную наружную дверь шестого этажа Чип разглядел свет в кабинете Иден. Неприятно, разумеется, что носки промокли насквозь, и от куртки несет, как от мокрой коровы, пасущейся на берегу моря, и негде просушить волосы и вытереть руки, но хотя бы двух фунтов норвежского лосося у него в штанах, слава богу, не было. По сравнению с той ситуацией Чип чувствовал себя очень неплохо.

Он постучал по стеклу. Иден вышла из своей конторы и уставилась на него. Она гордилась высокими скулами, большими, до прозрачности голубыми глазами, тонкой, просвечивающей кожей. Любая лишняя калория, поглощенная за ланчем в Лос-Анджелесе или выпитая в мартини на Манхэттене, изничтожалась дома на беговой дорожке, или в частном бассейне, или просто в лихорадочном темпе ее жизни. Электрическая, огневая женщина, докрасна раскаленные медные волосы-провода. Странно было видеть на ее лице сейчас, когда она приближалась к двери, настороженное, немного даже смущенное выражение. Она все время оглядывалась через плечо.

Чип жестом показал, что хочет войти.

– Ее тут нет, – сквозь стекло предупредила Иден.

Чип повторил свой жест. Иден открыла дверь, прижала руку к сердцу.

– Чип, мне так жаль, что вы с Джулией...

– Я за сценарием. Ты прочла его?

– А? Слишком бегло, надо перечитать. Сделать кой-какие пометки. – Иден что-то написала в воздухе у виска и рассмеялась.

– Вступительный монолог, – упорствовал Чип. – Я его вырезал.

– Прекрасно! Обожаю сокращения. Просто обожаю! – Она снова оглянулась на кабинет.

– Как ты думаешь, без этого монолога...

– Чип, тебе деньги нужны?

Иден улыбнулась ему с такой бесшабашной откровенностью, словно он застал ее пьяной или без штанов.

– Ну, я пока не банкрот.

– Конечно-конечно. И все-таки?

– А что?

– С интернетом ладишь? – осведомилась она. – *Java? HTML?*

– Господи, нет!

– Ладно, зайди на минутку в кабинет. Ты не против? Иди сюда.

Чип последовал за Иден, прошел мимо стола Джулии, где ее присутствие обозначалось только игрушечным лягушонком, пристроенным на мониторе.

– Раз уж вы разошлись, почему бы тебе не... – начала Иден.

– Иден, мы вовсе не разошлись.

– Нет-нет, поверь мне, все кончено. Кончено и забыто. Думаю, перемена обстановки пойдет тебе на пользу, начнешь понемногу оправляться от этой истории...

– Иден, да послушай же, мы с Джулией всего-навсего временно...

– Не временно, Чип, ты уж извини: навсегда. – Иден снова рассмеялась. – Джулия не умеет резать правду-матку, зато я умею. Так что почему бы вам теперь не познакомиться... – И она провела Чипа в кабинет. – Гитанас? Нам так повезло. Вот он, человек, который идеально подходит для этой работы!

В кресле у стола Иден расположился мужчина примерно того же возраста, что и Чип, в красной кожаной куртке в рубчик и тесных белых джинсах. Широкое лицо с младенчески пухлыми щеками, светлые волосы шлемом облегают череп.

Иден чуть не лопалась от воодушевления.

– Я-то ломаю себе голову, кто бы мог тебе помочь, Гитанас, а самый квалифицированный специалист во всем Нью-Йорке как раз стучится в дверь! Чип Ламберт. Ты же знаком с моей секретаршей Джулией? – Она незаметно подмигнула Чипу. – Так вот, это муж Джулии, Гитанас Мизевичус.

Мастью и формой головы, ростом и телосложением, а в особенности неуверенной, пристыженной улыбкой, словно приклеенной к лицу, Гитанас походил на Чипа больше любого другого из его знакомых. Вылитый Чип, только сутулый и с кривыми зубами. Он нервно кивнул, не вставая с кресла и не протягивая руки, буркнул:

– Здравствуйте.

Выходит, Джулия западает на определенный тип.

Иден похлопала по сиденью незанятого кресла.

– Садись-садись-садись!

На кожаном диване у окна пристроилась ее дочка Эйприл, обложившись цветными карандашами и большим запасом бумаги.

– Привет, Эйприл, – окликнул ее Чип. – Вкусный был десерт?

Девочку вопрос почему-то не порадовал.

– Сегодня попробует, – пояснила Иден. – Вчера кое-кто перешел границы.

– Я границы не переходила, – заявила Эйприл.

Бумага, на которой она рисовала, была цвета слоновой кости, на обратной стороне просвечивал текст.

– Садись! Садись! – настаивала Иден, возвращаясь к своему столу, отделанному березовым шпоном. Большое окно у нее за спиной было испещрено крупными каплями дождя. Над Гудзоном висел туман, Нью-Джерси обозначался вдали темными кляксами. Стены в офисе Иден украшали ее трофеи – афиши фильмов с Кевином Клайном, Хлоей Севиньи, Мэттом Деймоном и Вайноной Райдер.

– Чип Ламберт – блестящий писатель, – отрекомендовала Иден. – Как раз сейчас я занимаюсь его сценарием, кроме того, он имеет степень по литературе, а еще последние два года вместе с моим мужем занимается слияниями и приобретениями и вдобавок прекрасно знаком с интернетом, мы только что говорили насчет *Java* и *HTML*, и, как видите, он производит весьма... – Тут Иден впервые обратила внимание на внешний вид Чипа и широко раскрыла глаза. – Должно быть, на улице проливной дождь! Обычно Чип не такой... ну... мокрый. Доро-

гой мой, ты же промок насквозь! Честное слово, Гитанас, более подходящего человека вам не найти. Чип, я просто в восторге, что ты зашел! Только уж очень ты мокрый!

В одиночку каждый из них еще сумел бы выдержать натиск Иден, но вдвоем они могли лишь тупо смотреть в пол, чтобы сохранить остатки самоуважения.

– К сожалению, у меня мало времени, – сказала Иден. – Гитанас заглянул несколько неожиданно. Я буду вам страшно благодарна, если вы перейдете в конференц-зал и там спокойно, не торопясь, все обсудите.

Гитанас нервно скрестил руки на груди, засунул кулаки под мышки и, не глядя на Чипа, спросил:

– Вы актер?

– Нет.

– Право же, Чип, – вмешалась Иден, – это не совсем так.

– Совсем. Я в жизни не сыграл ни одной роли.

– Ха-ха! – воскликнула Иден. – Чип скромничает.

Гитанас покачал головой и уставился в потолок.

Сомнений не оставалось: Эйприл рисовала на листах сценария.

– О чем идет речь? – поинтересовался Чип.

– Гитанас хочет нанять человека...

– Американского актера! – мрачно уточнил Гитанас.

– ...чтобы тот занялся для него чем-то вроде корпоративного пиара. И вот уже больше часа, – глянув на часы, Иден с преувеличенным ужасом приоткрыла рот, распахнула веки, – я пытаюсь ему объяснить, что моих актеров съемки и сцена интересуют куда больше, чем, скажем, международные капиталовложения. К тому же они склонны сильно преувеличивать свою грамотность. И еще я пытаюсь объяснить Гитанасу, что ты, Чип, не только прекрасно владеешь языком и всяким специальным жаргоном, но тебе даже не надо прикидываться специалистом по капиталовложениям – ведь ты и есть специалист!

– Я вычитываю за почасовую оплату юридические документы, – уточнил Чип.

– Специалист по юридической терминологии. Талантливый сценарист!

Чип и Гитанас переглянулись. Что-то в облике Чипа привлекло литовца – быть может, внешнее сходство.

– Ищете работу? – спросил он.

– Пожалуй.

– Наркотиками балуетесь?

– Нет.

– Мне необходимо пойти в туалет, – возвестила Иден. – Эйприл, крошка, пойдем со мной. Захвати рисунки.

Эйприл послушно прыгнула с дивана и подошла к матери.

– Рисунки забыла, моя хорошая. Вот они. – Иден собрала листы цвета слоновой кости и повела Эйприл к дверям. – Пусть мужчины поговорят.

Гитанас прикрыл рукой лицо, помял пухлые щеки, потер светлую щетину. Глянул в окно.

– Вы член правительства? – спросил Чип.

Гитанас слегка наклонил голову.

– И да, и нет. Был несколько лет, но наша партия скапутилась. Теперь я предприниматель. Предприниматель при правительстве, можно так сказать.

Один из рисунков Эйприл остался лежать на полу между диваном и окном. Вытянув ногу, Чип пододвинул его поближе к себе.

– У нас там выборы за выборами, – продолжал Гитанас. – О них уже перестали сообщать в международных новостях. Слишком много выборов – три-четыре раза в год. Главная отрасль

национальной промышленности – выборы. Больше выборов в год на душу населения, чем в любой стране мира. Даже больше, чем в Италии.

Эйприл нарисовала традиционный портрет мужчины – палочки-кружочки-прямоугольники – но вместо головы снабдила его черно-синим водоворотом перепутанных ломаных линий, не голова, а грязные, агрессивные каракули. На обороте сквозь бумагу цвета слоновой кости проступали небольшие фрагменты диалога и ремарки.

– Вы верите в Америку? – продолжал Гитанас.

– Господи, ну и вопрос! – изумился Чип.

– Ваша страна спасла нас, и она же нас погубила.

Мыском ботинка Чип отогнул уголок рисунка и увидел знакомые слова:

Мона (*сжимаемая револьвер*). Что плохого в любви к самой себе? Разве в этом проблема?

То ли бумажный лист неожиданно отяжелел, то ли нога у Чипа устала – он снова уронил страницу на пол, затолкал ее поглубже под диван. Руки и ноги замерзли, даже слегка онемели. Зрение помутилось.

– В августе Россия объявила себя банкротом, – продолжал Гитанас. – Может, слышали? Это было в международных новостях, в отличие от наших выборов. Экономическая новость. Важная для инвестора. И для Литвы тоже: наш главный торговый партнер обременен валютными долгами, а рубль обесценился. Угадайте, чем они станут расплачиваться за наши яйца – рублями или долларами? А также за шасси для грузовиков с единственного работающего в нашей республике завода? Рублями, разумеется. Впрочем, грузовики собирают в Волгограде, а тамошний завод закрылся, так что мы даже рублей не получим.

Чип не испытывал особенной горечи по поводу краха «Академического пурпура». Не придется вновь перечитывать сценарий, не придется никому его показывать – облегчение при этой мысли сравнимо только с тем, какое он испытал в туалете «Фанелли», когда извлек наконец лососевое филе из промокших штанов.

Вся эта морока, в которой плавали груди, знаки переноса, поля в дюйм шириной, растаяла, и он вернулся в пестрый и многообразный мир, забытый бог весть как давно. Годы тому назад.

– Все это очень интересно, – сказал он Гитанасу.

– Интересно. Интересно, – кивнул тот, все так же зябко обнимая себя. – Бродский говорил: «Свежая рыба воняет всегда, мороженная – только тая». Началась большая оттепель, мелкую рыбешку достали со льда. Мы страстно боролись за то и за это. Я сам участвовал. Еще как участвовал! Но экономика была в развале. В Нью-Йорке я славно провел время, вернулся домой – упадок, депрессия. В 1995-м мы привязали лит к доллару – слишком поздно и начали приватизацию – слишком быстро. Не я принимал решение, но я бы поступил так же. Всемирный банк мог дать нам деньги, но требовал: приватизируйте! О'кей, мы продали порт, продали авиалинию, продали телефонную сеть. Обычно самую большую цену предлагали американцы, изредка – европейцы. Все задумывалось по-другому, но как иначе? В Вильнюсе ни у кого наличных не имелось. Телефонная компания говорила: ладно, пусть у нас будет иностранный хозяин с большими карманами, зато порт и авиалинии останутся на сто процентов литовскими. Порт и авиалинии рассуждали точно так же. Но сначала все было о'кей. Приток капитала, на прилавках мясо получше, свет стали реже отключать. Даже погода и та улучшилась. Рэкетеры требовали твердую валюту, но такова постсоветская реальность. Сначала оттепель, потом гниль. Бродский до этого не дожил. Итак, сперва все о'кей, а потом в разных странах – экономический крах. Таиланд, Бразилия, Корея. Тут начались проблемы – капитал отзывали назад, в США. Выяснилось, например, что национальные авиалинии на 64 процента принадлежат «Квод-Ситиз фанд». Что это такое? Взаимный инвестиционный фонд, которым управляет

молодой парень по имени Дейл Мейерс. Вы в Америке и слыхом о нем не слыхали, но в Литве это имя знакомо каждому взрослому гражданину.

Эта повесть о неудачах, похоже, весьма занимала Гитанаса. Давно уже Чип не испытывал такой явной приязни к другому человеку. Его приятели «извращенцы» в университете Д. и в «Уоррен-стрит джорнал» в частных беседах отличались безудержной откровенностью, которая в зародыше уничтожала всякую возможность подлинной дружбы, а нормальные люди вызывали у Чипа одну из двух полярных реакций: успеха он пугался и завидовал ему, неудачников избегал, страшась заразиться. Но тон Гитанаса пришелся Чипу по душе.

– Дейл Мейерс проживает на востоке Айовы, – рассказывал Гитанас. – У него есть два помощника, большой компьютер и портфель на три миллиарда долларов. Дейл Мейерс утверждает, что вовсе не собирался приобретать контрольный пакет акций наших авиалиний. Изъяны компьютерной биржи, говорит Дейл. Кто-то из его помощников ввел не те данные, и компьютер знай себе скупал литовские авиалинии, не показывая общее количество уже приобретенных акций. О'кей, Дейл принес литовскому народу извинения за свой недосмотр. Он-де понимает, как много значат национальные авиалинии для экономики страны и для самоуважения. Но в России и в странах Балтии кризис, билеты Литовских авиалиний никто не покупает. Американские инвесторы забирают деньги из «Квод-Ситиз». Дейл должен платить по счетам, он вынужден реализовать наиболее ценное имущество Литовских авиалиний, то есть самолеты. Три «Як-40» достанутся компании воздушных перевозок в Майами. Шесть турбовинтовых машин будут проданы только что созданной пассажирской авиакомпании в Новой Шотландии. Уже проданы, вчера. Раз – и нет национальных авиалиний.

– О-хо-хо! – вздохнул Чип.

Гитанас яростно закивал.

– Вот именно! Именно! О-хо-хо! Жаль, что нельзя летать на шасси для грузовиков. О'кей, потом... потом американский конгломерат «Орфик Мидленд» ликвидирует порт Каунас. Тоже раз – и нету. О-хо-хо! А потом шестьдесят процентов Банка Литвы достались филиалу какого-то банка в Атланте, штат Джорджия, и этот филиал ликвидировал наши валютные резервы, в один прекрасный день вдвое повысив нам проценты по кредитам. Почему? Чтобы покрыть серьезные убытки по «Дилберт Мастеркард». О-хо-хо! Интересно, говорите? Литва отнюдь не в выигрыше! Литва в заднице!

– Ну, как дела? – поинтересовалась Иден, возвращаясь в офис вместе с Эйприл. – Не хотите перейти в конференц-зал?

Гитанас положил на колени кейс и открыл его.

– Жалуюсь Чипу на Америку.

– Садись, лапочка, – сказала Иден дочери. Она принесла с собой большой лист бумаги и расстелила его на полу возле двери. – Вот бумага получше. Сделаешь большую картину. Как я. Как мамочка. Большую-пребольшую картину.

Эйприл уселась на корточки посреди листа и начертила вокруг себя зеленый круг.

– Мы обратились за помощью к Всемирному банку и МВФ, – продолжал Гитанас. – Они подтолкнули нас к приватизации и, быть может, соизволят теперь заметить, что в новоявленном рыночном государстве царит анархия, складываются мафиозные структуры, многие люди перешли на натуральное хозяйство?! К несчастью, МВФ разбирает жалобы обанкротившихся государств по очереди, в зависимости от их ВВП. В прошлый понедельник Литва значилась в этом списке на двадцать шестом месте, теперь мы на двадцать восьмом. Нас обошел Парагвай. Парагвай всегда нас обходит.

– Ох! – вздохнул Чип.

– Не знаю уж почему, Парагвай сделался проклятием моей жизни.

– Говорю тебе, Гитанас, Чип подходит как нельзя лучше, – вставила Иден, – но послушай...

– МВФ сможет начать действовать не раньше чем через три года!

Иден опустилась в кресло.

– Вы не могли бы поскорее закончить с этим?

Гитанас сунул Чипу под нос распечатку из кейса.

– Это веб-страница, видите? «Госдепартамент США, отдел по делам Европы и Канады». Здесь говорится: экономика Литвы находится в состоянии глубокой депрессии, уровень безработицы достиг двадцати процентов, электричество и воду в Вильнюсе подают с перебоями, в других городах их нет вообще. Какой бизнесмен станет вкладывать деньги в такую страну?!

– Литовский бизнесмен? – предположил Чип.

– Очень смешно! – Гитанас смерил его оценивающим взглядом. – А что, если мы разместим на этой странице и на других сайтах иную информацию? Если сотрем вот это и на хорошем американском языке напишем, что наша страна избежала последствий финансового краха России? Скажем, уровень инфляции в Литве на данный момент не превышает шести процентов, долларовых резервов на душу населения столько же, сколько в Германии, активное сальдо экспортной торговли – около ста миллионов долларов, благодаря неослабевающему спросу на природные ресурсы Литвы.

– Чип, это в самый раз для тебя! – воскликнула Иден.

Чип дал себе зарок больше никогда в жизни не разговаривать с Иден Прокуро, даже не глядеть в ее сторону.

– Какие природные ресурсы есть у Литвы? – спросил он у Гитанаса.

– В основном песок и гравий, – ответил тот.

– Огромные стратегические запасы песка и гравия. О'кей.

– Песка и гравия сколько душе угодно. – Гитанас захлопнул кейс. – Попробуйте-ка свои силы: с чего вдруг повышенный спрос на эти небезынтересные ресурсы?

– Строительный бум в соседних Латвии и Финляндии? В скудной песком Латвии и бедной гравием Финляндии?

– А каким образом эти страны избежали последствий глобального экономического коллапса?

– Латвия обладает сильными и стабильными демократическими институтами, – ответил Чип. – Это финансовый узел Балтии. Финляндия установила строжайший контроль за оттоком краткосрочных иностранных капиталовложений и сумела сохранить производство мебели, пользующейся спросом по всему миру.

Литовец закивал, явно довольный. Иден стукнула кулачками по столу.

– Боже, Гитанас, это потрясающе! Ты должен предоставить Чипу аванс, помимо апартаментов высшего класса в Вильнюсе и ежедневной оплаты в долларах.

– В Вильнюсе? – переспросил Чип.

– Мы же распродаем страну, – сказал Гитанас. – Нам на месте требуется живой американский клиент. К тому же гораздо безопаснее выходить в интернет из Литвы.

– Вы что, вправду рассчитываете на американских инвесторов? – рассмеялся Чип. – По-вашему, они купятся на разговоры о дефиците песка в Латвии?

– Мне уже шлют деньги, – ответил Гитанас, – всего-навсего за одну маленькую шуточку. Даже не за песок и гравий, а всего лишь за паршивый розыгрыш. Десятки тысяч долларов. Но мне нужны миллионы.

– Гитанас, дорогой! – снова вмешалась Иден. – Пора ставить точку. Идеальный случай для договора о скользящей цене: всякий раз, когда Чип удвоит твою прибыль, ты будешь отдавать ему один процент. Идет? Идет?

– Если поступления увеличатся в сто раз, Чип станет богачом, можете мне поверить.

– Это надо оформить на бумаге.

Встретившись взглядом с Гитанасом, Чип убедился, что тот вполне разделяет его мнение об Иден.

– Что касается договора, – сказал Гитанас, – как мы назовем должность Чипа? Международный консультант по мошенничеству с применением электронных средств связи? Первый заместитель главы заговора?

– Вице-президент по заведомо лживой рекламе, – добавил Чип.

– Ой, как здорово! – восторженно вскрикнула Иден.

– Смотри, мамочка! – Эйприл потянула ее за рукав.

– Все соглашения остаются строго устными, – подытожил Гитанас.

– Вы, разумеется, не затеваете ничего противозаконного? – спохватилась Иден.

Вместо ответа Гитанас надолго уставился в окно. В своей красной куртке он смахивал на мотоциклиста.

– Разумеется, нет, – сказал он наконец.

– Никакого электронного мошенничества, – уточнила Иден.

– Электронное мошенничество? Ни в коем случае!

– Я, конечно, не из пугливых, но мне показалось, кто-то упомянул мошенничество.

– Все конвертируемое в валюту достояние моей страны исчезло без следа в карманах ваших сограждан, – сказал Гитанас. – Богатая и могущественная страна установила правила, по которым мы, литовцы, не столько живем, сколько умираем. С какой стати нам уважать эти правила?

– Основной вопрос Фуко, – подхватил Чип.

– И Робин Гуда тоже, – съязвила Иден. – Это нисколько не убеждает меня в законности ваших действий.

– Я даю Чипу пятьсот американских долларов в неделю. Бонусы на мое усмотрение. Ну как, Чип?

– Я больше заработаю в Нью-Йорке, – сказал Чип.

– По меньшей мере тысячу в день, – вступилась Иден.

– В Вильнюсе доллар стоит гораздо больше.

– Еще бы! – возмутилась Иден. – И на Луне тоже. Что там купишь?

– Чип, объясните Иден, что можно купить за доллары в нищей стране.

– Полагаю, вдоволь еды и выпивки, – сказал Чип.

– В стране, где молодежь воспитывалась в моральной анархии и к тому же изголодалась.

– Наверное, нетрудно найти симпатичную подружку, если вы на это намекаете.

– Если ваше сердце не разобьется при виде милой маленькой девочки из глубинки, которая опустится перед вами на колени и...

– Фу, Гитанас, – остановила его Иден. – При ребенке!

– Я на острове! – пропела Эйприл. – Мамочка, смотри, какой у меня остров!

– Я о детях и говорю, – сказал Гитанас. – Пятнадцатилетние. За доллары? Тринадцати-, двенадцатилетние...

– Двенадцатилетние меня нисколько не привлекают, – заметил Чип.

– Предпочитаете девятнадцатилетних? Эти еще дешевле.

– Нет, правда... – Иден беспомощно развела руками.

– Я хочу, чтобы Чип понял: доллар – большие деньги. Я сделал ему хорошее предложение.

– Беда в том, что мне нужно выплачивать из этих же долларов американские долги, – пояснил Чип.

– Поверьте, нам в Литве эта проблема хорошо знакома.

– Чип хочет тысячу долларов в день плюс поощрительные премии, – заявила Иден.

– Тысячу в неделю, – уступил Гитанас. – За придание законного вида моему проекту. За творческие идеи и привлечение клиентов.

– Один процент от валового дохода, – настаивала Иден. – Один процент за вычетом жалованья в двадцать тысяч долларов ежемесячно.

Не обращая внимания на Иден, Гитанас достал из кармана куртки пухлый конверт и принялся отсчитывать сотенные короткими пальцами, забывшими о маникюре. Эйприл сидела на корточках посреди огромного белого листа в окружении намалеванных ею зубастых чудовищ и немыслимых разноцветных каракулей. Гитанас бросил стопку купюр на стол перед Иден.

– Три тысячи. Аванс за первые три недели.

– И билет на самолет в бизнес-классе, – сказала Иден.

– Хорошо.

– И апартаменты в Вильнюсе по высшему разряду.

– Есть помещение на вилле, не проблема.

– А кто защитит его от вашей мафии?

– Может, я и сам немного мафия. – Гитанас вымученно, пристыженно улыбнулся.

Чип глаз не сводил с груды зеленых бумажек на столе Иден. Он не на шутку возбудился, то ли от вида наличных, то ли при мысли о пышных развратных девицах, а может, так подействовала на него сама перспектива сесть в самолет и улететь за пять тысяч миль от своей кошмарной нью-йоркской жизни. В наркотиках его тоже привлекала возможность стать другим. Он еще в молодости заметил, что от марихуаны мучается бессонницей и паранойей, но все равно, вспоминая о косячке, ощущал эрекцию, все так же мечтал вырваться из темницы.

Он дотронулся до верхней купюры.

– Я выйду на сайт и закажу вам обоим билеты, – вызвалась Иден. – Можете отправляться прямо сейчас.

– Значит, поехали? – сказал Гитанас. – Много работы, много веселья. Риск небольшой. Конечно, без риска не обойтись, раз запахло деньгами.

– Ясное дело, – откликнулся Чип, нежно ощущая сотенные.

Свадебные торжества всегда вызывали у Инид приступ любви к родине, к Среднему Западу в целом и к пригородам Сент-Джуда в частности, ибо в этом заключались для нее реальный патриотизм и истинная духовность. Черда президентов-преступников (Никсон), тупиц (Рейган) и просто аморальных типов (Клинтон) отбила у Инид интерес к политике. Довольно молиться Богу о чудесах, которым не суждено сбыться! Зато в какую-нибудь субботу, в сезон сирени, на свадьбе, сидя на скамье в пресвитерианской церкви Парадайз-Вэлли, она могла оглядеться по сторонам и увидеть вокруг две сотни порядочных людей, ни одного негодяя. Все ее друзья были порядочные люди, у них в свою очередь были такие же порядочные друзья, а поскольку в порядочных семьях воспитывают порядочных детей, мир Инид уподобился газону, где кентуккийская трава растет так густо, что для сорняков попросту не остается места, чудо порядочности и благоприличия. Если, к примеру, одна из дочерей Эстер и Кёрби Рута шла по проходу в церкви, опираясь на руку отца, Инид припоминала, как эта крошка Рут выступала в костюме балерины, играла в «кошелек или жизнь», была скаутом и продавала пирожки, сидела с маленькой Дениз, а потом, когда девочки Рут уже учились в хороших колледжах Среднего Запада, на каникулах они обязательно стучались по-соседски в заднюю дверь, делились с Инид семейными новостями и иногда просиживали по целому часу (вовсе не потому, что Эстер их посылала, а потому, что это были хорошие сент-джудские детки, привыкшие проявлять интерес и сочувствие к соседям), и сердце Инид таяло при виде того, как еще одна милая и добрая крошка Рут получает заслуженную награду в форме брачных обетов молодого человека с аккуратной стрижкой, точь-в-точь как у моделей, рекламирующих мужскую одежду, – такой замечательный молодой человек, бодрый, любезный со старшими, избегающий добрачного секса, у него есть работа, полезная для общества, он инженер-электрик или эколог, родом из традиционной, дружной, крепкой семьи и желает создать такую же традиционную, дружную, крепкую семью. Внешность могла быть обманчивой, но Инид казалось, что подоб-

ные молодые люди даже в конце XX века оставались нормой для пригородов Сент-Джуда. Все мальчики, которых она знала еще скаутами младшего отряда, пускала в случае надобности в гостевой туалет, поручала разгребать снег во дворе, множество Дриблетов, Пирсоны, близнецы Шумперты, превратившиеся в подтянутых красивых молодых людей (которых подросток Дениз, к безмолвному возмущению Инид, спроваживала этой своей усмешкой), прошли или в ближайшем будущем пройдут по центральным проходам протестантских церквей Среднего Запада, обменяются брачными обетами с такими же милыми нормальными девушками и осядут если не в самом Сент-Джуде, то в той же части страны. Некая подавленная часть личности Инид (в глубине души она гораздо меньше отличалась от дочери, чем ей хотелось думать) догадывалась, что смокинги зеленовато-голубого цвета выглядят не лучшим образом и на платье для подружек можно бы выбрать что-нибудь поинтереснее розовато-лилового крепдешина, но, хотя честность вынуждала Инид воздерживаться от эпитета «элегантный» при описании подобных бракосочетаний, более шумная и радостная часть ее натуры предпочитала именно эти свадьбы, потому что недостаток изысканности как раз и свидетельствовал в глазах гостей о том, что для обоих соединившихся отныне семейств существуют ценности поважнее вкуса и стиля. Инид верила в гармонию и обожала, когда подружки невесты, отказавшись от собственных предпочтений, надевали платья и прикалывали букеты в тон салфеток для коктейлей, глазури на торте и праздничных ленточек. Ей нравилось, что церемония в чилтсвилльской методистской церкви непременно завершалась скромным приемом в чилтсвилльском «Шератоне», а более элегантное венчание в пресвитеранской церкви Парадайз-Вэлли – праздником в гольф-клубе, в «Дипмайре», где даже бесплатные спички («Дин и Триш, 13 июня 1987 г.») были строго выдержаны в той же цветовой гамме. Но самое главное, чтобы жених и невеста были под стать друг другу – и возрастом, и происхождением, и образованием.

Иногда, на свадьбе у не столь близких друзей, Инид отмечала, что невеста потяжелее или намного постарше жениха или что родня со стороны жениха явилась из глухого фермерского городишки и явно трепещет перед фешенебельностью «Дипмайра». В таких случаях Инид жалела героев дня, предчувствовала, что их супружеская жизнь с первого же дня пойдет вкривь и вкось. Правда, обычно единственным диссонансом на приеме в «Дипмайре» звучал не вполне пристойный тост, провозглашенный вторым шафером, нередко приятелем жениха со студенческих лет, усатым, с вялым подбородком, раскрасневшимся от выпивки. Судя по акценту, родом парень был вовсе не со Среднего Запада, а из какого-нибудь города на востоке страны, он просто хотел выпендриться, делая «шутливые» намеки на добрачный секс, отчего жених и невеста либо краснели, либо смеялись, прикрыв глаза (не потому, что такого рода юмор их забавлял, а потому, что из деликатности не желали показать глупцу, сколь оскорбительна его болтовня). Альфред вытягивал шею, как всегда ничего не расслышав, а Инид обводила взглядом зал в поисках подруги, с которой могла бы обменяться неодобрительным взглядом.

Альфред тоже любил свадьбы, единственный праздник, имевший, с его точки зрения, определенную цель. Ради такого случая он санкционировал расходы (новое платье для Инид, новый костюм для себя самого, высококачественный набор мисок для салата из тикового дерева, десять предметов, в подарок), которые в иной ситуации отверг бы как нерациональные.

Инид предвкушала, как Дениз повзрослеет, закончит колледж и они устроят самую что ни на есть элегантную свадьбу и прием (увы, не в «Дипмайре», ведь Ламберты чуть ли не единственные в кругу своих друзей не могли осилить астрономические цены «Дипмайра») в честь Дениз и высокого широкоплечего молодого человека, возможно скандинавского облика, чьи прямые льняные волосы как бы уравновесят слишком темные и круто выющиеся локоны, унаследованные Дениз от Инид, но во всем остальном жених будет под стать невесте. У нее чуть сердце не разорвалось, когда октябрьским вечером (и трех недель не прошло с тех пор, как Чак Мейснер устроил для своей дочки Синди самый роскошный прием, какой только видали в «Дипмайре», – все мужчины во фраках, фонтан из шампанского, вертолет у восемнадца-

той лунки и фанфары духового октета) Дениз позвонила домой и сообщила новость: они с боссом съездили в Атлантик-Сити и зарегистрировали в мэрии брак. У Инид были крепкие нервы (приступами тошноты она никогда не страдала), но тут ей пришлось передать трубку Альфреду, бежать в ванную и на коленях бороться с рвотными позывами.

Минувшей весной в Филадельфии они с Альфредом побывали в шумном ресторанчике, где Дениз губила свои руки и молодость. После ланча – вполне вкусного, но чересчур обильного – Дениз решила познакомить их с «шефом», у которого прошла выучку и который вовсю гонял ее. «Шеф», Эмиль Берже, неулыбчивый коротышка средних лет, еврей из Монреаля, расхаживал по своим владениям в заношенной белой футболке (повар какой-то, а не шеф, подумала Инид: ни белой куртки, ни колпака) и явно предпочитал не бриться. Она бы и так заведомо невзлюбила этого типа и постаралась осадить его, даже если б не подметила, что дочка чуть ли не болезненно привязана к нему и ловит на лету каждое его слово.

«Крабовые запеканки чересчур сытные, – укорила Инид Эмиля, заглянув на кухню. – Больше одного кусочка не проглотить».

Он и не подумал попросить прощения, повиниться, как поступил бы вежливый молодой сентджудец, а не без ехидства признал, что-де хорошо бы, конечно, приготовить «легкую» крабовую запеканку, будь это в человеческих силах и не в ущерб вкусу. Но как это сделать? Вот в чем вопрос, миссис Ламберт: как сделать крабовое мясо низкокалорийным? А? Дениз жадно внимала этому диалогу, словно сама его сочинила или хотела выучить на память. Прощаясь у дверей ресторана с дочерью (той еще предстояло отработать четырнадцатичасовую смену), Инид не преминула заметить: «Экий коротышка! И с виду типичный еврей!»

В эту минуту Инид не слишком владела собой, в голосе слышались пронзительные, визгливые нотки. Судя по отсутствующему взгляду Дениз и поджатым губам, ей удалось-таки задеть дочкины чувства. Но, в конце концов, она всего лишь сказала правду. Ни на секунду у нее и мысли не мелькнуло, что Дениз, при всей ее незрелости и романтичности, при всей ее непрактичности в карьере, встречалась с таким человеком, как Эмиль, – с ее-то красивым личиком и фигуркой, ведь ей всего двадцать три года, целая жизнь впереди. Насчет того, как молодая женщина должна распоряжаться своим очарованием в годы девичества (ведь замуж теперь выходят отнюдь не рано), у Инид не было твердого мнения. В общем она предполагала, что молодежи нужно общаться группками по три и более человек, словом, собираться компаниями! Единственный принцип, который она отстаивала с тем большей категоричностью, чем больше его высмеивали в средствах массовой информации, – это аморальность добрачного секса.

И все же в тот октябрьский вечер, стоя на коленях перед унитазом, Инид едва не впала в ересь: не лучше ли было в материнских поучениях пореже упоминать брак? Ей подумалось, что опрометчивый поступок Дениз, по крайней мере отчасти, вызван желанием поступить согласно требованиям морали, угодить матери. Словно зубная щетка, брошенная в унитаз, словно мертвый сверчок в салате, словно подгузник, забытый на обеденном столе, предстала перед Инид тошнотворная нелепость: лучше бы Дениз совершила прелюбодеяние, лучше бы осквернила себя, предавшись недолгому эгоистическому наслаждению плоти, лучше бы отреклась от целомудрия, которого каждый порядочный молодой человек вправе требовать от будущей невесты, – все лучше, чем стать женой Эмиля! Как только Дениз могла заинтересоваться этим человеком?! С Чипом и даже с Гари Инид натыкалась на ту же проблему: дети не укладывались в ее рамки. Не хотели того, к чему стремилась она сама, ее друзья и дети ее друзей. Хотели чего-то совсем другого, скандально другого.

Краем глаза Инид отметила, что коврик в ванной запачкан сильнее, чем она думала, надо его сменить перед праздниками. Из гостиной доносился голос Альфреда, он предлагал выслать Дениз два билета на самолет. Инид поразило, с каким спокойствием муж отнесся к этому известию. Его единственная дочь приняла самое важное в жизни решение, а с ним даже не

посоветовалась! Однако когда Альфред положил трубку, ограничившись простым комментарием, что жизнь полна неожиданностей, Инид (она уже вышла из ванной) увидела, как странно дрожат его руки. Дрожь была неровная и куда более сильная, нежели та, что порой нападала на Альфреда после лишней чашки кофе. Всю следующую неделю Инид, как могла, исправляла унижительное положение, в какое поставила ее Дениз. Во-первых, обзванивала ближайших друзей и с деланным восторгом сообщала: Дениз выходит замуж! за очень симпатичного канадца, но на бракосочетание она приглашает только ближайших родственников, а друзьям представит мужа на очень скромном, совершенно неформальном домашнем приеме на Рождество (никто из друзей не поверил ее энтузиазму, однако все оценили мужественную попытку скрыть обиду, у некоторых даже хватило чуткости не задать неловкого вопроса, в каком магазине новобрачные оставили список подарков); во-вторых, не спрашивая разрешения у дочери, заказала двести извещений, не только затем, чтобы придать этой скоропалительной свадьбе более пристойный вид, но и в надежде немножко потрянуть подарочное дерево, получить какое-никакое возмещение за десятки и сотни тиковых салатных мисок, которые они с Альфредом дарили последние двадцать лет. Всю эту долгую неделю Инид постоянно видела перед собой трясущиеся руки Альфреда, так что, когда он согласился наконец пойти к врачу, а затем получил направление к доктору Хеджпету, который диагностировал «паркинсон», Инид подсознательно связала его недуг с Денизиным известием и, хотя доктор Хеджпет уверял, что «паркинсон» имеет чисто физиологические причины и развивается исподволь, возложила на Дениз вину за болезнь мужа, столь осложнившие ее дни. К праздникам, когда доктор Хеджпет снабдил ее и Альфреда брошюрами, чьи тусклые трехцветные схемы, гнетущие графики и отвратительные медицинские фотографии предвещали столь же тусклое, гнетущее, отвратительное будущее, Инид совершенно уверилась, что Дениз со своим Эмилем погубила ее жизнь. Однако Альфред строго-настрого наказал жене принять Эмиля как желанного гостя. И вот, устраивая прием в честь новобрачных, Инид с приклеенной улыбкой по сто раз выслушивала вместо соболезнований вполне искренние поздравления старинных друзей семьи, которые любили Дениз, считали ее милой девочкой (еще бы, ведь Инид, воспитывая дочь, внушала ей, как важно быть внимательной к старшим; а кстати, что такое этот брак, как не доведенная до абсурда почтительность к старшему?!). Она достойно сыграла свою роль, выполнила распоряжение Альфреда, встретила немолодого зятя со всей сердечностью, ни единым словом не обмолвилась насчет его религии – и какой же стыд и гнев охватили ее, когда через пять лет Дениз развелась с Эмилем, а Инид пришлось сообщать друзьям и эту новость! Она придавала браку огромное значение, изо всех сил старалась примириться с этим браком, а у Дениз даже не хватило совести сохранить его.

– От Эмиля-то получаешь весточки? – спросила Инид.

– Иногда, – ответила Дениз, вытирая посуду на кухне у Чипа.

Устроившись за обеденным столом, Инид вырезала скидочные купоны из журналов, которые привезла с собой в сумке «Нордик плежелайнз». Шквалы дождя ударяли в окна, сотрясая и затуманивая стекло. Альфред дремал в шезлонге Чипа.

– Я вот думаю, – продолжала Инид, – даже если бы все утряслось и вы остались вместе, Эмилю уже недалеко до старости. А это огромная нагрузка. Ты и представить себе не можешь весь груз ответственности.

– Ему и через двадцать пять лет будет меньше, чем сейчас отцу, – возразила Дениз.

– Не помню, рассказывала ли я тебе про мою школьную приятельницу Норму Грин, – начала Инид.

– Ты рассказываешь про нее буквально при каждой встрече.

– Тогда ты знаешь, как сложилась ее судьба. Норма познакомилась с этим человеком, Флойдом Войновичем, он был настоящий джентльмен, на много лет старше, имел высокоопла-

чиваемую работу и сразу ее покорил! Все время водил к «Морелли», в «Стимер» и в «Бейзлон рум», но проблема заключалась в том...

– Мама!

– Единственная проблема, – подчеркнула Инид, – заключалась в том, что он был женат. Норме якобы не стоило об этом беспокоиться. Флойд уверял, что надо лишь немного подождать. Уверял, что сделал ошибку, что его семейная жизнь никуда не годится, что жену он не любил и не любит...

– Мама!

– ...и собирается развестись. – Инид даже глаза прищурила, наслаждаясь ролью рассказчицы. Она знала, как раздражала Дениз эта история, но мало ли что ее саму не устраивало в жизни дочери, так что они квиты! – Это тянулось годами. Флойд был такой душка, он давал Норме все то, чего она не могла ожидать от сверстников. Она пристрастилась к роскоши, вдобавок она повстречала Флойда в том возрасте, когда девушки влюбляются по уши, а Флойд клялся, что вот-вот разведется и женится на ней. Тем временем мы с папой поженились, и у нас родился Гари. Помню, Норма заглянула к нам, когда Гари был еще совсем крошкой, и она просто с рук его не спускала. Она обожала малышей, ей очень нравилось держать Гари на руках, и мне было так жаль ее, ведь она столько лет встречалась с Флойдом, а он все никак не развёлся. Я сказала ей: «Норма, ты не можешь ждать всю жизнь!» Она сказала, что пыталась прекратить эти встречи, ходила на свидания с другими мужчинами, но они были гораздо моложе и казались ей недостаточно зрелыми – Флойд-то был старше ее на пятнадцать лет и очень, очень зрелый, конечно, мужчина постарше способен привлечь молодую женщину именно своей зрелостью...

– Мама!

– И разумеется, молодым людям было не по карману все время водить Норму в разные шикарные места и осыпать ее цветами и подарками, как Флойд (уж он-то включал свое обаяние на полную мощность, когда она бывала им недовольна), к тому же многие молодые мужчины подумывали обзавестись семьей, а Норма...

– Была уже не так молода, – подхватила Дениз. – Я принесла сладкое. Пора подавать десерт?

– В общем, ты знаешь, чем все кончилось.

– Да.

– Очень печальная история, потому что Норма...

– Да, мама, я знаю.

– Норма осталась...

– Мама, я знаю эту историю. Ты, кажется, считаешь, что она имеет отношение к моей ситуации?

– Вовсе нет, Дениз. Ты ведь ничего мне не говорила про свою «ситуацию».

– Тогда с какой стати ты вечно рассказываешь про Норму Грин?

– Не понимаю, почему ты так расстраиваешься, если она не имеет никакого отношения к твоей «ситуации»?

– Я расстраиваюсь потому, что ты усматриваешь какую-то связь. Ты что, думаешь, я встречаюсь с женатым мужчиной?

Инид действительно так думала, но внезапно почувствовала такой прилив негодования, что едва не задохнулась.

– Наконец-то, наконец-то я избавлюсь от этих журналов! – объявила она, кромсая глянце-вые страницы.

– Мама!

– Не стоит говорить об этом. Как говорят на флоте, держи язык за зубами.

Дениз стояла в дверях кухни, сложив руки на груди и сжимая свернутое в комок кухонное полотенце.

– С чего ты взяла, что я встречаюсь с женатым мужчиной?

Инид искромсала очередную страницу.

– Гари что-то тебе сказал?

Инид через силу покачала головой. Дениз из себя выйдет, если откроется, что Гари ее предал, и хотя Инид сама всю жизнь злилась на Гари то за одно, то за другое, она гордилась своим умением хранить тайны и не хотела подводить сына. Да, уже много месяцев она предавалась мрачным размышлениям по поводу «ситуации» Дениз и накопила массу гнева. Стоя у гладильной доски, подравнивая плюш и лежа ночью без сна, оттачивала формулу приговора: *Подобного рода эгоизм я никогда не пойму, не прощу, или: Мне стыдно быть матерью человека, способного на такие поступки, или: В подобной ситуации, Дениз, все мои симпатии на стороне жены, на тысячу процентов, да, на тысячу процентов.* Она твердо решила заклеить аморальное поведение Дениз. Теперь у Инид появилась возможность высказать свое суждение дочери в лицо, но если Дениз станет отрицать обвинения, то и материнский гнев, и все заранее отрететированные, отточенные фразы пропадут втуне. С другой стороны, даже если Дениз сознается, благоразумнее и впредь держать затаенные упреки про себя, нежели рискнуть и пойти на открытое столкновение. Инид требовались союзники для борьбы за Рождество в Сент-Джуде. Много удовольствия она извлечет из роскошного круиза, когда один сын скрылся не пойми куда, другой обидится на то, что она обманула его доверие, а дочь подтвердит худшие ее опасения!

Героическим усилием Инид смирила себя и покачала головой.

– Нет-нет! Гари ничего мне не говорил.

– Ничего не говорил о чем? – прищурилась Дениз.

– Дениз! – окликнул ее отец. – Перестань.

И Дениз, ни в чем не уступавшая матери, тут же повернулась и ушла на кухню.

Инид наткнулась на купон, суливший скидку в шестьдесят центов на «Не отличишь от масла!» при покупке «Английских лепешек Томаса». Ножницы разрезали бумагу и вместе с ней недолгое молчание.

– Уж одну-то вещь я точно сделаю за время круиза, – похвасталась Инид. – Разберусь с этими журналами.

– А Чипа все нет, – вздохнул Альфред.

Дениз выставила на обеденный стол десертные тарелки с кусочками торта.

– Боюсь, сегодня мы Чипа больше не увидим.

– Очень странно! – сказала Инид. – Мог бы позвонить по крайней мере.

– Бывало и хуже, – сказал Альфред.

– Десерт, папа. Мой шеф испек грушевый торт. Хочешь сесть к столу?

– Ой, кусок слишком большой для меня! – сказала Инид.

– Папа?

Альфред не отвечал. Нижняя губа у него вновь отвисла, и рот сложился в ту горькую усмешку, которая вызывала у Инид дурные предчувствия. Повесив голову, он обернулся к потемневшему, мокрому от дождя окну и тупо уставился в него.

– Папа?

– Ал! Десерт!

Что-то в нем словно оттаяло. Не отрывая взгляда от окна, Альфред приподнял голову, с неуверенной радостной улыбкой, будто увидел за окном кого-то близкого ему, дорогого.

– Ал, что там такое?

– Папа?

– Там дети, – сказал он, выпрямляясь. – Видите? – Он вытянул дрожащий указательный палец. – Вон они. – Палец отклонился вбок вслед за детьми, которых видел Альфред. – Вон там. И там.

Он обернулся к Инид и Дениз, очевидно полагая, что они будут в восторге от такого известия, но Инид отнюдь не испытывала восторга. Ее ожидал чрезвычайно шикарный круиз «Краски осени», и было жизненно важно, чтобы во время путешествия Альфред не допускал подобных ошибок.

– Ал, это подсолнухи, – поправила она его сердито и в то же время умоляюще. – Ты видишь в окне их отражение.

– А! – Он озадаченно покачал головой. – А я думал, дети.

– Нет, подсолнухи, – повторила Инид. – Ты видел подсолнухи.

Когда его партия после очередных выборов потеряла власть, а крах российского рубля прикончил литовскую экономику, рассказывал Гитанас, он в одиночестве проводил время в опустевшем штабе *VIPPPAKJRIINPB17*, на досуге создавая интернет-сайт (имя домена, *lithuania.com*, спекулянт из Восточной Пруссии уступил ему за полный грузовик мимеографов, печатающих устройств «ромашка», 64-килобайтовых компьютеров «Коммодор» и прочего офисного оборудования горбачевской эры – последние материальные свидетельства существования партии). Стремясь донести до всех катастрофу обремененных долгами малых народов, Гитанас сотворил сатирическую страницу «ДЕМОКРАТИЯ В ОБМЕН НА ПРИБЫЛЬ – КУПИТЕ КУСОЧЕК ЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИИ» и разместил ссылки в американских чатах и новостных блоках, предназначенных для инвесторов. Посетителей сайта призывали слать деньги канувшей в небытие партии *VIPPPAKJRIINPB17*, «одной из самых уважаемых политических партий Литвы», «краеугольному камню» коалиции, правившей страной «в течение трех из последних семи лет», «лидеру общенациональных выборов в апреле 1993 г.», а ныне «прозападной, поддерживающей бизнес партии», преобразованной в компанию «Партия свободного рынка». Сайт Гитанаса сулил: как только компания «Партия свободного рынка» скупит достаточно голосов, чтобы выиграть национальные выборы, иностранные инвесторы не просто станут «акционерами» «Литва инкорпорейтед» («рыночного государства»), но будут вознаграждены пропорционально размерам своих вложений, что увековечит их «героический вклад» в «рыночное освобождение» страны. Пожертвовав всего 100 долларов, американский инвестор мог рассчитывать, что в Вильнюсе его именем будет названа улица («не менее двухсот метров длиной»); за 5000 долларов компания «Партия свободного рынка» вывесит портрет спонсора («минимальный размер 60x80 см, в орнаментированной позолоченной рамке») в Галерее национальных героев в историческом Доме Шляпелисов; за 25 000 долларов инвестор даст свое имя городу «с населением не менее 5 000 человек» и сможет осуществлять там «право первой ночи в современной гигиеничной форме», удовлетворяющей «большинству требований» Третьего международного конгресса по правам человека.

– Я просто ерничал, чтобы отвести душу, – пояснил Гитанас, примостившийся в уголке такси. – Но кто-нибудь смеялся? Вовсе нет. Они слали мне деньги. Я указал адрес, и чеки пошли косяком. Запросы по электронной почте – сотнями. Какую продукцию будет выпускать «Литва инкорпорейтед»? Кто руководит компанией «Партия свободного рынка» и имеют ли эти люди достаточный менеджерский опыт? Могу ли я представить отчет о прежних доходах? Вправе ли инвестор назвать улицу или деревню в Литве именем своего ребенка или именем любимого покемона своего ребенка? Всем требовалась дополнительная информация. Брошюры и проспекты! Акционерные сертификаты! Биржевые сводки! Включены ли мы в списки такой-то и такой-то биржи? И так далее. Многие хотят приехать с визитом. И никто не смеется!

Постукивая костяшками пальцев по окну, Чип рассматривал женщин на Шестой авеню. Дождь стихал, прохожие складывали зонтики.

– Кому идут эти доходы – вам или партии?

– Я нахожусь в процессе принятия решения, – сообщил Гитанас. Он извлек из кейса бутылку аквавита, из которой в офисе Иден наливал скрепившую их соглашение «рюмочку». Придвинулся к Чипу, передал ему бутылку. Чип отхлебнул изрядный глоток и вернул бутылку хозяину.

– Вы преподавали английский, – сказал Гитанас.

– Да, в университете.

– А откуда родом ваши родители? Из Скандинавии?

– По отцовской линии скандинавы, – подтвердил Чип. – По материнской – восточноевропейская смесь.

– В Вильнюсе вас примут за местного.

Чип торопился попасть домой до отъезда родителей. В кармане у него лежали денежки, тридцать сотенных, и его уже не так тревожило, что думают о нем старики. Вообще-то он припоминал, как несколько часов назад отец, весь дрожа, стоял на пороге, о чем-то просил. Потягивая аквавит и оглядывая женщин на тротуаре, Чип уже не понимал, почему старикан казался ему палачом.

Да, конечно, в смертной казни Альфреда не устраивало только одно: ее слишком редко применяют; верно и то, что за обедом, в Чиповом детстве, Альфред приговаривал к газовой камере или электрическому стулу исключительно чернокожих, ютившихся в трущобах на северной окраине Сент-Джуда («Ал! Ал!» – одергивала его Инид: к чему рассуждать о газовой камере и уличном насилии за семейным столом?) Как-то раз воскресным утром Альфред подошел к окну, пересчитал серых белок в саду, прикинул, какой ущерб они наносят дубам и газону, – так белые в «пограничных» кварталах прикидывали, сколько домов захватили «черные», – и решился на геноцид. Донельзя возмущенный – эти белки, заплонившие его небольшой палисадник, лишены всякого понятия о дисциплине, знай себе размножаются и не думают прибирать за собой! – он спустился в подвал и принес оттуда крысоловку. «Девятнадцать штук! – сказал он, когда Инид принялась неодобрительно качать головой, негромко, но внятно протестуя. – Девятнадцать!» Никакие эмоции не могли тягаться с этой точной, научно выверенной цифирью. В качестве приманки Альфред положил в ловушку кусочек белого хлеба, того самого, какой Чип, подсушив в тостере, только что ел на завтрак. Затем все пятеро Ламбертов отправились в церковь, и где-то между *Gloria Patri* и «Осанной» юный бельчонок, отважившись на сопряженное с высоким риском поведение, свойственное экономически угнетенным классам, набросился на хлеб, и ловушка разможила ему череп. Вернувшись домой, семья наткнулась на зеленых мух, пировавших на крови, сером веществе и разжеванном мякише, который вывалился из раздробленных челюстей бельчонка. Альфред стиснул зубы и выпятил подбородок, обычная гримаса неудовольствия, когда от него требовалась особая выдержка и самодисциплина, чтобы высечь кого-то из детей или доесть брюкву (он понятия не имел, сколь явно проступает на его лице отвращение к навязанным самому себе правилам). Принеся из гаража лопату, он отправил труп бельчонка вместе с крысоловкой в большой бумажный пакет, который Инид накануне наполовину заполнила выполотыми сорняками. Чип следовал за ним на расстоянии шагов в двадцать и увидел, как на пути из гаража в подвал Альфред слегка пошатнулся, его повело вбок, и, ударившись о стиральную машину, едва разминувшись со столом для пинг-понга, он бегом (Чип пугался, когда отец переходил на бег, он казался чересчур старым и правильным для таких упражнений) устремился в туалет. С тех пор белок никто не трогал.

Такси подъезжало к Университи-плейс. Не заглянуть ли в «Сидар таверн», не вернуть ли барменше украденное, целую сотню ей отдать, чтобы простила, узнать имя и адрес, письма писать из Литвы? Чип подался вперед, хотел попросить водителя остановиться, но тут его

осенила свежая идея: «Я украл девять баксов, я это сделал, такой я человек, и тем хуже для нее».

Откинувшись на спинку сиденья, он протянул руку за бутылкой.

У подъезда Чипова дома водитель отмахнулся от сотенной купюры – нет сдачи. Гитанас выгреб какую-то мелочь из кармана красной мотоциклетной куртки.

– Подождете меня в гостинице? – предложил Чип.

– Шутите? – усмехнулся Гитанас. – Нет, я вам, конечно, доверяю, но все-таки лучше подожду тут. Собирайте чемодан, можете не спешить. Возьмите пальто и шапку. Костюмы и галстуки. На этом можно сэкономить.

Привратник Зороастр куда-то подевался. Чипу пришлось отпереть подъезд своим ключом. В лифте он несколько раз глубоко вздохнул, чтобы справиться с возбуждением. Нет, он ничего не боялся, был полон великодушия, готов обнять старика отца.

Но в квартире его никто не ждал. Родные уехали, наверно, минут пять назад. В воздухе ощущалось тепло их тел, слабый аромат духов «Белые плечики», которыми пользовалась Инид, и еще какие-то запахи, ассоциирующиеся с уборной и со старостью. На кухне царила небывалая чистота. В гостиной куда заметнее проступили следы вчерашней уборки. Книжные полки оголены, а теперь и ванная опустела, Джулия забрала шампуни и фен. Он чувствовал, что здорово пьян. И записки ему никто не оставил! На обеденном столе лишь кусок торта да ваза с подсолнухами. Нужно собирать чемоданы, но все внутри его самого и вокруг казалось таким чужим, что он медлил, присматриваясь. На листьях подсолнухов виднелись черные пятна, по краям они побледнели, пожухли, но мясистые головки все еще хороши, увесистые, точно шоколадные пирожные, с ладонь толщиной. В центре каждого цветка – точь-в-точь канзасская рожа! – небольшая светлая выпуклость, окруженная чуть более темным кольцом. «Могла ли природа изобрести более соблазнительную постель для мелких крылатых насекомых», – подумал Чип. Он коснулся коричневого бархата, и его накрыла волна восторга.

Такси с тремя членами семейства Ламберт прибыло на причал в центральном Манхэттене. Громада круизного лайнера «Гуннар Мюрдаль» загораживала и вид на реку, и Нью-Джерси, и половину неба в придачу. Пассажиры, по большей части старики, сбились у входа на пирс толпой, которая по ту сторону калитки втягивалась, истончаясь, в длинный, залитый светом проход. Что-то потустороннее сквозило в этой плановой миграции, что-то жутковатое – в сердечности служащих «Нордик плежелайнз», в их белой форме, и тучи над головой рассеялись слишком поздно, успели омрачить день. Толчея и сумрак на берегу Стикса.

Дениз расплатилась с водителем и вручила багаж носильщикам.

– Куда ты сейчас? – спросила Инид.

– Обратно в Филадельфию. На работу.

– Прекрасно выглядишь! – внезапно расщедрилась Инид. – Тебе идут волосы именно такой длины.

Альфред схватил Дениз за руку, сказал «спасибо».

– Жаль, у Чипа выдался неудачный день, – пробормотала Дениз.

– Поговори с Гари насчет Рождества, – напомнила Инид. – И сама постарайся выкроить недельку.

Отвернув кожаную манжету, Дениз глянула на часы.

– Я приеду на пять дней, а Гари вряд ли выберется. И почему знать, что затевает Чип.

– Дениз! – нетерпеливо вмешался Альфред. – Поговори с Гари, пожалуйста.

– Ладно, ладно, поговорю.

Руки Альфреда бессильно болтались в воздухе.

– Сколько мне еще осталось?! Ты должна наладить отношения с матерью. И с Гари тоже.

– Ал, у тебя еще...

– Мы все должны наладить отношения!

Дениз никогда не плакала, но сейчас губы у нее задрожали.

– Хорошо, папа, – сказала она. – Я с ним поговорю.

– Твоя мать хочет встретить Рождество в Сент-Джуде.

– Я поговорю с ним, обещаю!

– Ладно. – Он внезапно отвернулся от нее. – Довольно об этом.

Черный плащ Альфреда развевался и хлопал на ветру, но Инид, вопреки всему, сохранила надежду, что погода будет в самый раз для круиза, никаких волн.

В сухой одежде, прихватив пальто и теплый спортивный костюм, а также сигареты, смертоносные «Мюррати» по пять баксов за пачку, Чип тем временем добрался вместе с Гитанасом Мизевичусом до аэропорта Кеннеди и сел в самолет Нью-Йорк – Хельсинки (вопреки устному соглашению Гитанас купил билеты в туристическом классе).

– Сегодня будем пить, отоспимся завтра, – предложил он.

Они заняли места – одно у окна, другое ближе к проходу. Усаживаясь, Чип припомнил, как Джулия надула Гитанаса, представил себе, как она быстро спускается по трапу, опрометью мчится через здание аэропорта и прячется на заднем сиденье старого доброго желтого такси. Нахлынул приступ ностальгии, страха перед неведомым, любви к привычному, но, в отличие от Джулии, Чип не испытывал соблазна сбежать. Он задремал, едва пристегнув ремень, ненадолго очнулся при взлете и снова нырнул в сон, пока все пассажиры дружно не задымили сигаретами.

Гитанас извлек из кейса ноутбук, включил его.

– Итак, Джулия, – сказал он.

На миг одурманенному сном Чипу померещилось, что Джулией Гитанас назвал его.

– Моя жена, – пояснил Гитанас.

– А, ну да.

– Она принимает антидепрессанты. Иден присоветовала. Я так понимаю, Иден все за нее решает. Ты же видел, ей не терпелось прогнать меня из кабинета. Она бы меня и в город не выпускала! Теперь я им ни к чему. Ну так вот, Джулия начала принимать антидепрессанты и однажды утром проснулась и поняла, что не хочет иметь дело с мужчиной, у которого шрамы от сигаретных ожогов. Так и сказала: довольно мужчин с ожогами от сигарет! Пришла пора что-то менять. Никаких ожогов. – Гитанас вставил в компьютер диск. – Но квартиру она хочет оставить за собой. Во всяком случае, адвокат хочет, чтобы она оставила ее себе. Адвокату платит Иден. Они сменили замки, пришлось заплатить консьержу, чтобы войти.

– Ожоги от сигарет? – переспросил Чип, пряча левую руку.

– Да. У меня есть ожоги. – Гитанас вытянул шею, проверяя, не подслушивает ли кто, но все пассажиры за исключением двух детишек, которые так и не открывали глаз, были заняты курением. – Советская военная тюрьма, – продолжал он. – Я покажу тебе, какую памятку они мне оставили.

Скинув с одного плеча красную кожаную куртку, он закатал рукав желтой футболки: от подмышки до локтевого сгиба тянулась цепочка мелких, сливающихся друг с другом шрамов.

– Девяностый год, – сказал он. – Восемь месяцев в бараках Красной Армии в суверенном государстве Литва!

– Ты диссидент, – сообразил Чип.

– Да! Вот именно! Диссидент! – Гитанас вновь сунул руку в рукав куртки. – Ужасно и прекрасно. Очень изнурительно, но тогда усталость не чувствовалась. Усталость пришла потом.

А чем был 1990 год для Чипа? Елизаветинские драмы, бесконечные пустые ссоры с Тори Тиммелман, тайное нездоровое увлечение некоторыми книгами из научной библиографии Тори, которые иллюстрировали бесчеловечное опредмечивание порнографии, – вот и все.

– Даже смотреть на это боюсь, – признался Гитанас. На экране компьютера всплыло тусклое черно-белое изображение кровати, вид сверху, чье-то тело под одеялом. – Консьерж сказал,

у нее завелся парень, и я забрал улики. Систему наблюдения установил еще прежний квартировладелец. Инфракрасный детектор реагирует на движение плюс оцифровка кадров. Можешь посмотреть, если хочешь. Любопытно. Горячо.

Чип припомнил детектор дыма на потолке в спальне у Джулии. Сколько раз он таранился на него, пока не пересыхало во рту и глаза сами собой не закатывались. «Чересчур сложное устройство для противопожарного детектора», – не раз думал он.

Чип выпрямился в кресле.

– Может, не стоит на это смотреть?

Гитанас сосредоточенно нажимал на кнопки.

– Поверну экран под другим углом, если ты не хочешь смотреть.

В проходе клубились тучи табачного дыма. Не закурить ли «Мюратти»? – подумал Чип. Но здесь каждый вздох вполне заменял затяжку.

– Я вот о чем, – сказал он, заслоня ладонью экран. – Может, лучше вынуть диск и не смотреть на это?

Гитанас искренне удивился:

– Почему бы мне не посмотреть?

– Давай вместе поразмыслим, почему этого делать не стоит.

– Ну-ка, скажи мне.

– Нет, поразмыслим вместе.

Какое-то грозное веселье стучалось в атмосфере. Гитанас смотрел на Чипа, словно прикидывая, куда впиться зубами – в плечо, в колено или в запястье. Выдернув из дисководов компакт-диск, он швырнул его Чипу в лицо.

– Мать твою!

– Конечно-конечно.

– Забирай. Мать твою! Не стану я на это смотреть. Забирай!

Чип сунул диск в нагрудный карман. Все хорошо. Все в порядке. Самолет набрал высоту, ровное гудение превратилось в белый шум, слегка обжигавший сухие слизистые оболочки, у него был цвет исцарапанных пластиковых иллюминаторов и вкус холодного жиденького кофе в одноразовых чашечках. Над Северной Атлантикой властвовали тьма и одиночество, но здесь, в самолете, над головой горели огоньки, здесь были люди. Приятно бодрствовать и видеть вокруг бодрствующих пассажиров.

– Значит, и у тебя на руке ожог? – спросил Гитанас.

Чип разжал ладонь.

– Пустяки.

– Сам себя? Жалкий американец!

– Тоже тюрьма в своем роде, – возразил Чип.

Чем больше он думал об этом, тем больше злился он

Отношения Гари Ламберта с корпорацией «Аксон», принесшие в итоге немалую прибыль, завязались за три недели до описанных выше событий, воскресным днем, когда он в своей новенькой лаборатории для цветной печати пытался отреставрировать две старые фотографии родителей и, получив удовольствие от этого процесса, увериться в своем душевном здоровье.

Собственное душевное здоровье давно стало для Гари предметом особых забот, но как раз в тот вечер, когда он, выйдя из своего просторного, крытого сланцем особняка на Семи-нол-стрит, пересек задний двор и поднялся по наружной лестнице в просторный гараж, в его мозгу царила такая же теплая и ясная погода, как и во всей северо-западной Филадельфии. Сквозь легкую дымку и небольшие тучки с серым опереньем просвечивало сентябрьское солнце, и, насколько Гари разбирался в своей нейрохимии (в конце концов, он же не психиатр, а вице-президент «СенТрастБанка», не следует об этом забывать), все основные датчики указывали на отметку «здоров».

Хотя в принципе Гари одобрял, что современному человеку полагается самостоятельно управлять своими пенсионными вкладами, планировать междугородные разговоры и выбирать программы в частных школах, он был отнюдь не в восторге, что на него возложена ответственность за состояние его личных мозгов, в то время как некоторые – в первую очередь родной отец – наотрез отказывались от подобной ответственности. Но уж чего-чего, а добросовестности у Гари не отнимешь. На пороге темной комнаты он оценил уровень нейрофактора 3 (серотонин, один из важнейших факторов) – максимум за последнюю неделю, если не за месяц; фактор 2 и фактор 7 также превышали самые радужные ожидания, и фактор 1 уже не столь угнетен, как с утра (последствие выпитого на ночь бокала арманьяка). Упругий шаг, приятное ощущение своего роста – несколько выше среднего – и летнего загара. Недовольство супругой, Кэролайн, незначительно, поддается сдерживанию. Основные признаки паранойи (неотвязное подозрение, будто Кэролайн и двое старших сыновей посмеиваются над ним) пошли на убыль, сезонное томление по поводу тщеты и краткости жизни уравнивалось крепостью его мозговой системы в целом. Нет, клинической депрессией он не страдает.

Гари задернул бархатные шторы, сдвинул светонепроницаемые ставни, достал из большого холодильника (нержавеющая сталь) коробку с бумагой формата 8×10 дюймов и засунул две пленки в электрический очиститель негативов – волнующе тяжелый маленький приборчик.

Он печатал фотографии родителей из времен злополучного Десятилетия супружеского гольфа. На одном снимке Инид, сильно изогнувшись, скосив под солнечными очками глаза – в мареве жары все расплывается, – левой рукой стиснула многострадальную клюшку-пятерку, правую руку, исподтишка бросающую мяч (белое пятно на краю фото) поближе к лунке, размыло в движении. (Они с Альфредом играли только на дешевых общедоступных полях для гольфа, прямых и коротких.) На другой фотографии Альфред – шорты в обтяжку, кепка «Мидленд Пасифик» с длинным козырьком, черные носки и допотопные туфли для гольфа – замалхивался столь же допотопной деревянной клюшкой на белую метку размером с грейпфрут и скалился в камеру, словно говоря: «Вот по такому мячику я бы попал!»

Вынув увеличенные отпечатки из фиксажа, Гари включил свет и обнаружил, что оба снимка покрыты сеткой странных желтых пятен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.